

UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

PARTEA XXIV

CHIȘINĂU – 2004

CZU

M

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXIV. – Chișinău, USM, 2004. – 177 p.

În această culegere sînt examinate diferite probleme ale vieții social-politice din Republica Moldova: instituționalizarea și dezvoltarea științei politice în Moldova, lupta cu terorismul, sistemele electorale, alegerile parlamentare și tehnologiile electorale, relațiile internaționale și politica externă, formarea și promovarea imaginii liderului politic, etc. Materialele sînt adresate studenților, profesorilor, celor ce se interesează de știința politică contemporană.

COLEGIU DE REDACȚIE:

doctor-habilitat, profesor V.Moșneaga (redactor-sef), doctor-habilitat, conferentiar V.Saca (redactor-sef adjunct), doctor, conferentiar V.Cujba, doctor, conferentiar A.Rosca, doctor, conferentiar N.Osmochescu

**Analele științifice ale facultății relații internaționale,
științe politice și administrative**

Recenzent:

prof. Alexandru ZAVTUR

Descrierea CIP a Camerei naționale a Cărții

MOLDOSCOPIE: (Probleme de analiză politică). / Univ. de Stat din Moldova. - Ch.: Centrul Ed. al USM, 2004.

P.XXIV. – 2004. – 177 p.

ISBN

50 ex.

32.001(478) (082)=

ISBN

© – Chișinău, USM - 2004

S U M A R

Compartimentul I.

ISTORIA ȘI TEORIA POLITOLOGIEI

- Мошняга В.,* *Институционализация политологии как* 5
Цуркан В., *учебной дисциплины в Республике Молдова.*
Руснак Г.
- Сака В.* *Политическая наука в Молдове: тематиче-* 35
 ское и инструментальное измерение

Compartimentul II.

GVERNAREA POLITICĂ ȘI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

- Tăbîrță V.* *Reforma administrativ-teritorială în Republica* 47
 Moldova: între centralism și descentralizare
- Tăbîrță S.* *Rolul statului în evoluția și reglementarea stra-* 56
 tificării sociale

Compartimentul III.

SOCIOLOGIA POLITICĂ

- Anghel E.* *Reprezentările identitare ale maselor în perioa-* 67
 da de tranziție
- Булова М.* *Анализ политических диалектов как возмо-* 75
 жный подход к исследованию электорально-
 го пространства
- Morozan A.* *Organizațiile internaționale și protecția dreptu-* 89
 rilor minorităților naționale din Republica Mol-
 dova
- Peru A.* *Legitimitatea, autoritatea si carisma – elemente* 98
 ale imaginii liderului politic (studiu comparat)
- Турко Т.,* *Политический риск и избирательная кампа-* 113
Болотов А. *ния (на примере выборов Депутатов Госу-*
 дарственной Думы Федерального Собрания
 Российской Федерации 4-го созыва)

Compartimentul IV.

RELAȚII INTERNAȚIONALE

Cebotari S., Saca V. Evoluția relațiilor Republicii Moldova cu Uniunea Europeană prin prisma interesului național. 124

Ермолович А., Бурдельный Е. «Расширенная Европа – соседство»: разные страны, общие интересы (сравнительный анализ европейского вектора внешней политики Республики Беларусь и Республики Молдова) 138

Молодикова И. Основные этапы и методы регулирования трудовой миграции в западноевропейских странах. 150

Завтур К., Коваль К. Борьба и профилактика терроризма: международные подходы и опыт демократических и переходных стран. 165

SUMMARY 173

**COMPARTIMENTUL I.
ISTORIA ȘI TEORIA POLITOLOGIEI.**

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ КАК
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РЕСПУБЛИКЕ
МОЛДОВА**

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений,
политических и административных наук
заведующий кафедрой политологии,
доктор-хабилитат, профессор
e-mail: mosneaga@hotmail.com

Валентин ЦУРКАН
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
Факультет международных отношений,
политических и административных наук
заведующий лабораторией
«Социология политики»,
доктор, доцент

Георгий РУСНАК
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
ректор, доктор-хабилитат, профессор,
член-корреспондент Академии Наук Молдовы

***1. Институционализация политической науки
в Молдове в советское время***

В Советском Союзе политология долгое время разделяла судьбу генетики, кибернетики, эмпирической социологии. Сам термин считался неприемлемым, носящим привкус буржуазной науки, обслуживающей интересы правящих классов. По существу, до конца '90-х годов XX века не употреблялся и официально не признавался. Хотя Советская ассоциа-

ция политической науки существовала и была членом Международной ассоциации политической науки с 1973 года. На наш взгляд, это было обусловлено внешнеполитическими факторами.

Только с января 1989 года меняется положение дел, когда Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК) при Совете Министров СССР ввела в регистр научных специальностей политологию (политическую науку). Фактически с этого времени можно считать, что начинается процесс институционализации политической науки и в Молдове¹.

Однако, следует отметить, что это не означало, что в советской стране вообще не велось никаких исследований в области политических процессов. Проблемы политики, политической власти, функционирования политических систем частично изучались научным коммунизмом, марксистско-ленинской философией (историческим материализмом), политической экономией, государственным правом и некоторыми другими юридическими дисциплинами.

Ограниченность подобных исследовательских программ была обусловлена рядом факторов. Во-первых, они были слабо интегрированы между собой, осуществлялись в основном в научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева и ориентировались, главным образом, на зарубежную тематику. Значительное место в этих исследованиях занимала критика буржуазной идеологии и политической науки. Идеологическая зашоренность и ангажированность в анализе зарубежной политической проблематики проявлялась в выискивании лишь плохого, отрицательно-го в «наступательной» контрпропаганде и критике современной буржуазной идеологии.

Во-вторых, исследования по внутренней социально-политической тематике испытывали на себе постоянное негативное влияние официальных доктрин, определяющих общественные науки лишь как пропагандиста и комментатора партийных решений. Они осуществлялись на основе дозирования «впечатляющих успехов в социалистическом (коммунистическом) строительстве и отдельных недостатков, носящих вре-

¹ См.: Мошняга В. Политологические исследования в Молдавском госуниверситете: состояние и проблемы. // *MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VIII.* – Кишинев, Молд.ГУ, 1997, с.156-172; Мошняга В., Руснак Г. Политическая наука в Молдове: состояние и проблемы. // *MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть II.* – Кишинев, Молд.ГУ, 1993, с.3-11.

менный характер и обусловленных пережитками прошлого в сознании отдельных личностей»².

В-третьих, постановка и исследование этих проблем осуществлялись только на основе принципов догматизированного марксизма-ленинизма. Опора исключительно на марксизм, трактовка его как абсолютной истины при одновременном высокомерном отрицании «ненаучной» буржуазной идеологии было не случайным. Суть в том, что административно-командная система была заинтересована в изоляции советской общественной науки от мирового опыта, достижений западной политической науки. Ей не нужна была наука, исследующая политические процессы, функционирование власти, соперничество политических партий, механизм выборов и т.д., ибо тем самым ставился вопрос об альтернативах административно-командной однопартийной системы в политической сфере. В то же время активно реализовывался государственный заказ на исследование преимуществ социалистической политической системы, изучение и распространение опыта КПСС в социалистическом строительстве и т.д.

Такое наследство в сфере общественных наук, и политической проблематики в частности, досталось и независимой Молдове. Однако, в отличие, скажем, от России, Украины, ряда других республик бывшего Союза, в новом европейском государстве – Республике Молдова – практически не оказалось обществоведческих кадров, задействованных ранее в исследовании зарубежной проблематики и знакомых, соответственно, с современной западной политической наукой. И это также явилось отягощающим фактором на пути становления молдавской политической науки.

Тем не менее, Молдова начала быстрее открываться западной политической науке. Это было обусловлено тем, что процесс отказа от коммунизма и марксизма-ленинизма как официальной идеологии начался в республике несколько раньше, чем в других частях СССР, но шел с некоторым временным отставанием (от 10 до 6 месяцев) от политических и социальных процессов, происходивших в конце '80-х годов в республиках советской Прибалтики.

² *Полагаем, что это также явилось одной из причин того, что в период перестройки политическая публицистика, освободившись от оков коммунистической цензуры, бросилась в другую крайность, видя во всем предшествующем советском развитии только белые, черные и красно-красные страницы, выбрасывая с грязной водой и ребенка, здоровые, позитивные явления и процессы, которые также имелись в советский период.*

С 1 сентября 1989 года в Молдове прекращается преподавание научного коммунизма и истории КПСС. Кафедра научного коммунизма переименовывается в кафедру политологии и теории социализма, кафедра истории КПСС в кафедру политической истории. Перед преподавателями кафедры политологии и теории социализма поставлена задача подготовить к 1 января 1990 года нормативный курс по политологии на молдавском (румынском) и русском языках.

Это стимулировало поиск и знакомство с иностранной политологической литературой. Большую роль в первоначальном приобщении к западной политической науке сыграли работы польских и румынских авторов, труды французских и американских исследователей, переведенные на румынский язык и имевшиеся в Румынии работы.

С 1 января 1990 года в Молдавском госуниверситете, а постепенно и в других высших учебных заведениях республики начинается преподавание курса политологии. С 1 января 1991 года начинает выходить учебное пособие по нормативному курсу по политологии – 15 лекций (румынский вариант - в 15 брошюрах, русский вариант – в 5 брошюрах)³. Это издание было одним из первых учебных пособий по политологии в Советском Союзе. В апреле 1990 году в названии «кафедра политологии и теории социализма» благополучно исчезает «теория социализма». Тем самым, уже само название подчеркивает, что становящаяся политическая наука в Молдове стремится быть менее идеологизированной. Процесс институционализации политической науки в Молдове становится разносторонним.

2. Институционализация политологии в независимой Молдове.

Становление независимого молдавского государства, новые демократические ориентиры в политическом, социально-экономическом и духовно-идеологическом развитии наложили свой отпечаток и на становление политологии как науки и учебной дисциплины, ее институционализации. Однако, процесс этот, при уже накопленном позитивном потенциале, был далеко не однозначен.

³ См.: *Prelegeri la cursul universitar de politologie. Coord. A.Zavtur. – Chişinău: Societatea „Ştiinţa”, 1991; Лекции по нормативному курсу политологии. Под ред. А.Завтура. – Кишинев: Общество «Штинца», 1991. Одновременно в журнале «Politica (Политика)», бывшем теоретическом и общественно-политическом органе ЦК КПМ, на двух языках печатались тексты лекций по курсу политологии.*

2.1. Первый этап (1991-1995 гг.) – «поиск себя» в научно-образовательном пространстве Молдовы.

Университетский нормативный курс по политологии. Политология как наука и учебная дисциплина начинает искать себя, свое место в обществе, национальной системе образования. У молдавского социально-политического обществознания (кафедры политологии и политической истории) был накоплен успешный опыт выживания и приспособления в последние два года советского развития. Становление независимого государства востребовало, с одной стороны, пересмотра концепции социально-политического и патриотического образования в вузах. С другой стороны, парламент независимой демократической Молдовы принимает закон «О политических партиях и других общественно-политических организациях» (сентябрь 1991 года), в котором в ст.9 декларируется запрет на изучение истории, теории и практики деятельности политических партий в системе народного образования, в высшей школе. Де-факто, это прямой удар по политической науке. В такой позиции отразилась не столько антипартийная, сколько антикоммунистическая направленность мышления депутатского корпуса Молдовы в целом, протест против обществоведческих вузовских дисциплин, опирающихся на доктрины идеологизированного марксизма-ленинизма.

Происходит изменение структуры преподавания общественных дисциплин в вузах. Кафедры политической истории и политологии, значительно потеряв в временном объеме курсов, объединяются под крышей кафедр политологии. Вместо курса политической истории на первом курсе начинает читаться курс истории румын, призванный восполнить пробелы национального и патриотического воспитания. Политология как учебная дисциплина, получившая в наследство от научного коммунизма, образовательное поле на 4-5 курсе, переводится на 2 курс. Этот процесс затрагивает все высшие учебные заведения страны.

На этом этапе практически во всех вузах создаются кафедры политологии, потом, постепенно идет процесс объединения их с другими вузовскими кафедрами обществоведческого цикла и чисто политологические кафедры остаются только в составе Молдавского госуниверситета (на первом этапе) и в возникающих чуть позже (на втором этапе) специализированных на обучении в области политической науки частных высших учебных заведениях. Кроме того, в составе Института философии, социологии и права Академии Наук Республики Молдова создается отдел политологии, призванный осуществлять политологические научные исследования.

Политологи, апеллируя к опыту западной политической науки, сумели в таких не всегда доброжелательных условиях сохранить во всех вузах обязательный характер курса политологии. На факультетах гуманитарного цикла он был введен в объеме 50 часов, на факультетах реального цикла (естественные, технические, сельскохозяйственные, медицинские специальности) – в объеме 34 часов. В дальнейшем продолжительность курса, распределение на лекции и семинарские (практические) занятия стабилизировались для всех специальностей и сегодня составляют 42-46 часа (2 часа лекций каждую неделю и 2 часа семинарских занятий через неделю). Изучается политология в течение одного семестра на втором курсе.

Кроме того, на ряде факультетов гуманитарного цикла, опираясь на благосклонность руководства, удалось внедрить преподавание не только нормативного, но и специальных курсов по политической науке. Более того, осуществляемый на втором этапе переход молдавской высшей школы к мировой практике переводных учебных кредитов расширяет возможности для увеличения доли, объема политологического образования на неполитологических специальностях вузов. Студенты-политологи самостоятельно, на принципах выбора отбирают необходимые им для получения необходимого числа кредитов учебные дисциплины. Наша практика свидетельствует, что предлагаемые политологические специальные курсы пользуются популярностью у студентов различных специальностей, в том числе и реального цикла.

Преуниверситетский нормативный курс политологии. Была сделана попытка ввести преподавание политологии и в среднюю и средне-специальную школу. Была подготовлена и утверждена Министерством образования и науки Республики Молдова типовая программа курса по политологии⁴. В ряде средних школ, лицеев, колледжей начал преподаваться этот курс на гуманитарных и естественно-научных специальностях в объеме 72 и 36 учебных часов, соответственно. Однако, в целом это начинание не достигло ожидаемых целей. Одной из причин было отсутствие квалифицированных кадров и недостаток учебной нагрузки по политологии в доуниверситетских учебных заведениях.

Обеспечение преподавания нормативного курса по политологии. В 1990 году в республике было подготовлено и издано, как мы уже отметили, одно из первых учебных пособий по политологии в бывшем СССР. При всех его недостатках он давал целостное представление о

⁴ См.: Moşneaga V. *Politologie. Programa pentru licee, şcoli de cultură generală, colegii.* – Chişinău, 1993.

политической науке, ее проблематике. С учетом новых политических реалий, связанных со становлением независимого и демократического молдавского государства, а также и с новым уровнем знаний была начата подготовка и издание нового коллективного учебного пособия по политологии. Это учебное пособие, как и предыдущее выходило на молдавском (румынском) и русском языках, в нескольких выпусках⁵. Позднее в Молдове появились учебные пособия по нормативному курсу политологии, подготовленные отдельными авторами⁶.

Политологические кадры. В условиях становления системы политологического образования встает вопрос о подготовке кадров. До этого в республике не существовало системы подготовки кадров по специальности политическая наука. Первым шагом в создании подобной системы явилась регистрация в ВАК Правительства Молдовы, дальнейшая нострификация и перепрофилирование всех национальных преподавательских и исследовательских кадров, занятых в области преподавания и исследования проблем политической науки в Молдове. В 1992-1993 годы Высшей Аттестационной Комиссией Правительства Республики Молдова были зарегистрированы все ученые степени и научные звания (дипломы докторов, доктор-хабилитат, доцентов, профессоров), полученные молдавскими специалистами, в том числе и обществоведами, в советское время. Процесс нострификации ученых званий и степеней, полученных в постсоветское время, имеет место и сегодня.

Процесс перепрофилирования педагогических и научных кадров проходил в основном самостоятельно: - преподаватели сами определялись в своей приверженности той или иной общественной дисциплине, учебной кафедре. Они должны были совершенствовать свои знания, адаптироваться к уже существующему и читаемому университетскому курсу политологии. Молодые, не остепененные преподавательские и исследовательские кадры приобщались к политической науке посредством докторантуры, самостоятельного изучения политологической литературы.

⁵ См.: *Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea I. – Chişinău: USM, 1993; Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea II. – Chişinău: USM, 1994; Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea III. – Chişinău: USM, 1995; Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea IV. – Chişinău: USM, 1998;*

⁶ *Popescu T. Politologie. – Chişinău, 1997; Zavtur A., Varzari P., Pîrţac G. Politologia. – Chişinău, Academia de poliţie, 2000; Беньюк В. Политология. – Кишинев, АМОДЗ, 2001; Sandu I., Colaţchi A. Politologie. Întroducere în studiul teoriei politice. Ediţia a II. – Chişinău, 2002 u др.*

Правительство обеспечило возможность краткосрочных стажировок и курсов повышения квалификации в румынских вузах. Справедливости ради, отметим, что становление политологии в румынской высшей школе проходило значительно позже, чем в Молдове. Кроме того, использовалась и такая форма как направление студентов и аспирантов на учебу и в докторантуру в румынские вузы. При помощи Фонда Сороса в Молдове начала практиковаться подготовка кадров в вузах Франции, США и других стран.

Однако, подобные меры не могли удовлетворить потребности страны в высококвалифицированных политологических кадрах, владеющих достижениями современной западной политической науки, способных использовать современные методы политического анализа и политологического исследования. Это важно подчеркнуть, потому что политическая наука стала выходить за рамки только университетов, образовательного процесса или академических исследовательских центров.

Все чаще она стала находить применение в государственных и политических структурах Молдовы. Создаются и начинают действовать группы (и иные подразделения) политического анализа в Парламенте, Правительстве, Президентуре страны. Имеются аналитические политические группы в составе национального телерадио, министерств иностранных дел, обороны, юстиции, внутренних дел, службы информации и безопасности и др. Естественно, что растет потребность в специалистах, которые не только имеют представление, почерпнутое в нормативном курсе по политологии, но и могут осуществить политологическое исследование, применить методы политического анализа при изучении той или иной общественной проблемы, принятии того или иного политического, государственного решения.

Интерес к политической науке, ее теоретической и прикладной проблематике активно проявляют политические партии и общественно-политические формирования. Хорошей практикой стало создание независимых центров политического анализа, партийных политических школ и т.д.

В этот период была сделана попытка объединить преподавателей, политиков, экспертов-аналитиков, всех интересующихся проблематикой политической науки в рамках специализированных организационных структур. В 1992 году была создана Ассоциация политологов Молдовы. Однако, в силу различных причин организационного, финансового плана Ассоциация как работающая структура не сложилась.

В настоящий момент делается попытка возобновить ее деятельность. В начале января 2004 года в Министерстве юстиции Республики

Молдова зарегистрирована Молдавская ассоциация политической науки.

**2.2. Второй этап (1995-2003 гг.) –
интеграция в образовательную систему Молдовы,
становление собственного научного и педагогического лица.**

Развитие политологии и как науки и как учебной дисциплины востребовало решение вопроса о создании национальной системы подготовки кадров в области политической науки.

Высшие учебные заведения в области политической науки. Пионером в этом деле явился Молд.ГУ (Молдавский государственный университет), который с 1993 года открыл обучение студентов (одна академическая группа) по специальности «история и политология» в составе исторического факультета. Все студенты были зачислены на основе конкурса на бюджетную форму обучения. В 1994 году в составе исторического факультета было открыто отделение «политических наук», на котором обучались студенты по специальностям «политология и история», «политология и право», «международные отношения». Впервые были зачислены студенты и на контрактную форму обучения.

В 1995 году в составе университета на основе отделения «политических наук» был создан факультет политических и административных наук, который готовит специалистов в области политической науки по следующим специальностям: «политология», «правовое образование и политология», «публичная администрация» и «международные отношения»⁷. В 2001 году название факультета было изменено на «факультет международных отношений, политических и административных наук». На конец 2003 года на факультете обучалось 2582 студента. Из них на дневной форме обучения – 2342 студента и на заочном отделении – 240 человек.

С 2002 года на факультете открыто и заочное обучение по специальностям: «политология», «правовое образование и политология», «публичная администрация». На факультете имеется и постуниверситетское обучение. На заочном отделении созданы группы постуниверситетского образования (второе высшее образование). Докторантура и постдокторантура по политической науке функционирует на факультете с

⁷ Страх Д. Преподавание политической науки: исторические и организационно-методические аспекты проблемы. // *MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть V.* – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.170-179; Cujbă V. *Pledoare pentru libertate și afirmare.* // *Republica Moldova la începutul mileniului III: realități și perspective.* – Chișinău: USM, 2001, p.15-19.

1995 года. С 1999 года открывается магистратура по специальности «политология». Постуниверситетское образование (магистратура) в непосредственно по политологии в Молдове открыто только в Молдавском госуниверситете.

В составе факультета действует 4 кафедры (кафедра политологии, кафедра международных отношений, кафедра публичной администрации и права, кафедра прикладных иностранных языков) и 1 научно-исследовательская лаборатория «Социологии политики». Факультет обладает собственным новым учебным корпусом, сданным в эксплуатацию в 1998 году, специализированной библиотекой, современными коммуникационными возможностями. Он осуществляет научное и учебно-методическое сотрудничество с рядом университетов Германии, России, Румынии, США, других стран. За время существования факультета было 7 выпусков дипломированных специалистов в области политических наук общей численностью более 600 человек.

В 1997 году было открыто первое частное высшее учебное заведение по подготовке квалифицированных специалистов в области политических наук – ИПЗМО (Институт политических знаний и международных отношений)⁸. Институт готовит специалистов по следующим специальностям «политология», «правовое образование и политология», «международные отношения», «европейские исследования», «американистика». Подготовка специалистов политологов по специальностям «американистика» и «европейские исследования» явилось пионерским направлением для политологического образования в Республике Молдова. С 1997 года в Институте открыто заочное обучение, в том числе и постуниверситетское (второе высшее образование) по отмеченным выше специальностям. Институт политических знаний и международных отношений уже осуществил первый выпуск дипломированных специалистов в области политических наук.

В 1999 году было зарегистрировано, а с 2000 года начало подготовку специалистов в области политической наук по специальностям «международные отношения», «международные экономические отношения», «международное право», «международная журналистика» другое частное высшее учебное заведение – АМОДЗ (Академия международных отношений и дипломатических знаний). С 2003 года прием студентов в это высшее учебное заведение не производится. Руководством Академии проводится работа по переводу студентов этого учебного заведения в Молд.ГИМО (Молдавский институт международных отноше-

⁸ См.: *ISPRI. Ghidul studentesc. – Chişinău: ISPRI, 2003.*

ний), открытый решением правительства Республики Молдова в 2002 году и осуществляющим прием и обучение студентов на дневной форме обучения с 2003 года по специальностям «международные отношения», «международные экономические отношения», «международное право», «международная журналистика».

С 1997 года начато университетское (очное и заочное) обучение студентов по специальности «публичная администрация» в ГАПУПРМ (Государственной академии публичного управления при правительстве Республики Молдова), которая была открыта с 1993 года. До этого данное учебное заведение предназначалось для постуниверситетского обучения (второе высшее образование) и совершенствования кадров в области публичной администрации.

Таблица 1. Подготовка аудитентов в области политической науки (постуниверситетское образование) в Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова (по годам)⁹

	'93	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'00	'01	'02	'03	total
<i>a</i>	39	88	149	122	198	82	61	51	54	20	35	899
<i>b</i>	75	190	213	337	456	517	498	468	491	395	483	4123
tot	114	278	362	459	654	599	559	519	545	415	518	5022

Примечание:

a - дневное отделение; *b* - заочное отделение.

На отделении постуниверситетского образования в Академии Государственного управления при Президенте Молдовы в 1993-2003 учебных годах обучалось чуть более 5000 аудитентов. Из них более 80 процентов обучалось на заочном отделении. Переподготовку в области публичного управления за период 1993-2003 год прошло около 7000 работников сферы управления Республики Молдова¹⁰. В Академии состоялось уже 2 выпуска выпускников университетского образования в области административных наук, публичной администрации.

Открытие университетской подготовки меняло особый образовательный статус данного учебного заведения. С изменением правового статуса Академии – с 2003 года она стала именоваться Государственная академия публичного управления при Президенте Республики Молдова

⁹ Архив Государственной Академии Публичного Управления при Президенте Республики Молдова

¹⁰ См.: *Academia de administrare publică pe lângă Președintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri.* – Chișinău: AAPPRM, 2003, p.34-35, Архив Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдова за 2003 год.

университетское дневное обучение по специальности «публичная администрация» было прекращено¹¹, а студенты были переведены в Молдавский госуниверситет на факультет международных отношений, политических и административных наук¹². Академия публичного управления при Президенте Республики Молдова занимается постуниверситетским образованием (второе высшее образование, магистратура (с 2002 года) и докторантура с 1994 года) в области публичной администрации.

Среди академических учреждений политологического профиля отметим Институт философии, социологии и права Академии Наук Республики Молдова, в котором в 1992 году был создан отдел политологии. Это специализированное научное подразделение в области политической науки занимается как осуществлением научных исследований в различных областях современного политического знания, так и подготовкой исследовательских кадров. При Институте философии, социологии и права действует докторантура и по политической науке, в которой проходят обучение докторанты на дневной и заочной формах обучения на основе бюджетного финансирования или на контрактной основе.

Количество студентов. Институционализация высших учебных заведений в области политической науки, специализированных академических, научно-исследовательских учреждений сопровождалось ростом студентов, магистрантов, докторантов, избравших в качестве своей будущей профессии политическую науку. Статистические данные о численности студентов в государственных и частных высших учебных заведениях Республики Молдова свидетельствуют о растущем интересе молодежи к политической науке.

¹¹ Студенты на заочном отделении продолжают обучение по специальностям публичной администрации.

¹² Правительство приняло решение перевести в Молдавский госуниверситет на факультет международных отношений, политических и административных наук студентов очного отделения 2 и 3 курсов (из 111 студентов на факультет международных отношений, политических и административных наук перевелось 79 человек. Остальные выбрали в качестве дальнейшей учебы юридический факультет). Студентов 4 и 5 курсов было решено оставить в Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдовы и позволить завершить обучение в данном учебном заведении.

Таблица 2. Обучение студентов в области политической науки (университетское образование) в высших учебных заведениях Республики Молдова¹³.

	1		2		3	4	5		всего
	A	b	a	b	a	A	a	b	
1993	25	-	-	-	-	-	-	-	25
1994	96	-	-	-	-	-	-	-	96
1995	271	-	-	-	-	-	-	-	271
1996	443	-	-	-	-	-	68	-	511
1997	594	-	-	-	-	-	156	-	750
1998	752	-	102	27	-	-	278	-	1159
1999	891	-	339	63	-	-	345	-	1638
2000	958	-	587	141	175	-	441	35	2337
2001	1388	-	753	273	445	-	425	73	3357
2002	1859	104	668	327	625	-	237	86	3906
2003	2342	240	654	389	625	195	150	-	4595

Примечания:

1 – Молд.ГУ; 2 – ИПЗМО; 3 – АМОДЗ; 4 – Молд.ГИМО; 5 – ГАПУПРМ;
a – дневная форма обучения, b – заочная форма обучения

При этом отметим, что подавляющее большинство студентов обучается на контрактной основе. Так, например, в Молдавском госуниверситете, являющемся флагманом в области подготовки кадров по политической науке и в котором сосредоточена основная масса будущих политологов, на бюджетной основе обучается только 299 из 2582 студентов, то есть менее 12 процентов.

Подчеркнем, что значительная часть молодых людей из Молдовы, сделав выбор в пользу политической науки, выбрали в качестве *alumni* высшие учебные заведения других стран. К сожалению, мы не обладаем полной информацией по этой категории молдавских студентов изучающих политическую науку в иностранных государствах.

¹³ Источник: Илацук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1993-1994 учебном году. // *MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII.* – Кишинев, Молд.ГУ, 1995, с.304-306; Илацук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1994-1996 учебном году. // *MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII.* – Кишинев, Молд.ГУ, 1995, с.307-310; Архивы высших учебных заведений Республики Молдова.

Причина в том, что многие из них выехали на обучение в зарубежные вузы самостоятельно. Некоторая часть из них была направлена на учебу Министерством образования Республики Молдова. Аналогичная картина и в отношении постуниверситетского образования (магистратура и докторантура). Собственные эмпирические наблюдения показывают, что молдавские граждане, выпускники как молдавских, так и иностранных высших учебных заведений обучаются, получив грант, государственное финансирование иностранных государств или за собственный счет во многих европейских странах (от Ирландии до России и от Италии до Швеции), в США, Канаде, Австралии, Израиле и других странах.

Согласно архивным данным Министерства образования Республики Молдова за пределами Республики Молдова за период с 1990 по 2003 год по направлению министерства на основе межгосударственных и межправительственных соглашений в области политической науки обучалось 150-180 студентов, магистрантов, докторантов в Румынии, России, Болгарии, Турции, Украине. Отметим, что подавляющее большинство молдавских студентов и магистрантов обучалось в Румынии. В молдавских вузах на политологических специальностях за этот период обучалось от 15 до 20 студентов, докторантов, граждан России, Румынии, Украины, Болгарии, Израиля¹⁴.

Обеспечение учебного процесса. Процесс подготовки квалифицированных специалистов востребовал серьезного учебно-методического и организационно-технического обеспечения. Мы уже отмечали, что подготовка специалистов в области политической науки явилось совершенно новым делом, опыта которого у Молдовы не было. Для этого понадобилась глубокая и разносторонняя проработка национальной и иностранной учебной, учебно-методической и научно-методической литературы, решения различного рода учебного процесса. Были изучены учебные планы, тематика и программы курсов университетских центров Беларуси, Германии, России, Румынии, США, Франции, Украины, ряда других стран.

Накопленный опыт позволил достаточно оперативно и качественно сформировать концепцию подготовки квалифицированных кадров в области политических наук, обеспечить учебными программами, планами семинарских занятий, другой учебно-методической литературой по всему спектру преподаваемых дисциплин и специальностей. При этом от-

¹⁴ Архив Министерства образования Республики Молдова. С 2001 года подобное межправительственное соглашение с Румынией не подписывается. С Россией соглашение об обучении молдавских студентов и докторантов в российских вузах начинает полноценно работать с 2001 года.

метим, что подавляющее большинство курсов являются оригинальными, пионерскими для молдавской высшей школы.

Так преподавателями кафедры политологии подготовлено и преподается более 70 оригинальных нормативных и специальных учебных курсов. На кафедре международных отношений таких курсов около 30. На кафедре публичной администрации и права таковых курсов около 20¹⁵. Более 30 оригинальных курсов для Молдовы по специальностям «американистика» и «европейские исследования» разработаны преподавателями Института политических знаний и международных отношений¹⁶. Немало оригинальных курсов в области государственного управления и публичной администрации подготовлено специалистами Государственной академии публичной администрации при Президенте Республики Молдова¹⁷.

Серьезным подспорьем студентам, магистрантам, докторантам и начинающим преподавателям в процессе приобщения к сокровищнице современной мировой политической мысли, важным фактором институционализации политической науки в системе образования Молдовы являются учебники и учебные пособия. Молдавские студенты-политологи широко применяют в учебном процессе российские, румынские, американские, французские, украинские учебники. Этому способствует то обстоятельство, что многие из них, помимо знания румынского и русского языков, нередко владеют еще и двумя-тремя другими языками (английский, французский, испанский, немецкий, итальянский, болгарский, турецкий), обучение которым осуществляется не только в доуниверситетских учебных заведениях, но и в вузах, на факультетских специализированных кафедрах иностранных языков.

В последнее время начался процесс написания молдавскими авторами учебников и учебных пособий по курсам, читаемым на различных специальностях факультета. Среди них отметим увидевшие свет и получившие высокую оценку специалистов, заслуженную популярность у студентов, магистрантов и докторантов работы молдавских политологов Д.Страха, В.Бенюка, П.Фрунташа, Ф.Спина, П.Варзара, А.Сымботяну

¹⁵ *Universitatea de Stat din Moldova. Catalog 2001-2003. Sistemul de credite transferabile de studii.* – Chişinău: USM, 2001.

¹⁶ *ISPRI. Ghidul studenţesc.* – Chişinău: ISPRI, 2003

¹⁷ *Academia de administrare publică pe lângă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri.* – Chişinău: AAPPRM, 2003.

и других¹⁸. И процесс этот продолжается. Более того, видна тенденция к его интенсификации.

Педагогические кадры, их подготовка. Учебный процесс в области политических наук осуществляется силами преподавателей специализированных политологических кафедр. Нынешний период преподавания характеризуется тем, что около половины педагогических кадров являются дипломированными, а не перепрофилированными специалистами. Подавляющее большинство из них являются выпускниками молдавских политологических учебных и научных центров, магистрами политических наук. Многие из них продолжают повышать свой научную квалификацию в докторантуре, занимаются подготовкой докторских диссертаций. Уже имеются «первые ласточки» - доктора политических наук, выпускники молдавских политологических высших учебных заведений.

Постуниверситетское политологическое образование осуществляется в республике в различных формах. Это и второе высшее образование в области политических наук. Особо широко эта форма используется в Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдова. Оно осуществляется в очной и заочной форме. Так за период 1993-2003 годы на постуниверситетское образование в этом учебном заведении было зачислено более 5000 аудитентов. При этом, как показывает практика, большинство (84%) предпочитает заочную форму обучения¹⁹.

Важное место в постуниверситетском образовании занимает магистратура, которая осуществляется в Молдавском госуниверситете и в Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдова. В Молд.ГУ за период существования магистратуры прошли обучение 85 человек. В настоящее время в магистратуре факультета обучается 35 человек. В Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдова прошло обучение 22 человека. В настоящее время обучается 88 человек.

¹⁸ Strah D. *Istoria gândirii politice. Din antichitate pîna în secolul XVIII.* - Chişinău: USM, 1996; Strah D. *Istoria gândirii politice. Din secolul XVIII pîna la apariţia ştiinţei politice contemporane.* - Chişinău: USM, 1999; Бенюк В. *История дипломатии.* - Кишинев: Молд.ГУ, 1999; Simboteanu A. *Administraţia publică centrală.* - Chişinău: AAPPRM, 1999; Fruntaş P. *Sistemele politice contemporane. În 2 volume.* - Chişinău: USM, 2001; Spinei T. *Introducere în politologie.* - Chişinău: USM, 2003; Varzari P. *Introducere în elitologie.* - Chişinău: USM, 2003 u др.

¹⁹ См.: *Academia de administrare publică pe lângă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri.* - Chişinău: AAPPRM, 2003, p.88.

Таблица 4. Постуниверситетское (магистратура) образование в области политической науки в Молд.ГУ и ГАПУПРМ²⁰

	Молд.ГУ		ГАПУПРМ		всего
	бюджет	контракт	бюджет	контракт	
1999	8	-	-	-	8
2000	11	-	-	-	11
2001	11	4	-	-	15
2002	8	17	-	-	25
2003	10	16	5	17	48
2004	14	21	5	83	123
Всего	62	58	10	100	230

В подготовке научных и педагогических кадров высшей квалификации отводится Специализированным Научным Советам по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций.

В 1994 году при Институте философии, социологии и права Академии Наук Молдовы в рамках Специализированного Научного Совета по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций в области философии, истории философии и социологии, созданного в 1993 году, была открыта защита диссертаций и по политологии (специальности «история и теория политологии» и «политические институты и процессы»). В 1998 году при Молдавском государственном университете создается Специализированный Научный Совет по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций по философии и политологии (специальность «история и теория политологии; политические институты и процессы»).

За период функционирования данных специализированных научных советов в области политических наук было защищено 38 диссертаций, из которых 10 на соискание ученой степени доктор-хабилитат политических наук и 28 на соискание ученой степени доктора политических наук. Среди вновь защищенных докторов и докторов-хабилитат политических наук было 30 граждан Республики Молдова и 8 иностранных граждан. Среди иностранных граждан были представители Бель-

²⁰ Архив Департамента постуниверситетского образования Молдавского государственного университета, *Academia de administrare publică pe lângă Președintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri.* – Chișinău: AAPPRM, 2003, p.88; архив Государственной Академии Публичного Управления при Президенте Республики Молдова за 2004 год.

гии, Германии, Ирана, Румынии, США, Украины. Данные приведенных ниже таблиц подтверждают это²¹.

Таблица 5. Распределение защищенных докторских диссертаций по политическим наукам по годам (1994-2003 гг.)

	94	95	96	97	98	99	00	01	02	03	всего
Совет АНМ	1	1	3	2	3	4	2	1	1	4	22
<i>Доктор</i>	1	1	1	2	3	4	2	1	1	3	19
<i>иностранцы</i>	-	-	-	-	1	1	-	-	-	1	3
<i>доктор-хаб</i>	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	3
<i>иностранцы</i>	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Совет МГУ	-	-	-	-	2	4	1	1	5	3	16
<i>Доктор</i>	-	-	-	-	2	2	1	-	2	2	9
<i>иностранцы</i>	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	2
<i>доктор-хаб.</i>	-	-	-	-	-	2	-	1	3	1	7
<i>иностранцы</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	1	1	3	2	5	8	3	2	6	6	38

Таблица 6. Распределение защищенных докторских диссертаций по политическим наукам, по происхождению авторов (1994-2003 гг.)

	94	95	96	97	98	99	00	01	02	03	всего
<i>Доктор</i>	1	1	1	2	5	6	3	1	3	5	28
<i>Молдова</i>	1	1	1	1	3	5	3	1	2	4	22
<i>иностранцы</i>	-	-	-	1	2	1	-	-	1	1	6
<i>доктор-хаб.</i>	-	-	2	-	-	2	-	1	3	2	10
<i>Молдова</i>	-	-	-	-	-	2	-	1	3	2	8
<i>иностранцы</i>	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Всего	1	1	3	2	5	8	3	2	5	6	38

Таблица 7. Распределение защищенных докторских диссертаций по политическим наукам по странам происхождения авторов в 1994-2003 гг.

	94	95	96	97	98	99	00	01	02	03	всего
--	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-------

²¹ См.: архивы Специализированных Научных Советов по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций (в области политологии) при Институте философии, социологии и права Академии Наук Молдовы и при Молдавском государственном университете

Молдова	1	1	1	1	3	7	3	2	5	6	30
Бельгия	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Германия	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Иран	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Румыния	-	-	1	1	-	-	-	-	1	-	3
США	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Украина	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Всего	1	1	3	2	5	8	3	2	6	7	38

Отметим, что подавляющая часть молдавских специалистов в области политической науки защитили свои докторские диссертации в Республике Молдова. Все диссертации на соискание ученой степени доктор-хабилитат политической науки были защищены в Молдове. Данные из таблицы достаточно красноречивы.

Таблица 8. Распределение докторских и доктор-хабилитатских диссертаций по политической науке по месту защиты (по годам)

Защита	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'00	'01	'02	'03
доктор										
<i>всего*</i>	...	4	5	7	10	17	20	22	21	23
<i>Молдова**</i>	1	2	3	4	7	12	15	16	18	22
<i>зарубежье***</i>	...	2	2	3	3	5	5	6	3	1
доктор-хаб.										
<i>всего*</i>	-	-	-	-	-	2	2	3	6	6
<i>Молдова**</i>	-	-	-	-	-	2	2	3	6	8
<i>зарубежье***</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание:

В рубрике «всего» представлена общая, без спецификации места защиты информация о защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций по политологии (источник: архив Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) Правительства Республики Молдова).

В рубрике «Молдова» представлена информация национальных Специализированных Научных Советов по защите докторских и доктор-хабилитатских²² диссертаций по политологии (источник: архивы Специализированных Научных Советов Республики Молдова).

²² *Расхождение данных по защите доктор-хабилитатских диссертаций по политической науке за 2003 год по информации Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) Правительства Республики Молдова и по информации Специализированных Научных Советов по защите доктор-хабилитатских диссертаций объясняется тем, что данные ВАКа приводятся на 1 сентября 2003*

Соответственно, в рубрике «зарубежье» представлены данные о количестве молдавских граждан защитивших докторские и доктор-хабилитатские диссертации в Специализированных Научных Советах в других странах.

Помимо присвоения ученых степеней (доктор и доктор-хабилитат) в области политической науки, Высшая Аттестационная Комиссия страны присваивает и научные звания доцентов и профессоров в области политологии. За период до 1 января 2004 года ВАКом Республики Молдова было присвоено 2 звания профессора и 14 званий доцента в области политической науки²³.

Признанием ее заслуг может служить и тот факт, что среди академического собрания Академии Наук Молдовы имеется 1 академик, являющийся академиком-координатором секции общественно-гуманитарных наук, и 2 член-корреспондента в области политической науки²⁴.

Сравнительный анализ распределения специалистов с учеными степенями по отраслям знаний показывает, что молдавская политическая наука нашла свое место в регистре научных специальностей (Приложение 2), имеет неплохие возможности для роста. Подчеркнем, что сегодня подготовкой докторских и доктор-хабилитат диссертаций в области политической науки в Молдавском госуниверситете и в Институте философии, социологии и права академии Наук Молдовы занимается, используя различные формы обучения (дневная и заочная аспирантура на бюджетной и контрактной основе, постдокторантура и соискательство) около 50 человек из Республики Молдова и ряда зарубежных стран²⁵.

В то же время отметим, что сегодняшние возможности для повышения квалификации преподавателей, научных и педагогических стажиро-

года, в то время как данные Специализированных Научных Советов отражают результаты их деятельности на 1 января 2004 года.

²³ *Количество доцентов и профессоров в области политологии в республике значительно больше, если учесть, что значительной части остепененных преподавателей политологических кафедр вузов и научных сотрудников политологических подразделений академических учреждений стали присваиваться доцентские и профессорские звания в области политической науки ВАКом при Совете Министров СССР с 1989 года. После объявления независимости вновь созданный ВАК Правительства Республики Молдова провел регистрацию научных степеней и званий, присвоенных ВАК СССР до 1 января 1992 года.*

²⁴ *Архив Академии Наук Молдовы.*

²⁵ *Архив кафедры политологии Молдавского госуниверситета и Института философии, социологии и права Академии Наук Республики Молдова.*

вок для молдавских политологов, как, в общем-то, и для представителей других общественных наук, очень ограничены. Поэтому, исходя из существующих молдавских реалий решение проблемы видится в реализации следующей концепции, опирающейся на несколько пилонных, несущих опор, благодаря которым, полагаем, молдавская политическая наука имеет реальные шансы достойно войти в международное политологическое сообщество. Благодаря этому удастся вырваться из порочного круга, который не случайно называется «вариться в своем соку».

Во-первых, это совмещение педагогической и научно-исследовательской деятельности молдавских политологов. Отметим, что факультет международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета сегодня является не только флагманом высшей школы в области подготовки специалистов в области политической науки, но и ведущим научно-исследовательским центром в этой области²⁶. Это апробированный западными странами путь, который дает реальные и позитивные результаты и в Молдове.

Во-вторых, в процессе становления политологии в Молдове и как науки и как учебной дисциплины является реальное соединение педагогической и научно-исследовательской деятельности с практикой реальной работы в политической сфере. Речь идет об участии в избирательных кампаниях на парламентских или местных выборах в качестве консультантов, экспертов, оказание посильной помощи государственным структурам, участие в социологических исследованиях, экспертных оценках и т.д. Отметим, что и в этой области молдавским политологам не стыдно посмотреть в глаза молдавскому политическому обществу, коллегам из других стран.

В-третьих, активное привлечение студенчества к научно-исследовательской работе. В государственных и частных вузах политологического профиля стало хорошей традицией проведение совместных научных

²⁶ Несомненно, что этому способствовало и издание факультетского сборника научных статей „MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), который выходит с 1992 года. За время существования и издания этого сборника увидело свет уже 23 тома научных статей. Специфика данного издания состоит в том, что к опубликованию принимаются только научные статьи, в которых анализируются проблемы политического развития Республики Молдова. Подробный анализ содержания, тематики, авторского коллектива, научной направленности этой научной публикации (см.: Saca V., Rusnac Gh. Cercetare și tradiție politologică: la 10 ani ai „MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)”. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chișinău: USM, 2003, p.148-158).

конференций преподавателей и студентов²⁷. Выгода от такого рода мероприятий носит обоюдный характер, помогает студентам приобщиться и освоить глубину и широту анализа, а профессорско-преподавательскому составу – выявить талантливую студенческую молодежь, увидеть «безумные идеи», наметить поле и направление будущих оригинальных научных исследований.

В-четвертых, проведение научных симпозиумов, в работе которых участвуют специалисты из различных стран. Благодаря этому удастся узнать непосредственно из уст зарубежных политологов новую информацию о происходящих политических процессах, используемых методах исследования, получить возможность для сравнительного анализа, компаративистских политологических исследований, установить многочисленные практические контакты со учеными, политологами различных стран. За это большое спасибо спонсорам из различных научных, исследовательских, благотворительных фондов Германии, США, России, и других стран, которые оказали содействие и финансовую помощь в организации и проведении подобного рода мероприятий, издании материалов симпозиумов или сборников научных статей по материалам научных форумов²⁸.

²⁷ См.: *Republica Moldova la începutul mileniului III: realități și perspective*. – Chișinău: USM, 2001; *Republica Moldova pe calea democratizării: realități, probleme, perspective*. – Chișinău: ISPRI, 2002; *Anuar științific. Vol. I – Chișinău: ARIS-DIP, 2002; Republica Moldova pe calea democratizării: realități, probleme, perspective*. – Chișinău: ISPRI, 2003, *Unificarea europeană: filosofie, politică, mentalitate*. – Chișinău: ISPRI, 2003 и др.

²⁸ См. *Statul național și societatea polietică: Moldova în anii '90*. – Chișinău: “Perspectiva”, 1997; *От этнополитического конфликта к межнациональному согласию в Молдове*. – Кишинев: Молд.ГУ, 1998; *Politica externă a Republicii Moldova: aspecte ale securității și colaborării regionale*. – Chișinău: “Perspectiva”, 1998; *Moldova, România, Ucraina: bună vecinătate și colaborare regională*. – Chișinău: “Perspectiva”, 1998; *Moldova, România, Ucraina: integrarea în structurile europene*. – Chișinău: “Perspectiva”, 2000; *Электоральные технологии и президентские выборы*. – Кишинев: “CAPTES”, 2000; *Moldova, România, Ucraina: integrarea europeană și migrațiunea forței de muncă*. – Chișinău: “CAPTES”, 2000; *Mass-media în societățile în tranziție: realități și perspective*. – Chișinău: USM, 2001; *Moldova între Est și Vest: identitatea națională și orientarea europeană*. – Chișinău: USM, 2001; *Minoritățile naționale și relațiile interetnice: tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova. În 2 vol.* – Iași: CAPTES, 2002; *Україна, Румунія, Молдова: історичні, політичні та культурні аспекти взаємин*. – Чернівці: ЧГУ, 2002; *Aspecte ale migrației de muncă în contextul Republicii Moldova. Considerații ale experților europeni și moldoveni*. – Chișinău: DSM, 2003; *Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: прак-*

В-пятых, это интеграция в международное политологическое сообщество посредством углубления международного научного и учебно-методического сотрудничества, получения грантов в области политической науки с учебными университетскими центрами Европы и США. Отметим гранты в области преподавания политической науки Молд.ГУ с Университетом *PACE* (Нью-Йорк, США, 1998-2000), в области международных отношений Молд.ГУ с Университетом *Rutgers* (Нью-Джерси, США, 2001-2004), получение Институтом политических знаний и международных отношений гранта в области европейских исследований (2002-2005) по проекту Ж.Моне, TACIS, и др. Широкое и плодотворное сотрудничество с университетами различных стран осуществляет Государственная академия публичной администрации при Президенте Республики Молдова. Ею накоплен богатый опыт дирижирования международных проектов и грантов в области публичной администрации²⁹.

Новым и, несомненно, перспективным является практика совместного научного руководства докторскими диссертациями со стороны молдавских ученых и политологов из других стран. Опыт свидетельствует, что подобного рода явления уже не являются единичными. Это говорит о постепенном признании международным политологическим сообществом успехов и заслуг молдавских политологов в анализе политических процессов, происходящих в Молдове в условиях системных общественных трансформаций.

Проведенный анализ показывает, что процесс институционализации политологии как науки и учебной дисциплины в Молдове имеет место, достигнут ряд положительных результатов. Политология стала значимым явлением в системе высшего образования Республики Молдова. Политический анализ, политический маркетинг, консалтинг и менеджмент являются необходимыми компонентами деятельности государственных и партийных структур и, в силу этого, политическая наука все более востребована в независимом демократическом молдавском государстве. Политическая наука вызывает интерес и молдавских граждан, молодежи, студенчества. Процесс ее дальнейшей институционализации неразрывно связан с упрочением ее связей с международным политологическим сообществом, более тесным сотрудничеством, интеграцией в

тика посткоммунистических стран. – Кишинэу: Молд.ГУ, 2003; Organizațiile nonguvernamentale și impactul lor asupra proceselor de transformare. – Chișinău: USM, 2004 u др.

²⁹ См.: *Academia de administrare publică pe lângă Președintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chișinău: AAPPRM, 2003*

международные политологические структуры, исследовательские проекты, подготовку высококвалифицированных кадров.

Библиография

- Academia de administrare publică pe lângă Președintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chișinău: AAPPRM, 2003.
- Anuar științific. Vol. I – Chișinău: ARISDIP, 2002.
- Cujbă V. Pledoare pentru libertate și afirmare. // Republica Moldova la începutul mileniului III: realități și perspective. – Chișinău: USM, 2001, p.15-19.
- Илащук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1993-1994 учебном году. // MOL-DOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII. – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.304-306.
- Илащук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1994-1996 учебном году. // MOL-DOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII. – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.307-310.
- ISPRI. Ghidul studentesc. – Chișinău: ISPRI, 2003.
- Istoria Universității de Stat din Moldova (1946-1996). – Chisinau: USM, 1996
- Мошняга В. Политологические исследования в Молдавском госуниверситете: состояние и проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VIII. – Кишинев: Молд.ГУ, 1997, с.156-172.
- Moșneaga V., Rusnac Gh., Strah D. Studiile politologice în pas cu cerințele timpului. // Analele științifice ale Universității de Stat din Moldova (1946-1996). – Chișinău: USM, 1996.
- Мошняга В., Руснак Г. Политическая наука в Молдове: состояние и проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть II. – Кишинев: Молд.ГУ, 1993, с.3-11.
- Profesorii Universității de Stat din Moldova (1946-2001). – Chișinău: USM, 2001.
- Republica Moldova la începutul mileniului III: realități și perspective. – Chișinău: USM, 2001.
- Republica Moldova pe calea democratizării: realități, probleme, perspective. – Chișinău: ISPRI, 2002.
- Republica Moldova pe calea democratizării: realități, probleme, perspective. – Chișinău: ISPRI, 2003.

Saca V., Rusnac Gh. Cercetarea și tradiție politologică: la 10 ani ai „MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)”. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chișinău: USM, 2003, p.148-158.

Страх Д. Преподавание политической науки: исторические и организационно-методические аспекты проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть V. – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.170-179.

Universitatea de Stat din Moldova. Catalog 2001-2003. Sistemul de credite transferabile de studii. – Chișinău: USM, 2001

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Тематика диссертаций, защищенных в Специализированных Научных Советах Республики Молдова по защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и доктор-хабилитата по политическим наукам в 1994-2003 гг.³⁰.

<i>№</i>	<i>автор</i>	<i>Название диссертации</i>	<i>год</i>
Докторские диссертации			
1	<i>БАЛАН Елена</i>	Проблемы международных отношений в среде сельской молодежи	1994
2	<i>БАРОН Вильям (США)</i>	Представления о власти и государстве в доктринах европейских мыслителей (Новое время – начало XX века)	1999
3	<i>БЕНКЕЧ Диана</i>	Политическая власть и социальный порядок в переходный период: проявления и взаимозависимости (на примере Республики Молдова)	2003
4	<i>БОРШ Владимир</i>	Внешняя политика Республики Молдова (процесс формирования и реализации)	2002
5	<i>ВОЙКУ Габриел-Ливиу (Румыния)</i>	Политико-медийное воздействие: понятие, механизмы, способы	2002
6	<i>ГАРАЗ Марчел</i>	Процесс утверждения Республики Молдова в институциональной системе Совета Европы	2002
7	<i>ДОРАШ</i>	Возможности применения качественных мето-	1996

³⁰ Источники: архивы Специализированных Научных Советов по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций в области политической науки.

	<i>Виктор</i>	дов в анализе политических процессов в условиях переходных обществ: методологические аспекты	
8	<i>КИСТРУГА Илларион</i>	Проблема появления и развития гражданского общества (философско-политологические аспекты)	1997
9	КЛИНГ Карстен (Германия)	Влияние государственных институтов на системы здравоохранения (сравнительный анализ систем здравоохранения в Великобритании, Германии и Швейцарии)	1998
10	<i>КОРНЯ Сергей</i>	Эволюция административной системы Бессарабии (1812-1917)	2000
11	<i>КОТИК Виорел (Украина)</i>	Румыноязычный этнокомпонент в контексте современных этнополитических процессов в Украине	1998
12	<i>ЛЕСКУ Михаил</i>	Роль прессы Республики Молдова в демократизации политической системы общества	1997
13	<i>ЛИПЧИУ Ион</i>	Формирование многопартийности в Республике Молдова	1995
14	МАНОЛАКЕ Константин	Экологическая безопасность: военно-политические проблемы	1998
15	<i>МОХАМАДИФАРД Голамали (Иран)</i>	Политические идеи ислама и современность	2003
16	МЫНЭСКУРТЭ Чезар	Политические символы – способы национальной идентификации (историко-политологическое исследование)	2003
17	<i>ПРОКА Мария</i>	Политическое поведение в процессе демократизации общества (теоретико-аналитическое исследование)	1999
18	ПЫРЦАК Григорий	Политическая власть и некоторые формы общественного сознания: проблемы взаимодействия	1999
19	<i>РАВЕНСКАЯ Светлана</i>	Социально-политические взгляды Макса Вебера и их значение для современности	2001
20	<i>СЕРЕБРЯН Олег</i>	Последствия распада СССР на геополитическую ситуацию черноморского региона	1998
21	СПИНЕЙ Федор	Теория международных отношений: отдельные методологические и структурные аспекты	1999
22	СТЕПАНОВА Жеоржета	Политико-информационный потенциал современной прессы в Республике Молдова	2000
23	<i>СЫМБОТЯНУ</i>	Реформа публичной администрации в Респуб-	2000

	<i>Аурел</i>	ликс Молдова (1990-2000)	
24	ТАНАСЭ Руслан	Поведение электората Республики Молдова: детерминирующие факторы, механизмы, модели	2003
25	<i>ТУРКО</i> <i>Татьяна</i>	Методологические проблемы политологического анализа социального конфликта	1998
26	<i>ТЭБЫРЦЭ</i> <i>Орест</i>	Протокол – инструмент представительства в политической жизни: ретроспектива и современность (политолого-историческое исследование)	2003
27	<i>ФРУНЗЭ</i> <i>Василе</i>	Роль возрождения национальной культуры в преодолении негативных последствий советской политики в Республике Молдова	1999
28	<i>ФРУНТАШУ</i> <i>Юлиан</i>	Демократический транзит в Республике Молдова в контексте этнополитической эволюции	1999
29	<i>ЯКОБ</i> <i>Иоан</i> <i>(Румыния)</i>	Общественно-политическое измерение физической культуры и спорта в послевоенной Румынии	1997
<i>Доктор-хабилитатские диссертации</i>			
1	<i>АНИКИН</i> <i>Владимир</i>	Процесс становления гражданского общества в Республике Молдова в постсоветский период (общее и особенное)	2003
2	БЕНЮК Валентин	Институционализация тоталитарной политической власти в послевоенной Молдове: сущность и специфика	1999
3	<i>ДЕССАРТ</i> <i>Франсис</i> <i>(Бельгия)</i>	Защита окружающей среды и публичная администрация: политологические аспекты	1996
4	МАРИН Константин	Гражданское общество: классические подходы и современное переосмысление	2002
5	<i>МАРИНЕСКУ</i> <i>Константин</i> <i>(Румыния)</i>	Нация и национальное государство в современном обществе	1996
6	МОРАРУ Виктор	Масс-медиа и политика в современном обществе (теоретико-аналитическое исследование)	2001
7	МОШНЯГА Валерий	Институциональное и человеческое измерения миграционных процессов в Республике Молдова (этнополитологический анализ)	1999
8	РОШКА Алла	Импакт политической коммуникации на демократизацию общества	2003

9	САКА Виктор	Политические интересы и отношения в условиях демократической транзиции.	2002
10	СОЛОМОН Константин	Институционализация и эволюция политической демократической системы в Республике Молдова (историко-политологические аспекты)	2002

Примечание:

Выделение фамилий авторов диссертаций шрифтом «italic» означает, что диссертация была защищена на заседаниях Специализированного Научного Совета при Институте Философии, Социологии и Права Академии Наук Молдовы. Диссертации, фамилии авторов которых не выделены данным шрифтом, были защищены на заседаниях Специализированного Научного Совета по защите диссертаций при Молдавском государственном университете.

Приложение 2.

Численность молдавских граждан обладателей ученых степеней, зарегистрированных в Республике Молдова (распределение по отраслям, годовые данные) (*ситуация на 1 сентября 2003 года*)

Ученая степень «доктор-хабилитат»

<i>отрасль</i>	<i>годы</i>								
	'95	'96	'97	'98	'99	'00	'01	'02	'03
Всего	572	588	611	643	665	699	727	695	700
архитектура	-	-	-	-	-	-	-	-	-
биологические	55	58	63	67	71	75	75	81	81
ветеринарные	5	5	5	5	5	5	6	6	6
Военные науки	-	-	-	-	-	-	-	-	-
географические	3	3	3	5	5	5	5	6	7
геолог-минерал.	3	3	3	3	3	3	3	3	3
искусствоведчesk.	4	4	4	4	4	6	6	6	6
исторические	29	30	30	32	33	35	35	31	31
медицинские	150	154	162	171	176	184	188	180	179
педагогические	4	5	6	7	7	7	7	8	8
политические	-	-	-	-	2	2	3	6	6
психологические	-	-	-	1	1	1	2	2	2
сельскохозяйст.	67	67	67	69	59	71	74	64	65
социологические	-	-	1	1	1	3	3	3	3
технические	58	58	60	62	63	67	68	63	63
фармацевтика	3	3	3	3	4	4	4	4	4
физико-матем.	82	85	87	90	92	93	96	85	86
филологические	27	29	30	34	34	35	39	39	38
философские	21	21	21	21	21	21	22	21	20
химические	24	24	24	26	27	29	29	27	28

экономические	31	33	36	36	41	46	53	51	55
юридические	6	6	6	6	6	7	9	9	9

Ученая степень «доктор»

отрасль	годы								
	'95	'96	'97	'98	'99	'00	'01	'02	'03
Всего	4208	4297	4431	4592	4750	4943	5140	4840	4947
архитектура	1	1	1	1	1	1	1	4	4
биологические	491	510	524	545	561	581	601	528	541
ветеринарные	29	29	30	31	32	33	36	31	31
военные науки	3	3	3	3	3	3	3	1	1
географические	19	19	19	19	20	23	23	25	26
геолог-минерал.	21	21	21	21	21	21	21	22	22
искусствоведчesk.	36	39	40	45	47	48	49	48	49
исторические	207	208	213	225	230	238	244	218	220
медицинские	656	674	716	749	776	817	862	835	854
педагогические	193	197	207	218	238	247	257	259	265
политические	4	5	7	10	17	20	22	21	23
психологические	5	6	12	15	17	20	22	30	33
сельскохозяйств.	423	428	433	438	446	454	463	406	408
социологические	8	10	11	12	14	17	18	20	22
технические	611	618	623	629	638	648	655	641	645
фармацевтика	13	13	14	17	17	20	25	26	29
физико-матем.	500	504	516	532	546	552	562	516	521
филологические	205	211	218	222	230	245	249	241	249
философские	126	128	132	133	133	134	138	124	128
химические	214	218	221	224	225	229	231	218	219
экономические	390	399	413	437	462	501	553	506	521
юридические	53	56	57	66	76	91	105	120	136

Приложение 3.

Количество докторских и доктор-хабилитатских диссертаций, защищенных иностранными гражданами в 1993-2003) по годам и странам происхождения.

	'93	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'00	'01	'02	'03	всего
A			1									1
B				1		1						2
C				1/1								1/1
D										1/1		1/1
E										2		2
F					1							1
G				1								1
H	1											1
I				1		1	1					3
J	2	2										4
K		1										1

L			1			2	4	8	14	8	2	37
M											1	1
N	1											1
O						1					1	2
P			1									1
Q	1											1
R					1							1
S	2											2
T					1		1					2
U		1										1
V		3	1	2/1	4	6	10	16	17/2	18	9	86/3
W		1	3	1	1	2		1	1		1	11
X			1		1	1	1			1		5
Y	1											1
Z		1										1
AB			2						2	1		5
AC		1/1										1/1
AD		2/1	1/1	1/1	1	1	1		2/1	1	1	11/4
AE	2		1			6	2/1			1		12/1
AF	1		2	1	2			1	1		2	10
AG						2						2
всего	11	12/2	14/1	9/3	12	22	21/1	26	39/3	31/1	17	114/11

Примечание:

A – Афганистан, B – Ангола, C – Бельгия, D – Беларусь, E – Болгария, F – Камерун, G – Колумбия, H – Египет, I – Германия, J – Гвинея, K – Индия, L – Иордания, M – Израиль, N – Ирак, O – Иран, P – Югославия, Q – Лаос, R – Ливан, S – Мали, T – Непал, U – Перу, V – Румыния, W – Сирия, X – США, Y – Судан, Z – Шри-Ланка, AB – Турция, AC – Туркменистан, AD – Украина, AE – Вьетнам, AF – Йемен, AG – Зимбабве.

Цифра за скобкой «/» означает, что была защищена доктор-хабилитатская диссертация.

По научным отраслям защищено: сельскохозяйственные науки – 25, биологические науки – 26, химические науки – 9, медицинские науки – 6, фармацевтические науки – 2, физико-математические науки – 16, технические науки – 8, педагогические науки – 42, юридические науки – 29, экономические науки – 26, политические науки – 8, филологические науки – 5, социологические науки – 3, психологические науки – 3, искусствоведение – 1, исторические науки – 2, философские науки – 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В МОЛДОВЕ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ³¹

Виктор САКА
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет,
факультет международных отношений,
политических и административных наук,
кафедра политологии,
доктор-хабилитат, доцент

Проблема развития политической науки в Молдове, как и в других странах на постсоветском пространстве, весьма неоднозначна и противоречива как по своим геохронометрическим параметрам, так и по имеющимся условиям, по институциональным свойствам и тем более, по тематике научных исследований. Возникновение и эволюция политологии на этом пространстве осуществляется через сложные и антиномические процессы переплетения необходимых политологических исследований и уже накопившихся определенных политологических традиций, с разными эпистемическими качествами, информационно-научными конотациями, ибо данная наука по своей сути, пусть еще с недостаточно развитой субстанцией, невозможно понять вне традиции, вне тенденций аккумуляции и расширения исследовательского элемента и в то же время вне новаторского элемента. Оба эти элемента воплощают известный уровень преемственности политического знания в условиях постсоветского социума, обусловленного благоприятными / неблагоприятными факторами его развития, конкретным соотношением политики и политологии, наличием и активностью / пассивностью научных ассоциаций, аналитических центров, развитием образовательных центров и соответствующей подготовки специалистов-политологов.

Именно традиция и новация характеризует возрастающий интерес ученого-обществоведа, в том числе политолога к усвоению объекта политики. Что касается политологических исследований в Молдове, они находят свое концентрированное выражение в различных институциональных формах организации науки, в определенных методологических подходах к интерпретации социально-политической практики. Более чем десятилетний период демократического транзита, с его необычны-

³¹ Рецензент – доктор-хабилитат, доцент Константин Соломон

ми сочетаниями логических и нелогических явлений, здоровых и нездоровых дихотомических процессов социальных преобразований, демонстрируют ощутимые диспропорции между имманентными факторами преемственности общественно-политической мысли. Их теневые эффекты в значительной мере обусловлены дефицитом способности как старшего, так и молодого поколения исследователей по обеспечению необходимой связи времен между тем, что унаследовано и тем, что следует создать для наращивания и обогащения арсенала политических знаний.

Общеизвестно, что советское историческое наследие в области общественнознания весьма тяжело сказалось и продолжает сказываться на становлении и развитии политологического знания. Последнее прокладывает себе дорогу через существенные противоречия между знанием и антизнанием, традицией и антитрадицией, и в особенности, через мучительное преодоление груза недавнего прошлого, исходящего из феноменов антинауки-традиции, антинауки-антитрадиции.

В этом смысле антинаучный элемент политики прежнего коммунистического режима, заправленного марксистско-ленинской традицией до трагизма общественной науки в целом, до ее полного противопоставления общецивилизационным ценностям, стал основным для официальной доктрины коммунистической партии в деле прославления «успехов развитого социализма», обхода слабых мест политической системы, в том числе в самой партии.

Ныне воздействие подобного элемента далеко не изжито, более того, он приобретает все новые очертания, ибо современные партии власти (будь то правые, левые или центристские) в постсоветских странах прибегают главным образом к услугам «обслуживающей», «придворной» науки, которая и работает над парадигмой обслуживания власти, поддержки руководящей элиты, выполняя тем самым функции консолидации и обоснования ее господствующих позиций. Безусловно, оттеснение официальной политической науки в лице академических, университетских структур от умов политиков, от влияния над действиями ведущих политических властных группировок значительно сдерживает развитие как самой науки, так и оптимального механизма взаимодействия науки и власти.

Однако несмотря на отсутствие должной взаимосвязи между политикой и официальной наукой, последняя добилась немало как в исследовательском, так и в методическом плане. С конца 80-х годов и, в особенности, после распада СССР и возникновения Новых Независимых Государств на постсоветском пространстве намечается первые ростки политической теории в собственном смысле, которые обобщают слож-

ные и противоречивые процессы начавшихся политических, экономических, социальных трансформаций.

В Молдове начало политической науки совпало с созданием первых кафедр политологии (в 1990 году - в Молдавском госуниверситете, в Кишиневском политехническом институте и в ряде других вузов); с первыми попытками осознать и усвоить передовой политологический исследовательский опыт западных стран; с разработкой и изданием в 1991 году первого национального учебного пособия (пожалуй одной из первых на постсоветском пространстве) «Курс лекций по политологии» (под ред. проф. А.А.Завтур) на румынском и русском языках.

В дальнейшем на протяжении 90-х годов в университете было подготовлено новое учебное пособие по политологии в 4-х частях (под ред. проф. В.Мошняги). Важным подспорьем для студентов стали также учебники по политологии, выпущенные в Молдавском университете профессором И.Санду, доцентом Ф.Спинеи, а также «Курс лекций по политологии», выпущенный с учетом профиля вуза в Аграрном и Техническом университетах. Становлению политической науки в республике в значительной мере способствовало опубликование сотрудниками кафедр политологии Госуниверситета, Технического университета, Академии экономических знаний в 1991-1992 гг. в республиканском издании «Политика» (ныне «Молдова и Мир») цикла научных и научно-методических материалов о современной политике в целом и о ее компонентах, в частности. Кроме того, в большинстве вузов ежегодно издаются сборники научных трудов (анналы), в которых важное место занимают результаты политических исследований преподавателей общественных кафедр.

В рамках традиционных исследований в области политологии, пожалуй, самым известным в республике является кафедральный сборник научных трудов под названием «MOLDOSCOPIE» (Проблемы политического анализа), который издается уже более 10-ти лет кафедрой политологии Молдавского госуниверситета. С этим исследованием в значительной мере ассоциируется процесс становления и развития молдавской политической науки, ее успехи и ожидания. В общем плане следует отметить ряд черт, связанных с местом и ролью «MOLDOSCOPIE» в системе республиканской обществоведческой науки.³²

Во-первых, сборник стал своего рода визитной карточкой для кафедры политологии Молдавского госуниверситета, воплощает эволю-

³² См. *Saca V., Rusnac Gh. Cercetare și tradiție politologică: la 10 ani ai "MOLDOSCOPIEI" (Probleme de analiză politică). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chișinău, 2003.*

цию и качественный рост кафедры, ее специфические исследовательские цели, процессы, результаты не только в условиях Молдовы, но и по отношению к некоторым университетским коллективам других стран. В этой связи данное исследование хорошо знакомо и высоко оценено в ряде престижных университетов России (Москва, Санкт-Петербург), Украины (Киев, Одесса, Херсон), Беларусь (Минск), Болгарии (София, Велико Търново), Румынии (Бухарест, Клуж, Яссы), Германии (Лейпциг, Гамбург, Берлин), Турции (Истамбул), Израиля (Тель-Авив), США (Нью-Йорк, Нью-Джерси).

Во-вторых, научный сборник «MOLDOSCOPIE» полезен для университетской и республиканской политической науки, так как в нем общается социально-политическая практика современной Молдовы, ее внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты. Этим трудом специалисты-политологи из университета и других вузов республики, которые, к сожалению, не имеют пока отдельного республиканского политологического издания (журнала) получили реальную возможность ознакомиться научную общественность нашей страны и других стран с результатами своих исследований.

В-третьих, публикуемые в «MOLDOSCOPIE» материалы имеют тройное значение: информационно-научное, научно-методическое и практическое. Являясь синтетическим выражением политических явлений и процессов молдавского региона и соответствующей выработке особенностей политической теории в подобных условиях, сборник отличается сочетанием этих особенностей с общими политико-теоретическими характеристиками политологии в целом. Этим самым особое внимание отводится ассимиляции научных ценностей, накопленных в передовых странах, их рациональному применению к социально-политическим реальностям Молдовы. Что касается научно-дидактического значения работы, она пользуется большим спросом у студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей в подготовке к занятиям, при разработке научных сообщений, учебно-методических пособий, дипломных работ, диссертаций и т.д. Относительно праксиологической значимости данного сборника следует отметить, что большинство публикаций содержат выводы и рекомендации в адрес властного фактора, политических партий и движений по разрешению социально-политических конфликтов, по переоценке общественной ситуации в стране и достижению политического согласия.

В-четвертых, научный сборник «MOLDOSCOPIE» стал жизнеспособным во времени, так как в 2003 году ему исполнилось 10 лет научного количественного и качественного роста. За время его существова-

ния было выпущено 23 издания, насчитывающие около 300 научных публикаций. Особенно возрос удельный вес публикуемых материалов в 1999-2003 гг., примерно в 3 раза больше, чем в 1993-1996 гг. Это обусловлено рядом факторов:

- а) зачисление в коллектив кафедры все новых сил, в том числе молодых, с высокой научной ориентацией;
- б) расширение географии научных публикаций за счет возрастающего интереса авторов других кафедр университета и иных вузов, включая зарубежных;
- в) постоянная поддержка политологических исследований со стороны руководства университета.

В общих чертах за 10 лет существования сборника его потенциал все больше обеспечивает необходимую связь между политическим исследованием и политической традицией. Их соотношение таково, что исследование эволюционировало от простых к сложным, от неустойчивых к стабильным формам, от полупрофессионализма к профессионализму, становясь традицией, а последняя в дальнейшем все больше выступает в качестве основы для новых исследований.

В-пятых, ценность кафедрального сборника «MOLDOSCOPIE» находится в прямой зависимости от качественного состава авторов. В его подготовке участвовало до сих пор около четырехсот научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, экспертов, специалистов публичной сферы. Из их общего количества 70% составляют преподаватели высшей школы. Абсолютное большинство из них имеют ученую степень доктора и доктора-хабилитат. Это специалисты в области политологии, социологии, философии, истории, права, психологии, что и определяет характер публикаций. Вторую позицию, 22%, занимают сотрудники различных научных центров, фондов, исследовательских программ, как университетских, так и республиканских и международных. Обобщая богатый фактологический материал республиканского, регионального и межгосударственного характера, они способствуют значительному росту теоретического и прикладного уровня «MOLDOSCOPIE».

В последние годы существенно возросло количество авторов за счет аспирантов, соискателей, магистрантов. Их научные интересы являются предметом анализа в каждом номере сборника.

В-шестых, в структуре авторов «MOLDOSCOPIE» ведущее место занимают преподаватели кафедры политологии Молдавского госуниверситета. За период с 1993 по 2003 гг. их доля в общем количестве авторов составляет 55%. При этом больше всех публикаций приходится на

профессора, доктор-хабилитат В.Мошняги, доцента, доктор-хабилитат В.Саки, профессора, доктор-хабилитат Г.Руснак, доцента, доктора А. Белостечник (Рошка).

Отрадно, что в сборнике опубликованы статьи ведущих ученых Академии Наук Молдовы, академиков А.Рошки и А.Завтур, ведущих ученых Молдавского госуниверситета, среди которых декан факультета журналистики и декан факультета истории и психологии, докторов-хабилитат В.Морару и К.Соломон, ректора Молдавского института международных отношений, доктора-хабилитат К.Марин, директора Института политических исследований и международных отношений, доктора П.Фрунташ, директора Центра Стратегических исследований и Реформ А.Гудым, председателя Центра Политического анализа и Социальных Технологий «САРТЕС» А.Коман и др. Стали чаще появляться публикации ученых других стран, в частности К.Клинг (Лейпциг, Германия), Г.Мельник (Санкт-Петербург, Россия), Е.Садовская (Алма-Ата, Казахстан). М.Шимандан (Арад, Румыния), С.Мацукатто и М.Галеацци (Милан, Италия), А.Климчик (Варшава, Польша) и др.

Большой вклад в осуществлении политологических исследований вносят сотрудники Института Общественных Политик Молдовы, финансируемый Фондом Сорос-Молдова. За 2000-2003 гг. им подготовлено более 60-ти тематических материалов, две трети из которых за последние 2 года. По их инициативе в республике проведен ряд международных конференций: «Республика Молдова и Европейский Союз: партнеры за расширенную Европу» (июнь, 2003), «Участие в Пакте Стабильности как ускоритель социально-экономических реформ в регионе» (декабрь, 2001), «Перспективы разрешения Приднестровского конфликта путем федерализации Республики Молдова» (декабрь, 2002) и др.

Основным показателем, выпущенных политологических сборников, монографий, отдельных материалов научных конференций, отдельных статей – это их научная ориентация. За время институционализации молдавской политической науки сложилось множество научных тематических направлений, главным образом в зависимости от ситуативных, телеологических, социальных, национальных, культурных и других факторов. Эти направления эволюционировали неоднозначно, противоречиво через явно несогласованные тенденции.

Из более 40 затрагиваемых научных тем приоритетными являются те, которые вызваны животрепещущими проблемами молдавского общества: эмиграции и иммиграции населения, электорального процесса, национального возрождения, социальной политики, социально-политического конфликта, политического интереса и политических отноше-

ний, в особенности межпартийных, межэтнических, возрастание роли масс-медиа в обществе, соотношение политического и гражданского обществ, выработка и осуществление рациональной многофакторной внешней политики и др. Данная тематика является объектом специальных политологических исследований на уровне отдельных научных программ, кандидатских и докторских диссертаций.

По ней изданы ряд монографий тематических сборников. В этой связи высоким признанием у научной общественности страны пользуются работы «Независимая Молдова и миграция». Кишинэу, 1999 (автор В.Мошняга), «Политические интересы и политические отношения: транзитные измерения» (на румынском языке). Кишинэу, 2001 (автор В.Сака), «Масс-медиа VS политика» (на румынском языке). Кишинэу, 2001 (автор В.Морару), «Гражданское общество в Республике Молдова: состояние, проблемы, перспективы». Кишинэу, 2001 (автор В.Аникин), «Гражданское общество между политическим мифом и социальной защитой» (на румынском языке), Кишинэу, 2002 (автор К.Марин), «Аспекты политической жизни в Республике Молдов (1989-2002)» (на румынском языке), Кишинэу, 2002 (автор К.Соломон).

Вышеназванные темы научных исследований стали предметом обсуждения на международных симпозиумах, конференциях, проводимых в республике, чьи материалы опубликованы в сборниках: «Национальное государство и полиэтничное общество: Молдова в 90-е годы». Кишинэу, 1997, «Интеграционистские процессы в Республике Молдова. Разработка национальной стратегии». Кишинэу, 2000, «Национальные меньшинства и межэтнические отношения: европейская традиция и опыт новых демократий для Молдовы».Т.1-2. Кишинэу, 2002, «Масс-медиа в переходных обществах: реалии и перспективы». Кишинэу, 2001, «Молдова, Румыния, Украина: интеграция в европейские структуры». Кишинэу, 2000, «Молдова, Румыния, Украина: европейская интеграция и трудовая миграция». Кишинэу, 2000, «Молдова между Востоком и Западом: национальная идентичность и европейская ориентация». Кишинэу, 2001, «Философия, наука, политика: достижения, внедрения, перспективы». Кишинэу, 2003 и др.

Одной из главных проблем, с которой сталкивается ныне молдавское общество и государство, является проблема осмысления и поиска идентичности: общенациональной, регионально-государственной, этнической, социальной, профессиональной, языковой. В этом контексте в политологической литературе последних лет часто рассматриваются особенности эволюции и утверждения национальной идентичности в Молдове, ее внутренние факторы, межэтнические диффузии и пробле-

мы национальной самоидентификации, взаимодействие идентичности и интеграционных процессов, языковой аспект интеграционных процессов и государственного строительства, проблема русско-национального двуязычия в этнополитике молдавского государства, соотношения региональной и национальной, национальной и европейской идентичности, социально-пространственной самоидентификации студенческой молодежи и др. При этом осуществляются этносоциолингвистические исследования на уровне отдельных сел, районов, уездов, вузов.

Пожалуй, самым болезненным для всего молдавского общества вопрос – это приднестровский конфликт, разрешение которого затягивается сепаратистскими кругами и определенными интересами извне вот уже более 10-ти лет. Этому вопросу посвящены ряд научно-практических конференций, множество статей в тематических сборниках.

Среди последних можно выделить «Приднестровский конфликт в Республике Молдова: причины, состояние и пути разрешения» (автор В.Мошняга), «Приднестровское урегулирование после Стамбульского саммита: состояние и перспективы» (авторы В.Мошняга, Г.Руснак), «Приднестровский конфликт в Республике Молдова: противостояние идентичностей?» (автор А.Царан), «Коллективная память и идентификационные конструкции в Приднестровье» (авторы С.Сухан, Н.Кожокару), «Конфликт в восточной зоне Республики Молдова – попытка новой интерпретации» (автор О.Нантой) и др. В настоящее время предметом исследований являются новые возможности в разрешении приднестровского конфликта через современные европейские механизмы, в частности СБСЕ, а также посредством России и Украины.

За последние 2-3 года не менее острой стала проблема федерализации Республики Молдова, тесно связанная с приднестровским конфликтом, нашедшая различные отклики и интерпретации в научных кругах республики. Этой проблеме посвящены ряд публикаций сотрудников Института Общественных Политик Молдовы, к которым относятся «Сепаратизм и его воздействие на процесс создания государственности Республики Молдова» (автор И.Рурак), «Гармонизация межэтнических отношений - вызовы и возможности» (автор И.Боцан), «Эксперимент федерализации Молдовы» (автор В.Сокор), «С кем федерализуемся?» (автор В.Сокор), «Европейский опыт и перспективы Республики Молдова» (автор И.Осояну)¹.

¹ См. : *Institutul de Politici Publice* <http://www.ipp.md/publications/>

Другая важная тема политологических исследований – это электоральные технологии, президентские, парламентские и местные выборы¹. В связи с этим на конференциях, в научной печати обсуждаются стратегии и технологии президентских (1991, 1996, 2001), парламентских (1994, 1998, 2001) и местных (1995, 1999, 2003) выборов, особенности форм и методов воздействия на электорат в ходе избирательных кампаний, уровень его активности в условиях Молдовы, роль выборов в контексте трансформации партийной системы. К актуальным для исследования относятся и проблемы возрастания роли масс-медиа в избирательных кампаниях, демократизма информационных ресурсов, использования «черных» технологий и контрпропаганды в ходе электорального процесса, использование компьютерных технологий контент-анализа прессы в планировании избирательных кампаний и др.

В последние годы ученые все больше обращаются к проблеме определения общенационального интереса Молдовы в условиях демократической трансформации², к его нынешним значениям и парадоксам, к необходимости выработки эффективной общенациональной идеи для сближения социальных общностей и придания такому интересу оптимального смысла. Особого внимания со стороны политологической науки требуют партнерские отношения между властными и гражданскими структурами в целях достижения общественного консенсуса, а отсюда – формирование полноценного общенационального интереса. Большое

¹ См. подробно об этом *Электоральные технологии и президентские выборы*. – Кишинэу, 2000; Мошняга В., Руснак Г. *Парламентские (2001) выборы в Республике Молдова: специфика, результаты, электоральные стратегии и технологии* // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XVI. – Chișinău, 2001; Мошняга В., Руснак Г., Турко Т. *Президентские (2001) выборы в Республике Молдова: результаты и технологии* // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XVI. – Chișinău, 2001; Моșneaga V., Rusnac Gh., Tănasă R. *Activismul electoratului Republicii Moldova (Analiza politologică)*. // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XVIII. – Chișinău, 2002; Tănasă R. *Votul afectiv în spațiul electoral al Republicii Moldova*. // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XXI. – Chișinău, 2003; Мошняга В. *Выборы генерального примара Кишинэу в ходе местных (2003) выборов в Республике Молдова в контексте трансформации партийной системы*. // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XXII. – Chișinău, 2003.

² См. Saca V. *Interesul național în condițiile transformăției democratice: semnificații și paradoxuri* // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XIX. – Chișinău, 2002; Saca V. *Unitatea națională între mit și realitate*. // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XX. – Chișinău, 2002; Saca V. *“Coeziune națională” în societatea moldavă*. // *Moldova și lumea*, 2003, nr.2.

значение имеют исследования по обобщению усилий политического и гражданского общества в деле заключения и реализации Общественного Пакта, осуществления круглого стола с постоянным статусом, повышения его эффективности для всех участников и для страны в целом.

Ныне все чаще затрагиваются внешние аспекты общенационального интереса, в частности проблема судеб Молдовы в контексте европейской интеграции, конституирования и развития еврорегионов, отношения республики с Европейским Союзом. Например, более одной трети материалов вышеназванного Института Общественных Политик нацелены на европейскую стратегию Республики Молдова, на анализ перспектив интеграции Молдовы в Европейский Союз, на сотрудничество Молдовы в Пакте Стабильности, на экономическую и социальную политику Европейского Союза и исходящие из нее выводы для Молдовы, на институциональный фактор вступления стран в Европейский Союз, на роль европейских политических критериев в разработке концепции европейской интеграции Республики Молдова.

После известных событий 11 сентября 2001 г. возрос интерес к исследованию проблем терроризма. Данной проблеме посвящены ряд международных научных конференций¹, научных статей² о сущности и основных тенденциях развития терроризма, о его морально-психологических чертах, об его исторической эволюции в XX-XXI вв.

Вместе с тем, некоторые темы еще недостаточно исследованы. К ним относятся проблемы власти, форм правления, соотношения правящих и оппозиционных сил, экологической политики, политического имиджа, методологии политической науки, методики преподавания политологии.

Дальнейшая рационализация политологических исследований требует новых инициатив, творческих сил со стороны университетских и академических кадров для более интенсивного исследования властного

¹ См. 11 septembrie 2001: noul concept de securitate internațională. Materialele conferinței internaționale 9-13 septembrie 2002. – Chișinău, 2002.

² Grosu D. Fenomenul terorismului: esența și trăsăturile moral-psihologice. // Analele Științifice ale Universității de Stat din Moldova. Seria "Științe socioumanistice". V.II. – Chișinău, 2002; Zavtur C., Coval C. Psihologia teroriștilor. // Analele Științifice ale Universității de Stat din Moldova. Seria "Științe socioumanistice". V.II. – Chișinău, 2002; Antonov V. Considerații asupra evoluției istorice a terorismului în sec.XX-XXI. // Analele Științifice ale Universității de Stat din Moldova. Seria "Științe socioumanistice". V.II. – Chișinău, 2002; Завтур К., Коваль К. Терроризм: понятие, основные тенденции развития и меры противодействия // MOLDO-SCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chișinău, 2003

фактора, эффективности правления с последующей выработкой конкретных рекомендаций по достижению социального и политического согласия в стране.

Большого внимания и оценки требуют и проблемы имиджологии, политического менеджмента, демографической и экологической политики, политической антропологии, политического прогнозирования.

Что касается внешнеполитических проблем, необходимо глубже исследовать реальный потенциал Молдовы по оптимизации отношений как с Востоком, так и с Западом, причем акцент необходимо ставить не только на цели и возможности вступления Республики Молдова в европейские структуры, но и на уровень подготовленности населения страны мыслить по-европейски. В этой связи стали необходимы и своевременны сравнительные исследования по Молдове и другим странам с целью создания и продвижения имиджа государства за рубежом.

Уровень политологических исследований в республике определяется в основном умением научных сотрудников использовать различные методологические подходы, сочетать их. При этом большая часть научных публикаций основывается на социологическом, институциональном, структурно-функциональном анализе. Пока что слабо применяется постструктурные, постсистемные методы исследования, без которых сегодня невозможно вникнуть в суть и адекватно понять особенности переходного общества. Недостаточно используется методологический инструментарий сравнительного анализа, синергетики, энтропийного анализа, качественной экспертной оценки, «искусственного политического интеллекта».

Пожалуй, одним из сложнейших вопросов, который стоит сегодня перед политологами республики, - это рациональная адаптация общих и частных методов к изучению специфических политических явлений и процессов посткоммунистического региона в целом, и молдавского в частности. Это предполагает умелое пропорционирование в условиях данного региона традиционных и новых способов политического познания, оптимального сочетания качественных и, усиленных современными ЭВМ количественных приемов анализа.

Таким образом, политологическая наука в Республике Молдова характеризуется разнообразием тематической и инструментальной направленности, неоспоримыми сдвигами в исследовании отдельных социально-политических явлений и процессов современного общества, и в то же время известными трудностями и недостатками как объективного, так и субъективного характера. К последним относится:

- деформация отношений во всех главных сферах транзитного общества, в том числе в научной, между политической наукой и научной политикой;

- несоответствие значительной части научных кадров возрастающим требованиям времени по осуществлению высококвалифицированной экспертизы политического процесса и одновременно, такое же несоответствие политических кадров нынешним запросам политической науки, дефицит ее организации и своевременной поддержки;

- отсутствие взаимного механизма приближения ученого к власти и наоборот;

- частое отстранение официальной политической науки от процесса открытого влияния на власть и соответственно, поощрение «обслуживающей» науки;

- интенсивная политизация общественной науки и др.

Преодоление этих и других деформаций связано с радикальным реформированием как политического, так и научно-политического фактора, как условие для возрастания преобразующей роли политологического знания в рационализации социальных отношений.

COMPARTIMENTUL II.
GUVERNAREA POLITICĂ ȘI ADMINISTRAREA
PUBLICĂ

REFORMA ADMINISTRATIV-TERITORIALĂ
ÎN REPUBLICA MOLDOVA: ÎNTRE
CENTRALISM ȘI DESCENTRALIZARE³³

Valerian TĂBÎRȚĂ
Republica Moldova, Chișinău
Universitatea de Stat din Moldova,
Facultatea Relații Internaționale,
Științe Politice și Administrative
catedra Politologie
lector, MA

Una dintre prioritățile în politica internă a statelor din Europa Centrală și de Est după începutul anilor 90 a fost procesul descentralizării - tranziția de la un sistem administrativ extrem de centralizat spre un sistem descentralizat. Așa, de la începutul anilor '90 Moldova trece printr-o continuă perioadă de descentralizare politică, economică și administrative. Aceste schimbări au fost condiționate parțial de necesități interne și parțial de factori externi și agențiile donatoare.

Importanța, și în același timp, complexitatea descentralizării, poate fi văzută din faptul că aceasta are potențialul de a transforma cei mai importanți actori relații, incluzând capacitatea de dezvoltare a statului, comportamentul grupurilor de interese și a mișcărilor sociale, și a calculărilor strategice a politicienilor, ONG-urilor, și a electoratului.³⁴ Decizia de descentralizare este un problemă discutată îndelungat în aproape toate statele care implică o varietate întreagă de actori și grupuri pe interese. Dar grupurile pe interese și interesele personale pot nu numai influența decizi inițială dar de asemenea și implementarea ei. Astfel, Legea cu privire la administrarea publică locală a fost modificată de 16 ori din anul 1998, iar jumătate din ele au fost adoptate de actualul parlament numai timp de un an. După alegerile parlamentare din

³³ *Recenzent – doctor, profesor Ion Sandu*

³⁴ *Eaton K., Eaton K. Decentralization, Local Governance and “Decentralization” in Africa, by J.S.Wunch. // Public Administration and Development, vol.21, no.1, 2001, p. 23*

2001, atât legislativul cât și executivul a devenit controlat de către o singură formațiune politică. Majoritatea comunistă absolută din parlamentul moldovenesc o face cea mai puternică entitate politică de la declararea independenței. Astfel, Moldova este una dintre statele care adevăresc teoria că descentralizarea poate părea mai puțin atractivă partidului care obține controlul unificat atât a legislativului cât și a executivului.³⁵

Perioada de descentralizare

Pînă în 1991 Moldova a fost una dintre cele cincisprezece republici care au format URSS. Sistemul administrativ a fost parte a sistemului care exista în toate republicile sovietice. Toate unitățile administrativ-teritoriale, republicile, regiunile, orașele și așezările în URSS au fost conduse de către Centru și considerate înșăși mai întîi de toate ca producători.

Partidul de guvernămînt exercita monopolul de putere asupra societății și asupra economiei. Principiul de bază a statului sovietic era puterea unică, proprietate de stat însemna, în același timp, și control politic asupra tuturor sferelor vieții.

Nu exista în sistemul sovietic separarea puterilor sau autonomie a diferitor domenii sociale sau actori sociali, inclusiv în domeniu public, precum era în statele din Vest.

Odată cu declararea independenței în 1991, ca și majoritatea statelor din fostul lagăr socialist, Moldova a întreprins acțiuni concrete pentru a înfăptui reforme în domeniul administrației publice locale, eliberat de dogmatismul statului-partid și a sistemului administrativ sovietic. În ordinea cronologică putem identifica două perioade în încercările de a edifica un nou sistem a administrării publice locale în Republica Moldova pînă în 1998:

1. 1990 - decembrie 1994. În această perioadă au fost întreprinse unele acțiuni concrete de către Parlament pentru a adopta legislația necesară pentru funcționarea viitorului sistem al administrației publice locale;

2. Iunie 1994 - Decembrie 1998. Această perioadă începe odată cu adoptarea Constituției Republicii Moldova, care consfințește principiile de bază a viitorului sistem.

Astfel articolul 109 stipulează așa principii ca: autonomia locală, descentralizarea serviciilor locale, eligibilitatea autorităților publice locale și consultarea cetățenilor în problemele locale de un interes special.³⁶

Bazîndu-se pe această construcție legală era necesitatea de a finaliza cadrul legislativ a sistemului administrației publice locale, stabilind împuterni-

³⁵ *Idem.*

³⁶ *Constituția Republicii Moldova din 29 iulie 1994* <http://www.elections.md/lex/constitutia.html#109>

cirile și competențele autorităților publice locale, conformate principiilor statului de drept.

În decembrie 1994, Parlamentul a adoptat legislația necesară pentru un sistem nou de administrare publică locală și în mai - iulie 1996 Moldova semnează și ratifică Carta Europeană a Autoadministrării Publice Locale. Unii autori consideră că în realitate a fost ceată o falsă impresie a creării unui sistem nou de administrare publică locală, deoarece a ceasta au fost încălcate cu premeditare atât prevederile Constituției cât și prevederile Cartei Europene a Autoadministrării Publice Locale, a legislației interne sau erau unele cazuri de contradicții între legi.³⁷ Aceasta a fost cauza a așa zisului "haos instituțional primar", apărut în amestecul instituțiilor noi și celor vechi. Acest haos instituțional a fost caracteristic mai mult pentru meso-politică de cât pentru macro-politică. În majoritatea cazurilor unitățile administrație centrale au fost reorganizate mai devreme și posedau mai multe resurse de cât unitățile administrării publice locale. Drept urmare, administrarea publică centrală continua să domine. După primii ani a cestei perioade, reforma administrației publice locale a pierdut din avânt aproape pretutindeni, și planurile ambițioase inițiale nu au fost realizate.³⁸

Noul sistem de administrare publică locală: reforma din 1998

După alegerile parlamentare din 1998, majoritatea în Parlament a fost formată de către coaliția a trei partide democratic orientate, iar Guvernul a fost format, în principal, din membrii acestor partide. Acesta a reprezentat un moment oportun în termeni politici, pentru a adopta o nouă lege cu privire la administrarea publică locală și pentru a schimba reforma administrativă într-o nouă direcție calitativă.

Astfel, noua lege adoptată la 30 decembrie 1998 a schimbat structura teritorial-administrativă a țării de la 40 de unități teritoriale la 10, și prin aceasta, crescând capacitatea lor economică necesară pentru existența unei autonomii locale.³⁹

Această lege a însemnat de fapt, descentralizarea administrației publice locale în sensul de transferare a împuternicirilor de luare a deciziilor și reconcentrarea responsabilităților administrative pentru implementare.

³⁷ Popa V. *Aspecte legale ale administrației publice locale în Moldova*. <http://www.iatp.md/descentralizare/>

³⁸ Agh A. *Public Administration in Central and Eastern Europe* <http://lgi.osi.hu/publications/>

³⁹ *Legea Republicii Moldova privind Administrația Publică Locală din 11 iunie 1998*

Noua lege conținea toate elementele necesare pentru implementarea autonomiei locale, stipulând o strictă delimitare a competențelor a tuturor nivelurilor administrației publice.

Un factor important a fost descreșterea numărului de sate de la 925 la 644, astfel, măbind capacitățile financiare a unităților administrativ-teritoriale de la primul nivel. O altă prevedere importantă a fost crearea instituției prefectului, reprezentantul administrației centrale în teritoriu, ce avea ca scop realizarea principiului descentralizării, deoarece prefectul avea doar atribuția de a supraveghea serviciile județene fără a interveni în activitatea autorităților locale. Prefectul avea atribuția să supravegheze doar legalitatea dar nu și oportunitatea a actelor adoptate.

Factorii care au influențat reforma

Dacă analizăm condițiile și factorii care au influențat asupra implementării reformei administrative până la 1998 trebuie să menționăm:

1. Situația politică din Moldova. Așa, în 1992 părțile de est și de sud a Moldovei s-au intensificat mișcările secesioniste. În una dintre aceste două regiuni, Transnistria, sprijinită de interesele strategice ale Federației Ruse, care are o armată dislocată pe acest teritoriu, a izbucnit un conflict armat cu durată de un an. Astfel, Guvernul era mai mult preocupat de rezolvarea conflictului de cât implementarea reformelor. Ar fi cazul de menționat ca acest conflict ar urmări pentru toată perioada de după independența a Republicii Moldova, fiind nerezolvat până la momentul actual, regiunea Transnistreană fiind practic lipsită de orice control din partea autorităților moldovenești.⁴⁰ Tot odată, în contextul acestei lucrări, acest conflict are o altă importanță pentru reforma administrativă, fiind o cale de rezolvare a lui. Așa, se consideră că conflictele reprezintă un argument pentru descentralizare, deoarece rezolvarea unui conflict necesită o descentralizare radicală pentru a oferi grupurilor etnice un grad suficient de autonomie locală.⁴¹

2. Majoritatea parlamentară, care avea drept sarcină implementarea reformei și care a cauzat lipsa voinței politice din partea Guvernului. Astfel, după alegerile parlamentare din 1994, majoritatea în Parlament a fost formată în mare parte din reprezentanții partidului Democrat Agrar și a blocului Socialist, partide ce nu aveau drept scop realizarea unor reforme radicale în sistemul administrației publice locale.

⁴⁰ Taranu A. Planul-concept a rezolvării pas-cu-pas a conflictului transnistrean. <http://www.iatp.md/academicreview/1/en/article3.htm>

⁴¹ Davey K. Decentralization in CEE Countries: Obstacles and Opportunities <http://lgi.osi.hu/publications/>

3. Consiliile locale. După alegerile autorităților locale din 1995, consiliile locale au schimbat executivul formate în mare parte din reprezentanți structurilor sovietice vechi. Spre deosebire de foștii membri de partid care aveau în subordonare și o disciplină strictă, "noii politicieni" nu erau practic controlați de către nimeni din cauza lipsei funcționalității a unui astfel de mecanism. Ei răspundeau numai în fața alegătorilor prin intermediul alegerilor.

După 1998 putem menționa următorii factori:

1. Presiunea externă. Consiliul Europei a fost sursa pentru cadrul constituțional a structurii de bază a noului sistem administrativ. În 1994, Consiliul Europei a organizat Congresul Autorităților Locale și Regionale din Europa, reprezentând un organ consultativ care a devenit vital pentru implementarea reformelor administrative în statele fostului bloc socialist. Mai mult de cât atât, Consiliul Europei, Banca Mondială, Organizația pentru Cooperare Economică și Dezvoltare și alți donatori, prin intermediul variatelor sale programe de asistență au avut o influență decisivă în implementarea acestei reforme.

2. Guvernul. Majoritatea democratică din Parlament, formată după alegerile din 1998, care avea una dintre prioritățile sale reforma sistemului administrației publice locale, a garantat voința politică pentru implementarea acestei reforme la macro-nivel.

3. Societatea civilă și autoritățile locale. Unul din sondaje sociologice efectuate de IFES Moldova în 1997 a arătat că numai 5% dintre respondenți au dat o apreciere pozitivă a sistemului administrativ existent, iar 60% de respondenți simpli și 85% din totalul primarilor și consilierilor locali s-au pronunțat pentru schimbarea sistemului administrativ existent. Este menționat în unele surse că o influență decisivă asupra implementării reformei au avut-o elitele locale sau autoritățile locale alese care nu erau în stare să administreze serviciile publice locale în condițiile unui sistem vechi, ceea ce a născut repulsie din partea cetățenilor față de autoritățile locale.⁴²

***Recentralizarea sistemului administrativ:
Reforma administrativ-teritorială din 2001***

Una dintre cele mai controversate reforme implementate anul trecut a fost reforma teritorial-administrativă, care putea fi ușor prevăzută deoarece aceasta era una din promisiunile preelectorale de bază a partidului de guvernământ pînă la alegerile din 2001, care au căpătat 71 de mandate într-un parlament format din 101 deputați. În iulie 2000, un amendament constituțional

⁴² Popa V. Aspecte legale a administrației publice locale în Moldova. <http://www.iatp.md/descentralizare/>

a adus una dintre cele mai mari schimbări în separarea puterilor din Moldova. Ales de Parlament, Președintele numește Prim-Ministrul bazându-se pe distribuirea mandatelor în Parlament.

În decembrie 2001, Partidul Comunist a adoptat Legea administrației publice locale care reinstala vechea organizare teritorial-administrativă a țării. Astfel, partidul de guvernământ dorind să instituie reprezentanții săi în structurile administrației publice în teritoriu, care în mare parte erau reprezentanții altor formațiuni politice. În iunie 2001, Parlamentul a adoptat un amendament la legea administrației publice locale, prin care a fost anulată autoritatea consiliilor locale asupra bugetelor locale. Așa, bugetele locale erau doar adoptate de consiliile locale, dar prefectii județeni, numiți de guvernul central, administrau aceste bugete. În același timp, Parlamentul a modificat și Codul Electoral, stipulând ca primarii vor fi aleși de consiliile locale.

Sub presiunea Curții Constituționale și a Consiliului Europei, Parlamentul a reintrodus prevederea care prevedea alegerea directă a primarilor.⁴³

Noua Lege privind administrația publică locală adoptată la 18 martie 2003, a preluat în majoritatea sa toate prevederile Legii adoptate în 1998, renunțând de la principiul inițial al "verticalei puterii". Dar credem ca este necesar de a evidenția două deosebiri esențiale. Prima, articolul 70 care desființează instituția prefectului și prevede că oficiile teritoriale a Cancelariei de Stat va organiza controlul administrativ al legalității actelor adoptate și a activității autorităților locale. În conformitate cu noua Lege, Cancelaria de Stat, poate întreprinde controale a oportunității actelor administrative ce pot permite administrației centrale să modifice și să anuleze acte administrative în așa domenii ca: sănătatea publică, ordinea și securitatea publică, activitate metodică în învățământ, competențele transferate de la stat autorităților locale, acest control al oportunității înseamnă de fapt instaurarea unei verticale a puterii, așa autoritățile locale sînt obligate să prezinte orice explicație și orice act Cancelariei de Stat, iar ultima prezintă rezultatele controalelor Guvernului, Președintelui și Parlamentului. A doua diferență este instaurarea a unei noi împărțiri teritorial-administrative în 35 de raioane în loc de 10 județe, consfințite în legea din 1998.⁴⁴

⁴³ Revizuirea administrației publice locale. <http://e-democracy.md/comments/political/20030305>

⁴⁴ Legea Republicii Moldova privind Administrația Publică Locală din 19 martie 2003 <http://www.docs.md/Asp/frames.asp?Lang=ROM>

Interesele financiare ale Guvernului în implementarea recentralizării

Pînă în decembrie 1998 nu s-a putut vorbi în Moldova de o dezvoltare regională adecvată, deoarece fostele raioane - unități teritorial-administrative de nivel doi erau prea mici pentru a fi considerate regiuni. Raioanele nu au fost prevăzute ca regiuni dar ca centre de concentrare a deciziilor a fostului regim.

Pe un teritoriu de 33,8 mii km², cu o populație de 4,3 milioane de oameni, în mediu unei unități administrativ-teritoriale îi revenea 86 mii locuitori, multe din unități avînd cu mult sub acest nivel.⁴⁵ Județele în comparație cu raioanele erau cu mult mai înzestrate din punct de vedere economic, avînd o infrastructură cu mult mai dezvoltată.

În Moldova ca și în altele state în tranziție există multe probleme pentru localitățile în administrarea eficientă a afacerilor sale: complexitatea și confuzia a procesului de constituire și repartizare a bugetului la nivel local pentru autoritățile alese; insuficiență de personal tehnic; în relațiile cu strategiile centrale de "recapturare" a autorității și resurselor "transferate" formal consiliilor locale prin manipularea și crearea discrepanțelor între veniturile și cheltuielile locale.⁴⁶

Putem adăuga aici că controversele legale care sînt tipice pentru legislația Moldovei, care a minimalizat abilitatea regiunilor de a se auto finanța și de a vi viabile din punct de vedere financiar. Totuși dacă analizăm situația din 1999 în comparație cu 1995, vom vedea că numărul de ex-raioane care au transferat în buget mai puține resurse financiare de cît au primit din bugetul central, sînt mai puține. Astfel în 1995 numărul acestora era de 30 iar în 1999 acestea erau doar 9, dar problemele rămîneau destul de serioase pentru a fi privite ca o îmbunătățire continuă.⁴⁷

În condițiile în care Moldova are o cantitate enormă de datorii interne și externe, iar obiectivul major a Partidului de Guvernămînt este mărirea continuă a veniturilor bugetarilor, bugete locale devin deosebit de atractive pentru administrația centrală.

⁴⁵ Popa V. *De la centralism spre descentralizare* <http://www.iatp.md/descentralizare/ra31.asp>

⁴⁶ Wunch J.S. *Decentralization, Local Governance and "Recentralization" in Africa.* // *Public Administration and Development*, vol.21, no.1, 2001

⁴⁷ *ECONOMIC SURVEY Moldova în tranziție nr.4 (decembrie 1999)*, <http://cisr-md.org/reports/cont-srv4.html>

Factorii și grupurile ce au influențat implementarea reformei din 2001

1. Administrația centrală. Dacă analizăm interesele Guvernului și a Partidului de Guvernământ atunci este evident ca acesta urmărește întărirea controlului centralizat asupra unităților teritoriale. Principala cauză și, totodată, scop a Guvernului este autonomia locală: unitățile teritoriale fiind autonome și fiind capabile să-și rezolve independent problemele, în principiu nu au nevoie de puterea de stat, lucrul cel mai important este cât de eficient este implementat mecanismul de protecție și garantare a acestei autonomii. Acest argument este deseori evidențiat în literatura de specialitate.⁴⁸ Comunitățile mici nu pot exista în mod autonom deoarece în permanență vor depinde de asistența financiară a statului. Astfel, prin dependență financiară, unităților locale li este impusă și dependența politică față de centru.

2. Opoziția politică și societatea civilă. Opoziția politică formată atât de partidele intra-parlamentare cât și de cele extra-parlamentare, nu au participat în elaborarea acestei reforme dar au avut un impact decisiv asupra implementarea ei, organizând proteste de masă împotriva recentralizării și petiționând Curtea Constituțională și Consiliul Europei asupra caracterului contradictoriu a acestei reforme. Societatea civilă, prin intermediul manifestărilor de masă, a mijloacelor mass-media a fost un constant grup de presiune asupra Guvernului.

3. Autoritățile publice locale, prin crearea a unor organizații de profil și organizând întâlniri atât la nivel local cât și național au încercat de a participa la elaborarea reformei, formulând unele recomandări și analize a urmărilor acestei reforme. Acest grup a fost în mare măsură în opoziție față de această reformă.

Concluzii

Descentralizarea este un proces prea dificil și contradictoriu. Chiar dacă sînt elaborate și adoptate actele necesare, problemele operaționale nu întîrzie să apară ceea ce sfidează incontestabil succesul implementării reformelor. O schimbare a Guvernului poate aduce reforma la o intensificare a eforturilor, cum ar fi anul 1998, sau din potrivă, la o schimbare totală sau stoparea ei, cazul anului 2001.

În Moldova angajamentul politic față de descentralizare a început să se abată de la început, reforma administrației centrale nu a fost materializată pînă la sfîrșit, o lipsă a înțelegerii necesității reformei sistemului administrației

⁴⁸ *De ce nu avem nevoie de raioane?* http://www.democratia.cfem.md/60_2003/administratie.

publice locale era evident, iar nivelul de entuziasm a populației referitor la succesul reformei a scăzut odată cu trecerea timpului.

Dar, totuși, primele etape ale descentralizării a permis unor grupuri politice să mărească rolul lor în comunitățile locale prin întărirea inaccesibilitatea guvernului central. Ca urmare, Administrarea centrală, recentralizează puterea politică în Moldova. Acesta poate fi reprezentat ca urmare a trei factori:

- majoritatea unui singur partid în Parlament,
- interesele Guvernului în dividende politic de scurtă durată pe contul reformelor de lungă durată,
- incapacitatea centrului de a se distanța de la formele comuniste și sovietice de guvernare.

Anterior, se părea că autoritățile locale vor obține un control substanțial asupra unităților locale, distanțându-se astfel de la puterea centrală. În martie 1998, Legea administrației publice locale a fost adoptată. Această lege a împuternicit consiliile locale cu dreptul la proprietate locală, la managementul resurselor financiare proprii, colectarea taxelor, și de acționa în toate domeniile din comunitățile locale. În pofida avantajelor, pe care le oferă această lege pentru dezvoltarea regională, Guvernul actual uzurpat principiul autonomiei locale exprimat prin:

- Crearea unor oficii teritoriale a administrației centrale pentru;
- înăsprirea controlului administrativ a consiliilor locale;
- fragmentarea structurii teritorial-administrative existente, creînd unități teritoriale mici, practic, incapabile de a se autofinanța.

Datorită timpului foarte scurt în care există noua formă de organizare teritorial-administrativă a Moldovei, este prematur de a face careva concluzii, dar putem presupune, ținînd cont, de experiența anterioară, că Moldova va fi nevoită să revadă această reformă, parțial din cauza necesităților economice proprii și a presiunilor Organizațiilor Internaționale, odată cu aspirațiile Moldovei de a se integra în Uniunea Europeană.

Bibliografie:

- Constituția Republicii Moldova. <http://www.elections.md/lex/constitutia.html#109>
- Legea Republicii Moldova privind Administrația Publică Locală din 11 iunie 1998 <http://www.lexinfosys.de/document.asp?id=5539>
- Legea Republicii Moldova privind Administrația Publică Locală din 19 martie 2003 <http://www.docs.md/Asp/frames.asp?Lang=ROM>
- Eaton K., Eaton K. Decentralization, Local Governance and “Decentralization” in Africa, by J.S.Wunch // Public Administration and Development, vol. 21, no.1, 2001

James S. Wunch. Decentralization, Local Governance and “Recentralization” in Africa. // Public Administration and Development, vol. 21, no.1, 2001

Agh A. Public Administration in Central and Eastern Europe <http://lgi.osi.hu/publications/>

Kenneth Davey. Decentralization in CEE Countries: Obstacles and Opportunities <http://lgi.osi.hu/publications/>

Popa V. Aspecte legale ale administrației publice locale în Moldova, <http://www.iatp.md/descentralizare/>

Taranu A. Planul-concept a rezolvării pas-cu-pas a conflictului transnistrean <http://www.iatp.md/academicreview/1/en/article3.htm>

Rezultatele alegerilor parlamentare din 1994, <http://www.elections.md/parlament94>

Revizuirea administrației publice locale, <http://e-democracy.md/comments/political/20030305>

Popa V. De la centralism spre descentralizare <http://www.iatp.md/descentralizare/ra31.asp>

ECONOMIC SURVEY Moldova în tranziție nr. 4 (decembrie 1999), <http://cissr-md.org/reports/cont-srv4.html>

De ce nu avem nevoie de raioane? http://www.democratia.cfem.md/60_2003/administratie

ROLUL STATULUI ÎN EVOLUȚIA ȘI REGLEMENTAREA STRATIFICĂRII SOCIALE⁴⁹

Silviu TĂBÎRȚĂ
Republica Moldova, Chișinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea de relații internaționale,
științe politice și administrative
Catedra politologie
Doctorand

Numeroase ediții ale Raporturilor Dezvoltării Umane la nivel global, regional și național atrag atenție asupra faptului că multe dintre piedicile care stau în prezent în calea atingerii obiectivelor globale ale dezvoltării umane, derivă din persistența unor probleme ce vizează stilul de guvernare. Adoptarea și tolerarea pe termen lung a unui stil de guvernare deficitar (lipsit de

⁴⁹ Recenzent – doctor, conferențiar Nicolae Laiu.

transparentă, favorizând corupția, sau ignorând prioritățile sociale) se precipită spre a duce de obicei la apariția unor situații de criză, din care cu greu se poate ieși. Care ar trebui să fie trăsăturile distincte ale unei guvernări de succes, democratice, stimulative pentru dezvoltare. Cele mai multe dezbateri pe această temă se centrează pe analiza factorilor, care pot transforma instituțiilor publice, în organisme social înalt eficiente și eficace. Cuvintele cheie ale oricărui discurs ce vizează acest domeniu sînt transparența, participare, responsabilitate, justiție socială.

O guvernare devine cu atît mai larg reprezentativă, mai legitimă și deci mai eficace, cu atît este mai deschisă social. O guvernare devine cu atît mai echitabilă, cu cît ea este mai inclusivă social. O guvernare actuală nu poate fi decît democratică. Sensul actual al conceptului de democrație în actul de guvernare este faptul că oamenii și problemele lor contează în primul rînd, în sensul că guvernul este chemat să se conformeze și să vină cu soluții la problemele populației⁵⁰.

În cadrul teoriei keynesiene au fost formulate unele principii noi referitoare la rolul statului în societate. Statul acum este considerat nu numai în calitate de un "polițist pasiv", dar este chemat să îndeplinească noi funcții social-economice, printre care: politica financiară a statului, apărarea activității antreprenoriale, apărarea concurenței pe calea adoptării legislației antimonopol. În obligația statului este de asemenea elaborarea strategiei dezvoltării economice și realizarea măsurilor privind realizarea ei. O funcție importantă a statului este protecția socială a populației. Ca urmare a formării noilor direcții de activitate a statului a fost crearea unor instituții specializate de protecție socială a populației, consilii antionopol ș.a.⁵¹.

Sociologul și politologul englez E.Hobsbawm scrie că funcțiile social-economice a statului nu pot fi negate. Dimpotrivă, atît în statele capitaliste cît și cele necapitaliste ele sau accentuat, în ciuda tendinței generale de a încuraja inițiativa privată în anii 80. Aparte, însă de continua importanță a rolului conducător al statului în planificare și management, chiar și în statele teoretic neoliberale, dar și rolul statului de agent, în redistribuirea venitului social, prin intermediul mecanismelor fiscale și de protecție socială au transformat statul național într-un factor tot mai important în viața popoarelor lumii⁵².

După părerea autorului M.Rutkevici, rolul puterii de stat în condițiile contemporane nu se reduc, dar invers se complică și sporesc. Aceasta se refe-

⁵⁰ Stanciu M. *Obiectivele ONU privind dezvoltarea umană. // Calitatea vieții, 2002, nr.1-4, p.46.*

⁵¹ Рыбаков А. *Трансформация политических институтов. // Власть, 2003, №5, с.52.*

⁵² Hobsbawm E. *Nații și naționalism. - Chișinău, 1997, p.177.*

ră atît la statele prospere, cît și celor ce se află la un diferit nivel a "modernizării în urmărire". De exemplu, paternalismul în Japonia sau dirijismul în Franța. În special reglementarea statală este necesară în condițiile "modernizării în urmărire", cînd este necesar de asigurat accelerarea creșterii economice. În aceste condiții este necesară elaborarea unei strategii a politicii de stat⁵³.

Experiența statelor dezvoltate demonstrează că indeferent după ce model social-juridic se dezvoltă societatea (anglo-american sau vest-european), statul este cel mai important instrument de creștere a bunăstării oamenilor, de formare a activității civice și politice, de consolidare a simțului cetățenesc.

Într-o lucrare efectuată sub egida Băncii Mondiale, în care este analizată experiența reformelor în statele Europe Centrale și de Est, editorul ei N. Barr scrie că este o eroare fundamentală să-ți imaginezi că economia capitalistă înseamnă absența intervenției instituțiilor de stat. Statul joacă un rol continuu și major în statele industrializate. Anume de la subiectul vizînd rolul statului în perioada de tranziție, anume de aici pornesc multe greutăți la ora actuală.

Statul contemporan în interacțiunea cu piața îi aparține rolul de reglementator, deoarece anume statul formează spațiul juridic și social-economic pentru activitatea instituțiilor economice. Statul ca subiect al transformărilor în perioada de tranziție activează în direcții multilaterale: inițiatorul și coordonatorul reformelor, arbitru în stabilirea și respectarea noilor "reguli de joc", realizarea temporală a unor obligații "străine" din cauza nedezvoltării instituțiilor de piață, garantul ireversibilității reformelor. Specificul activității statului postcomunist este condiționat de instabilitatea societății, tranziția în toată diversitatea sa: în regimul politico-economic, în structurile instituționale, în sistemul social-economic, în directivele ideologice, în mentalitatea populației.

În condițiile tranziției statul se manifestă prin statut dublu- ca subiect și obiect al reformării: se reduc proporțiile monopolismului de stat în rezultatul liberalizării procesului de producție, a operațiunilor valutare, a activității comerciale; o parte din drepturile exclusive a statului, sînt transmise noilor subiecți economici: întreprinderilor private, instituțiilor financiar-creditate ș.a.; statul încetează să fie unicul reglementator a activității economice, deoarece se formează pîrghii de piață și corporative de conducere; se pierde inaccessibilitatea juridică față de stat: în egală măsură cu alte instituții și alți agenți economici, statul trebuie să respecte normele de drept; se micșorează rolul metodelor directe, administrative de conducere în favoarea celor indirecte, eco-

⁵³ Руткевич М.Н. Консолидация общества и социальные противоречия. // Социс, 2001, №1, с.24.

nomice: impozit, metode creditare și valutare⁵⁴. Deci statul în perioada de tranziție trebuie să fie un reglementator, un stimulator, un partener pentru a coordona cu diversele interese a societății.

În condițiile tranziției la economia de piață rolul statului este contradictoriu. Pe de o parte, statul trebuie să-și reducă influența asupra economiei eliberând-o de un control și o reglementare excesivă. Pe de altă parte, în condițiile când în aceste state nu a existat un mecanism de piață, statul trebuie să-și intensifice rolul său în crearea acestui mecanism. Scopul statului în această perioadă este realizarea politicii active îndreptată spre realizarea stabilității economice. O mare atenție statul trebuie să acorde rezolvării problemelor sociale - învățămînt, sănătate, știință, cultură, crearea unui sistem de protecție socială a populației. În condițiile tranziției trebuie să fie un stat puternic, cu o putere executivă capabilă să conducă cu procesele economice avînd o programă clară de ieșire din criză⁵⁵.

Experiența statelor Europei Centrale și de Est arată că succesul transformărilor într-o mare măsură depinde de aceea ce rol îl joacă statul în economie în această perioadă. Anume statul determină politica macroeconomică, elaborează și implementează programele anticriză, determină cadrul juridic a relațiilor de piață. Închipuirea ce a existat la începutul tranziției că statul trebuie în totalitate să se retragă din economie sa epuizat cu practica. În majoritatea acestor state, statul și-a păstrat funcții economice largi, însă caracterul influenței asupra economiei s-a schimbat radical.

Remarcăm că metodele administrative de reglementare a economiei din partea statului în aceste state se limitează la domeniile dreptului civil, activității de protecție, controlului privind respectarea standartelor tehnice și ecologice, comerțului extern și operațiilor valutare, activitatea instituțiilor monopoliste. Centrul de greutate se deplasează spre folosirea metodelor indirecte, de piață în reglementarea economiei din partea statului⁵⁶. Deci, în perioada de tranziție sau schimbat metodele și mijloacele de reglementare din partea statului a proceselor social-politice.

Statul în procesul tranziției postcomuniste se lovește de greutăți deosebite. Aceste greutăți sînt determinate de imperfecțiunea economiei de piață și a democrației. Statul este responsabil pentru bunăstarea cetățenilor săi, și altă tratare a statutului său este neîntemeiată. Din aceasta reesă cel puțin două cir-

⁵⁴ Сорочан О. Социально-экономические трансформации: специфика постсоциализма. – Chișinău, 2002, p.95.

⁵⁵ Полунина В. Политология. - Москва, 1996, с.67.

⁵⁶ Демократические революции в Центральной и Восточной Европе: десять лет спустя. // Новая и новейшая история, 2000, №2, с.91.

cumstanțe esențiale care complică activitatea instituțiilor de stat în statele Europei Centrale și de Est și CSI.

În primul rând, în comparație cu statele dezvoltate, în statele postcomuniste, instituțiile de stat, având o capacitate redusă de activitate, însă cercul de funcții este mai larg. În al doilea rând, în aceste state, în comparație cu statele dezvoltate, sînt mai importanți factorii subiectivi, ceea ce creează teren favorabil pentru apariția voluntarismului cu toate consecințele negative care reiesă din aceasta. În aceste state în mod deosebit este important responsabilitatea politicianilor de la putere. De poziția, competența și continuitatea acțiunilor lor în mare măsură depinde realizarea scopurilor în perioada de tranziție⁵⁷.

Factorii subiectivi care negativ influențează asupra cursului transformărilor democratice sînt divergențele dintre interesele celor ce conduc și cei conduși, comportamentul birocratic și interesele personale a funcționarilor, lipsa continuității în realizarea reformelor și inventarierea dese a politicii social-economice, erorile politicianilor în alegerea strategiei și tacticii reformelor, lipsa unui mentalitet civilizațional și a eticii profesionale la funcționarii de stat.

Guvernele democratice de la putere, promovînd o politică economică liberală au redus amestecul statului în viața economică. Însă în perioada de tranziție sa dovedit a fi mai rezonabilă abordarea instituționalistă, conform căreia statul trebuie să fie un agent economic activ și să intervină în viața economică, pentru că piața este imperfectă. Instituționaliștii susțin că în perioada de tranziție, statul trebuie să joace un rol și mai activ, dirijînd evenimentele, efectuînd o trecere treptată, lentă la economia de piață. Economistul D.Moldovanu recomandă în calitate de model economic pentru Republica Moldova, sistemul economic francez ce îmbină armonios liberalismul și protecționismul, libertățile economice și centralismul statal, sistem intitulat „Capitalism statal”⁵⁸.

Discuțiile despre stat adesea încep cu ideile tradițiilor neoliberales: dacă statul este un "observator" al dezvoltării pieții, atunci multe probleme a funcționării economiei de piață sînt legate de calitatea acestui observator. Posibilitatea realizării reformelor și eficiența lor sînt condiționate de capacitatea statului să-și realizeze politica reformelor. Statul în politica sa de reforme trebuie să ea în considerare și să realizeze interesele păturilor largi a populației, dar nu a unor grupuri. Istoria reformelor în statele postsovietice au fost o încercare nereușită a reîmpărțirii resurselor publice de stat, a unor guverne sla-

⁵⁷ Дробот Г. *Меняющаяся роль государства в экономике XX века.* // *Вестник МГУ, серия 18, 2002, №.3, с.36.*

⁵⁸ *Moldovanu D. Tranziția: interdependența transformărilor sistemice și a integrării în economia mondială.* – Chișinău, 1997, p.75.

be care au pierdut controlul asupra economiei și a unor grupuri de interese puternice care au îndreptat aceste circumstanțe în folosul propriu. Ca rezultat în structurile aparatului de stat s-au format grupuri de interese, care s-au folosit de slăbiciunea statului și lipsei unor norme clare a controlului din partea statului⁵⁹. Aceste circumstanțe au dus la o polarizare excesivă a societății, a pierderii statului a unor categorii de cetățeni.

Procesul de transformare a sistemelor social-economice întâmpină dificultăți comune aproape pentru majoritatea statelor în tranziție. În Raportul de Dezvoltare Umană (PNUD) 1998 pentru Europa și CSI se menționează că "națiunile noi" demarând reformele au procedat la diminuarea rolului direct al statului în soluționarea problemelor sociale, fără a institui nimic în schimb. Se apreciază că probabil aceasta a fost eroarea fundamentală. În raport se menționează că statele în tranziție ar trebui să meargă pe calea reformelor tratat.

Statul este un garant al stabilității și securității economice, sociale și individuale. Calea spre prosperitate în statele în tranziție depinde de politica statului, voința și capacitatea clasei politice de a conștientiza activitatea sa. Obiectivele principale a statului în tranziție sînt: securitatea socială și economică; funcționarea legilor; creșterea economică; eficientizarea politicilor sociale; mecanisme juridice și economice pentru garantarea protecției proprietății private și publice, a drepturilor omului; perfecționarea sistemului de redistribuire a veniturilor în favoarea educației, sănătății și cercetării⁶⁰.

Mecanismul politic principal care reglementează nivelul reflectării tuturor intereselor sociale sînt actele legislativ-normative, în cadrul cărora se asigură politica social-economică și se adoptă hotărîri la nivel de stat și de asemenea se asigură activitatea tuturor subiecților social. Anume actele legislativ-normative sînt chemate să fie acel mecanism care asigură stabilitate și echilibru în politica de transformare a societății în perioada de tranziție.

Rolul statului, eficiența guvernării în această perioadă se justifică prin efectele sesizabile ale politicii economice și sociale, prin capacitatea autorităților publice de a realiza transformările cu cele mai mici costuri sociale posibile și nu în ultimul rînd prin gradul de conștientizare și acceptare a schimbării, a gradului de responsabilitate politică pentru succesul deciziilor. Unul din factorii principali a tranziției reușite este existența voinței politice în realizarea reformelor politice și social-economice, care se reflectă în primul rînd în continuitatea reformelor guvernelor, în sensul că schimbarea guvernelor nu trebuie să însemne schimbări radicale de la cursul reformelor realizate. Elita

⁵⁹ Бычкова О.В. *Постсоветское рыночное реформирование*. // *Полис*, 2001, №6, с.156.

⁶⁰ *Strategia Națională de Dezvoltare Durabilă*. - Chișinău, 2000, p.68.

conducătoare trebuie să fie destul de unită și integrată în ce privește obiectivele dezvoltării societății. În statele postsovietice această regulă este încălcată. Elita politică aflată la guvernare este cea mai conflictuală grupă a societății. Practic fiecare politician mai important și-a format partidul său, luptă pentru interesele sale, ceea ce intensifică conflictele între putere și păturile sociale.

Cursul și rezultatele transformărilor în mare măsură sînt determinate de calitatea conducerii de stat. De politica statului în mare măsură depinde starea societății în genere, direcția în care ea se dezvoltă. Procesele social-economice din spațiul postcomunism se caracterizează printr-o nemulțumire permanentă a populației, o opinie publică negativă față de putere, un nivel scăzut de încredere în instituțiile statale. Aceasta demonstrează despre lipsa nu numai a colaborării și parteneriatului între societate și putere dar și a dialogului.

Elita a obținut nu numai puterea politică, dar și partea principală a bogăției și a resurselor societății. Elita folosind poziția sa privilegiată a acaparat proprietatea prin următoarele căi: privatizarea ilegală care a restrîns posibilitatea maselor largi a populației de a avea proprietate și de a iniția o afacere proprie, folosirea nerațională a ajutorului și a creditelor externe, formarea unor grupuri financiare care sau folosit de credulitatea oamenilor, corupția în rîndul funcționarilor. Analiza activității instituțiilor de stat în societățile de tranziție a condus la înrăutățirea calității vieții oamenilor, manifestată printr-o polarizare bruscă a păturilor societății și intensificarea stării de încordare în societate.

Transformările ce au loc în statele postsovietice au dus la apariția așa numitei "economii a omului efort" caracterizată prin remunerare scăzută, scăderea nivelului de viață, rețineri la plata salariului la întreprinderile atât publice cît și private. Salariul s-a transformat într-o alocație, care nu depinde de rezultatul muncii. Munca, participarea la crearea bunurilor materiale este puțin stimulată și susținută de stat. În sectorul privat, din cauza limitării intervenției directe a statului, salariații sînt lipsiți de minimul de garanții sociale. Remunerarea insuficientă și motivarea slabă a muncii sînt piedicele dezvoltării social-economice în perioada de tranziție. Statul plătind un salariu mic, avînd datorii la plata salariului, încalcă legislația. Aceasta conduce la submarea autorității statului ca subiect al economiei și ca arbitru în relațiile de contractuale de muncă.

De aceea statul, în scopul micșorării diferențierii sociale, trebuie să reglementeze mai activ relațiile pe piața muncii nu numai normativ, dar și practic. De asemenea statul trebuie să stimuleze formarea unei populații economice active, să fie un apărător a drepturilor lor social-economice, să formeze un sistem rațional de creare și păstrare a locurilor de muncă pe baza determi-

nării direcțiilor prioritare de dezvoltare a ramurilor economice, să perfecționarea acumularea potențialului științific și de cadre⁶¹.

Pînă acum de rezultatele reformelor a avut de cîștigat numai elitele economice și politice, pe cînd majoritatea populației a pierdut mult. Are loc o contradicție între poziția profesională ridicată a oamenilor și statutul lor social real în societate. Majoritatea lucrătorilor din sfera bugetară avînd un nivel înalt de studii și pregătire profesională sînt în situația actuală marginalizați, ceea ce are o influență negativă asupra resurselor de muncă. Greșelile puterii în politica de reforme au stimulat sporirea inegalității și încordării sociale. Pentru urmările deciziilor guvernaților plătesc cetățenii de rînd. Scăderea condițiilor de viață au condus la reducerea posibilității de a-și satisface unele necesități sociale a oamenilor. Un studiu sociologic realizat în Rusia arată că după părerea oamenilor puterea reprezintă o simbioză a anarhiei și a dictatului administrativ⁶².

Activitatea slabă a organelor de conducere și erorile guvernaților sînt acei factori care au determinat calitatea extrem de joasă a calității vieții în majoritatea statelor în tranziție, inclusiv în Republica Moldova. În majoritatea statelor în tranziție săraci au devenit nu numai grupurile marginale, dar și o parte considerabilă a oamenilor apti de muncă. Cu toate că Constituțiile statelor în tranziție prevăd multe drepturi sociale, realizarea lor sînt neglijate, mai ales în realizarea oamenilor la muncă, în evaluarea echitabilă și remunerarea la timp a muncii, în protecția socială a populației, a păturilor vulnerabile, în asigurarea sănătății și a unui nivel decent de viață. Nu se respectă prevederea din Constituție privind orientarea socială a economiei. Omul, necesitățile lui trebuie să fie plasate în centrul atenției politicianilor și considerate drept scop major al reformelor.

În Republica Moldova instituțiile statului nu sînt suficient de puternice pentru a menține forțele tranziției. Statul a fost inițiatorul reformelor și prin urmare el trebuie să-și asume responsabilitatea pentru rezultatele lor. Așteptările populației vis-a-vis de rolul statului nu sînt încă realizate. Costul social al reformelor în republică sa dovedit a fi exagerat de mare. În condițiile crizei economice sa redus considerabil resursele statului necesare asigurării nevoilor sociale. Numărul celor ce necesită ajutor social este în creștere, iar resursele financiare a statului destinate protecției sociale sînt insuficiente pentru acoperirea cheltuielilor. Criza economică generează și criza socială ce se manifestă prin cele mai diverse fenomene negative.

⁶¹ Голубь О. Проблемы социальной эффективности на рынке труда. // Власть, 2002, №4, с.32.

⁶² Бойков В. Россия: десять лет реформирования. // Социологические исследования, 2001, №7, с.35.

Tranziția a afectat standardele de viață, subminând substanțial gradul de securitate a populației. Scăderea veniturilor reale a populației și gradul de ocupație a generat un proces de sărăcie în masă. A scăzut accesul populației la serviciile sociale prioritare, inclusiv medicale și educative. În aceste condiții rolul și responsabilitatea statului este exclusivă. Însă resursele financiare reduse complică substanțial intențiile instituțiilor de stat⁶³. Reformele social-economice efectuate de structurile puterii, fără a prevedea consecințele, au dus la o stratificare radicală a populației republicii.

O influență majoră asupra stratificării sociale, efectuat de factorul politic de putere a fost privatizarea contradictorie și conflictuală, atât între echitate și eficacitate cât și între necesitate și utilitate. Privatizarea în statele postcomuniste nu a căpătat rădăcini adânci în societate, n-a condus la un mecanism concret de susținere a intereselor tuturor păturilor sociale. Privatizarea a fost fără efecte concrete în extinderea opțiunilor. În Moldova privatizarea nu a schimbat nimic în viața cetățenilor (3 mln. de acționari, 70% din populație) deveniți acționari. De bunurile societăților pe acțiuni dispun un număr restrâns de persoane sau grupuri de manageri, contribuind la extinderea economiei subterane⁶⁴.

Puterea politică care a determinat transformările relațiilor social-economice, a transformat societatea într-un "ostatic" a politicii sale. Aceasta este rezultatul subestimării rolului hotărâtor anume a politicului și a mecanismelor politice de conducere. Principalele probleme în activitatea statului, care influențează asupra evoluției stratificării sociale în societățile de tranziție sînt: principalul și uneori chiar unicul mijloc de dezvoltare a sferei sociale este finanțarea de la buget; incapacitatea organelor executive să administreze efectiv proprietatea statului; nerespectare legislației și în special a legislației în domeniul politicii sociale, care uneori depinde direct de starea economică; necointeresarea cercurilor de afaceri naționale să investească în sfera de producere, prin care îl lipsește pe salariat de mijloace de existență; starea economică nu este în stare să asigure finanțare corespunzătoare a programelor sociale, iar folosirea mijloacelor existente nu întotdeauna sînt efective; contradicția dintre puterea centrală și locală privind finanțarea sferei sociale, ce se explică prin lipsa mijloacelor financiare la nivel local și imposibilitatea puterii locale de ași onora obligațiile în domeniul social ș.a. O caracteristică a structurilor puterii în statele de tranziție este ruptura dintre cuvînt și fapt, dintre promisiuni și realitate, dintre declarațiile constituționale și situația reală a vieții sociale.

⁶³ *Raportul Național al Dezvoltării Umane -1999. - Chișinău, 2000, p.52.*

⁶⁴ *ibidem, p.42*

De aceea, perioada de tranziție trebuie de sporit complexitatea sarcinilor statale ce trebuie rezolvate prin intermediul politicilor sociale în scopul creșterii nivelului și calității vieții populației prin crearea unui sistem eficient de protecție socială a populației, prin elaborarea politicilor în domeniul ocupației, salarizării ș.a. Este necesar nu numai elaborarea, dar și implementarea în practică a politicilor sociale adecvate societății în tranziție, în special sporirea rolului statului în protecția socială a populației. Statul trebuie să asigure controlul asupra proceselor de diferențiere socială, și anume realizarea politicilor sociale într-o oarecare măsură contribuie la diminuarea inegalității din societate.

Deci mecanismul principalul prin care se reglementează stratificarea socială este realizarea practică a politicilor sociale.

În statele Europei Centrale și de Est, unde instituțiile puterii s-au consolidat în rezultatul proceselor democratice nivelul de cheltuiel publice, de exemplu în Polonia, Ungaria, Slovenia atinge cota de 45-50% din PIB. În unele state mai puțin dezvoltate ca Bulgaria, România, Moldova această cotă constituie 25-35% din PIB. Reiesă că posibilitatea statului să-și realizeze efectiv obligațiile în sfera socială depinde de cota cheltuielilor publice a statului⁶⁵.

În ultimii ani toate statele Europei Centrale și de Est au întreprins măsuri de aliniere a sistemelor de protecție socială la economia de piață. Direcțiile și obiectivele reformei corespund în urmare măsură în toate statele. Guvernele depun eforturi pentru: a preveni sărăcia populației cu venituri mici fără a reduce diferența dintre veniturile datorate calității muncii; a stabili asigurări de pensie și de sănătate bazate pe contribuții și asigurări împotriva riscului de șomaj, sau a combina elementele de bunăstare socială cu asigurări sociale și private; a transfera acele funcții sociopolitice îndeplinite inițial de întreprinderile de stat structurilor private. Toate statele au adoptat reglementări referitoare la asistența socială și asigurări de șomaj. Însă evoluția și concepția acestor reforme sînt diferite în fiecare stat⁶⁶.

Dintre măsurile de politică activă folosite în statele Europei Centrale și de Est în combaterea șomajului se pot aminti: tranzacționarea locurilor de muncă (job brokering); politici de creștere a mobilității pe piața muncii, constînd în încurajarea migrației; măsuri de crearea a noilor locuri de muncă prin încurajarea firmelor în sensul angajării șomerilor prin subvenții acordate din fondul de șomaj; folosirea muncilor publice; asistență pentru afacerile pe cont propriu; recalificarea șomerilor prin organizarea cursurilor de pregătire de către oficiile de muncă; locuri de muncă pentru absolvenți. Cele mai fregvente,

⁶⁵ Сорочан О. Социально-экономические трансформации: специфика постсоциализма. – Chișinău, 2002, p.95.

⁶⁶ Țările Europei Centrale și de Est în drumul spre UE. - București, 1997, p.20.

considerate cele mai eficiente sînt programele de pregătire profesională (de calificare și recalificare). Cea mai bogată experiență în acest domeniu aparține Bulgariei care din 1986 a creat un fond de calificare și recalificare. Cele mai extinse ale politicilor active există în Ungaria, ele incluzînd alături de șomeri și persoanele tinere. În România programele de pregătire profesională sînt organizate de către oficiile de muncă prin centre proprii sau alte unități. Subvenționarea (creditarea) creării locurilor de muncă include diverse măsuri.

Asemenea programe se întîlnesc în Bulgaria, Cehia, Polonia, România sub formă de subvenții salariale sau de credite. Tot din această grupă fac parte măsuri pentru menținerea locului de muncă, inspirată după modelul german, ce se practică în România și Ungaria. Anume politicile active de creare a locurilor de muncă constituie cea mai eficientă metodă de combatere a șomajului, deoarece concedierile, pensionările anticipate au condus la creșterea populației inactice și deci la creșterea necesarului de fonduri sociale, asigurate prin cotizații, taxe, impozite prelevate de la un număr tot mai mic de persoane active⁶⁷.

În Republica Moldova pentru reglementarea procesele de diferențiere socială la toate nivelurile de administrare au fost create un șir de instituții (începînd cu Comisia Parlamentară pentru Protecția socială, Familie și Sănătate și terminînd cu specialiștii în probleme de asistență socială din cadrul primăriilor), care se ocupă de elaborarea, promovarea și realizarea politicii sociale. Însă promovarea adecvată a politicii sociale lasă mult de dorit. Cu toate că la nivel guvernamental se elaborează strategii, programe și proiecte în domeniul politicii sociale, însă lipsește o corelare dintre Comisia Parlamentară Permanentă, ministerele de resort, partidele politice, sindicate, asociații obștești, agenții economici în problemele de implementare a acestor politici sociale.

Cu toate că sistemul actual de protecție socială din republică se perfecționează, el nu contribuie substanțial la îmbunătățirea condițiilor de viață a oamenilor. În realitate sistemul actual de protecție socială este pasiv și insuficient. Actualmente nu există un program viabil de protecție socială.

⁶⁷ Dan M. *Politici sociale*. - București, 2001, p.142.

COMPARTIMENTUL III.
SOCIOLOGIA POLITICĂ

**REPREZENTĂRILE IDENTITARE ALE MASELOR ÎN
PERIOADA DE TRANZIȚIE⁶⁸**

Elvira ANGHEL
Republica Moldova, Chișinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea relații internaționale,
științe politice și administrative
catedra Politologie
Lector, MA

Încă de la începutul proclamării statalității persistă procese dezintegraționiste. Lipsa unei idei de integrare cu valoare de importanță generală menține tensiunile, contradicțiile și prejudecățile în sistemul reprezentărilor maselor. Pentru că procesele de constituire statală legitimă coincid cu cele de determinare legitimă a identității, sistemul reprezentărilor maselor parcurg două procese care interacționează și se influențează reciproc: procesul de identificare națională care vizează „descendența socială și spirituală specifică, care are în spate o voință” și cel de identificare civică ce „este intermediat de enunțarea unor atribute obiective cum ar fi naționalitatea, vârsta, pătura socială”.⁶⁹ Reprezentările identitare denotă apartenența indivizilor la anumite grupuri, conștientizarea specificului cultural, politic, evaluarea identității proprii și stabilirea relațiilor cu alte grupuri.

J.-R.Ladmiral și E.M.Lipiansky precizează că pe lângă faptul că identitatea „se fondează pe factori obiectivi, precum moștenirea istorică, contextul politic, originile etnice, tradiție, limbă, religie..., ea se bazează totodată pe elemente subiective care se înscriu în conștiința membrilor unei comunități, ea există în primul rând sub forma reprezentărilor sociale care permit unei colectivități să se definească și să se recunoască de alții, aceste reprezentări sunt formate din imagini, simboluri, stereotipuri”⁷⁰.

Nucleul central al reprezentărilor identitare naționale ale maselor în Republica Moldova includ două variabile importante: cea de racordare a valori-

⁶⁸ Recenzent – doctor în științe politice *Valentina Stan*

⁶⁹ *Andreescu L. Tradiția națională. // Alieră, №8, 1998, p.93.*

⁷⁰ *Chelcea S. Personalitate și societate în tranziție. – București: Societatea Științifică și Tehnică SA, 1994, p.241.*

lor național-etnice la condițiile unei societăți multinaționale și consolidarea teritorială. Teritoriul se reflectă în conștiința maselor sub două aspecte: ca spațiu fizic și ca simbol național-politic, care realizează funcții de identificare și integrare a populației. Astfel, frontierele statului nu reprezintă doar limitele sale administrative, dar și simbol important de apartenență. Însă pe plan statal intern teritoriul, concomitent, realizează funcții de delimitare național-etnică a populației, care influențează partajarea teritorial-administrativă a statului.

În urma politicii de mobilizare activă a populației promovată de Uniunea Sovietică, în scopul internaționalizării pluralităților de națiuni amplasate în teritoriu, după destrămarea ei, multe republici au ajuns în situația statelor cu o pondere considerabilă a minorităților naționale. Recensământul unional din 1979 a înregistrat o populație minoritară de circa 26.4% din totalul populației Ucrainei, de 31.3% în Uzbekistan, de 36.1% în Moldova (35.5% - la Recensământul din 1989: dintre care 13,8% ucraineni, 13% ruși, 3,5% găgăuzi, 2% bulgari și 1,5% evrei), de 43.3% în Letonia, 52.1% în Kîrghistan.⁷¹

Realitatea societăților multinaționale cerea o revizuire a ansamblului de atitudini inter-grupuri. M.Rokeach și F.Restle disting, în acest context, sisteme de gândire „deschise” și „închise”. În opinia lor „sistemul închis, care acceptă necritic, emotiv informația, cultivă prejudecata, în opoziție cu cel deschis, care o exclude, căci își elaborează judecățile pe temeiul faptelor, luându-le pe acestea ca teme de acțiuni”.⁷²

În pofida garanțiilor acordate de legea fundamentală a statului și prevăzute în legea organică cu privire la drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale, relațiile inter-grupuri național-etnice au un caracter încordat. Motivele principale care se impun în acest context, țin de aspectul temporal (coincidența în timp a recăpătării identității proprii de către majoritate și minorități, cu tendința legitimă de consolidare a stătalității de către majoritatea națională), normativ (cadrul juridic incipient, care implică multe ambiguități și contradicții), istoric-psihologic (transformarea legitimității monoculturii în legitimitatea pluriculturii, generată de pincipiile democratice). În urma unui sondaj de opinie realizat de Centrul Educațional „PRO Didactica”, cu sprijinul Fundației Soros – Moldova, cu ocazia Zilei Internaționale a Toleranței, la 16 octombrie: peste 30% din cetățeni cred că în Republica Moldova relațiile interetnice sunt bune, 23% le consideră satisfăcătoare și tot atîția – prietenești, 16 % le văd tensionate, iar 3% – conflictuale.⁷³

⁷¹ *Vezi: Enciu N. Populația titulară a Republicii Moldova față cu minoritățile naționale. // Arena politică. Nr4 (16), ianuarie, 1998, p.7.*

⁷² *vezi: Toth A. Prejudecata etnică și specificul național. // Altera, 1998, p.82.*

⁷³ *Toți cetățenii Republicii Moldova trebuie să cunoască limba de stat. // “Timpul”, 2003, 21 noiembrie, p.12.*

Variabilele importante care influențează relația inter-grup majoritate-minoritate în Republica Moldova, consecințe ale factorilor menționați anterior sînt de ordin cantitativ și distributiv. Astfel cu cît numărul reprezentanților minorităților naționale este mai mare, cu atît intensitatea tensionării relațiilor cu majoritatea crește. Sociologul și filosoful german R.Darendorf, concluziona în privința analizei procesului de democratizare în statele Europei de Est: „cu cît țara este mai omogenă, cu atît șansele ei în succesele procesului democratic sînt mai mari. Țara cu o componentă complexă etnică sau de altă natură va trebui să se ocupe în viitorul apropiat nu de democratizare, dar de problemele integrității teritoriale și implementării legii și ordinii.”⁷⁴ Scindarea teritorială reflectă gradul de disensiune al relațiilor inte-etnice.

Variabila distributivă comportă două elemente: cel al amplasării teritoriale și cel ce ține de caracterul dispersat / compact. Aceste realități devin mult mai problematice cînd teritoriile în cauză sunt importante din punct de vedere strategic, economic, militar. Această dihotomie este direct proporțională cu intensitatea relațiilor majoritate-minoritate. Bineînțeles că pretențiile teritoriale ale minorităților naționale sunt motivate de logica argumentului distributiv și proporțional al reprezentanților etniilor în teritoriu.

Această problemă, aparent soluționată, constituie în continuare trăsătura vulnerabilă a politicii de integrare a statului. Cea mai mare parte a minorităților ucrainene și ruse sînt amplasate în raioanele de est ale Republicii Moldova, în regiunea transnistreană. Populația Transnistriei care constituie 654,8 mii de locuitori, adică 16% din populația republicii, dintre care 40% sînt moldoveni / români, 28,7% - ucraineni și 25,5% - ruși; ocupă 12% din teritoriul Moldovei.⁷⁵

Găgăuzii, a treia minoritate în ierarhia numerică a minorităților naționale sînt concentrați în sudul republicii, formînd unitatea teritorial-administrativă, Gagauz-Yeri. Pe un teritoriu de 1,85 mii km² (adică 5,5 % din teritoriul Republicii Moldova) locuiesc circa 160 de mii de oameni dintre care 81,4% sînt găgăuzi; 5,2% bulgari; 4,6% ruși; 4,4% moldoveni; 3,3% ucraineni și 1,1% alte minorități naționale.⁷⁶ Relevanța acestor variabile în relația majoritate-minoritate este redată și de cercetătorul american McIntosh care consideră că stabilitatea relației depinde de mărimea (cantitatea) minorităților în compara-

⁷⁴ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и её проблемы в Восточной Европе. // Вопросы философии. 1990, №9-10, с.70.

⁷⁵ Vezi: Balan Gh. Cauzele conflictului transnistrean. // Minoritățile naționale și relațiile interetnice. Tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova. – Iași: Pan Europe, vol. 1, 2002, p.17.

⁷⁶ Programul regional Gagauz-Yeri 2001. Centrul de Investiții Strategice și Reforme. www.cisr-md.org/publications

ție cu majoritatea, densitatea acestor minorități, precum și oportunitățile pentru contactele dintre majoritate și minoritate. Cu cât influența acestor factori este mai evidentă în favoarea minorităților cu atât conflictualitatea relațiilor este mai mare.⁷⁷

Majorității naționale în virtutea numărului preponderent, titulaturii cultural-politice pe care o poartă și dorinței de a-și redefini fără presiuni și angajamente identitatea proprie i se opun minoritățile care tind să supraviețuiască experienței trecutului istoric și să evite atribuirea unor statute de cetățeni „secundari” ai statului de reședință. Tensiunile în cadrul relației majoritate-minoritate sînt motivate nu numai de factorii culturali, politici, economici, sociali, dar și psihologici. Tensiunile la nivel psihologic sînt cauzate de conflictul dintre sistemul dominant de valori care se impune în mediul social și unul care încearcă să reziste presiunilor de asimilare. E.Said în lucrarea sa „Culture and Imperialism” menționează că „nicăieri o cultură dominantă nu este mai firavă din punct de vedere al legitimității, decît în întîlnirea sa cu culturi reprimare.”⁷⁸

Grupurile etnice minoritare cred în nesiguranța securității lor. Ele se simt amenințate de sistemul valoric dominant cantitativ al majorității care reprezintă pentru aceste etnii un pericol real de amenințare. Comportamentul majorității naționale este interpretat de grupurile minoritare din punctul de vedere al comunității dominante. Presiunile verbale și acționale ale minorității frustrează majoritatea națională, care realizează că statutul cultural și politic de majoritate titulară este neglijat.

Reprezentările etnice ale majorității și minorității se manifestă prin comportamentele verbale și acționale. Ele formează vectorul și dinamicul comportamentelor *in-groups* și *out-groups*. Măsurarea prejudecăților în cadrul relațiilor inter-grupuri poate fi efectuată, apelînd la scala distanțelor sociale dintre grupuri, emisă de Bogardus în 1925. Utilitatea acestei metode constă în posibilitatea evaluării distanței și gradul de toleranță inter-grupuri. Sondajul de opinie organizat în martie-aprilie, 2002, de către IPP, reflectă importanța atitudinilor etnice în stabilirea distanței dintre etno-elementele maselor în Republica Moldova. Cei mai agreați pe scala distanțelor etnice sînt moldovenii / românii – 95%, după care urmează rușii – 88%, ucrainenii – 84 %, bulgarii – 63%, găgăuzii – 61%, evreii – 59% și în ultimul rînd, romii – 35%. Ierarhia inversă demonstrează că cei mai dezagreți sînt romii 58%, urmați de evrei –

⁷⁷ vezi: Gagcioglu D. *Psychological explanations of conflicts between ethnocultural minorities and majorities*. // *Arena Politicii*, nr.4 (16). Ianuarie, 1998, p.26.

⁷⁸ Vezi: Andreescu L. *Tradiția națională*. // *Alteră*, 1998, №8, p.94.

32%, găgăuzi – 30%, bulgari – 26%, ucraineni – 12%, ruși – 9%, la urmă situându-se moldovenii / românii cu 3%.⁷⁹

Structura atitudinilor etnice pe verticală ce reflectă ierarhia distanțelor *out-groups* în relația majoritate-minoritate, demonstrează conform sondajului că majoritatea națională este cea mai agreată de reprezentanții minorității ruse – 96%, după care urmează ucrainenii – 95%, celelalte minorități în proporție de 90 la sută. La rîndul lor moldovenii / românii agreează în deosebi minoritatea rusă – 84%, urmată de ucraineni – 80%, bulgari – 55%, găgăuzi – 54%, romi – 30%. Structura orizontală a atitudinilor *in-group* arată că reprezentanții majorității naționale se apreciază reciproc în proporție de 96 la sută.

Distanțele inter-grupuri în cadrul societății moldovenești sînt motivate de atitudinile stereotipizate pozitive sau negative și prejudecățile reprezentanților majorității și minorității naționale. Aceste variabile ale reprezentărilor identitare sînt elemente importante ale schemelor cognitive inter-grupuri în cadrul maselor. În timp ce stereotipul „reprezintă conținutul declarativ al unei scheme de grup... se referă la dimensiunea cognitivă sau raportarea preponderent cognitivă la un grup sau reprezentanți ai acestuia, judecata este... afectivă, ...presupune că este atașată de stereotip și activează împreună cu conținutul cognitiv al acestuia... (reprezentînd) dimensiunea afectivă.”⁸⁰

Prin intermediul metodei listei de trăsături a măsurării stereotipurilor emisă de Katz și Bradly în 1933, putem deduce gradul de consensualitate dintre grupurile național-etnice în Republica Moldova. Această metodă vizează atribuirea caracteristicilor definitorii în cadrul relațiilor inter-grupuri. Sondajul de opinie realizat în 2002, relevă motivația distanței sau apropierii între reprezentanții grupurilor naționale.

Chestionarul pune în evidență cîteva caracteristici care în opinia participanților la sondaj ar reprezenta comunitățile etnice în Republica Moldova. Cele mai caracteristice calități atribuite moldovenilor / românilor sunt hărnicia și ospitalitatea (peste 70 la sută), cumsecădenia (peste 40 la sută), trăsătura negativă a majorității naționale fiind dezbinarea. Caracteristicile celorlalte etnii din Republica Moldova sînt atribuite în proporție de mai puțin de 50%. Atributele cele mai frecvente ale ucrainenilor din Republica Moldova sînt hărnicia (38 la sută), ospitalitatea și cumsecădenia la diferența de un procent (prima fiind atribuită de 38% dintre respondenți, a doua – de 32%), orgoliul fiind caracteristica negativă a lor (10%). Minoritatea rusă se evidențiază în special prin ospitalitatea (29 la sută), cumsecădenia și inteligența (fiecare cîte 28 la sută), egoismul fiind atributul negativ care-i caracterizează (10 la sută), de-

⁷⁹ *Barometrul de Opinie Publică. Republica Moldova. Martie-aprilie. 2002. – Chișinău: IPP, p.27.*

⁸⁰ *Neculau A. Manual de psihologie socială. – Iași: Polirom, 2003, p.256.*

altfel ca și pe bulgari (10 la sută) și pe găgăuzi (11 la sută). Bulgarii se deosebesc în special prin hărnicie (29 la sută), ospitalitate (pentru care au optat 22 la sută dintre respondenți), cumsecădenie (21 la sută). Trăsăturile pozitive prin care se caracterizează găgăuzii sînt hărnicia (25 la sută), unitatea lor (20 la sută), ospitalitatea (18 la sută).

Competiția ostilă pentru redefinirea și conservarea valorilor etnice reduce șansele integrării maselor. Dihotomia „noi” – „ei” caracteristică relațiilor dintre majoritate și minoritate intensifică ostilitatea mutuală și sistează ameliorarea relațiilor inter-etnice. Grupurile care se includ în categoria „noi” împărtășească aceleași sentimente de apartenență de identitate comună și exclud alte grupuri atribuite la categoria „ei”. Concentrarea exclusivă spre valorile *in-group* și excluderea principiilor de toleranță și colaborare cu alte grupuri riscă să exagereze apartenența *in-group*. Ori toleranța „reprezintă o normă a comportamentului civilizată între culturile concurente și capacitatea de a adopta alte viziuni și logici, ea este o condiție de păstrare a eterogenității, a dreptului istoric la originalitate...”⁸¹

Așa cum concluzionează I.Caunenco, doctor în științe, în urma cercetărilor psihologice, „nici hiperidentitatea, nici hipoidentitatea nu pot să asigure un comportament tolerant, deoarece doar identitatea etnică pozitivă poate să constituie condiția interacțiunilor pașnice inter-etnice între-o lume pluri-etnică.”⁸²

Tensiunile dintre categoriile dihotomice „noi” - „ei” se intensifică pe măsură ce prejudecățile etnice subordonează conștiința de grup. Astfel, grupurile tind să creadă și să considere ca acțiunile și atitudinile altor grupuri sînt inferioare, iar comportamentul și sistemul de valori proprii sînt etalon pentru „ceilalți”. Antropologul francez A.Leroi-Gourhan consideră că „concepția pre-științifică despre om poate fi designată în chipul cel mai adecvat ca „etnicentrism...” esența (cărui) ... constă în postularea etniei ca un fel de ființă ideală, care întruchipează toate calitățile bune și frumoase, așzînd totodată în afara lumii familiare populațiile străine, care încarnează în înfățișarea și în moravurile lor, urîtenia și răutatea.”⁸³

Orientarea etnocentrică în Republica Moldova este mai mult speculată și politizată. Încurajarea acestei mentalități poate provoca o ierarhizare a valorilor cultural-etnice în societate. În opinia lui E.Fromm: „narcisismul grupal”

⁸¹ Кауненко И. Формирование позитивной этнической идентичности - основа толерантности молодежи Молдовы. // *Minoritățile naționale și relațiile inter-etnice. Tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova*. – Iași: Pan-Europa, 2002, p.83.

⁸² *Ibidem*.

⁸³ vezi: Roth A. *Prejudecata etnică și specificul național*. // *Alteră*, №7, 1998, p.77.

avantajează coeziunea și solidaritatea intra-grupală, dar constituie totodată și unul din izvoarele principale ale agresivității umane.”⁸⁴

Deși identificarea națională este un proces firesc și inevitabil al maselor, imperativele contractualiste inter-grupuri național-etnice pot fi realizate prin afirmarea unei supra-identități. Aceasta din urmă trebuie să dețină capacitatea includerii tuturor grupurilor în condițiile pluri-culturalismului. C.Taylor definește doctrina multiculturalismului o „politică a recunoașterii”, „un răspuns al nevoii de demnitate exprimate de grupuri „subalterne” care au resimțit-o ca pe o necesitate vitală.”⁸⁵

Această doctrină se regăsește în exprimarea culturii și spiritului civic, capabil să realizeze procesul de integrare a maselor. În opinia lui R.S.Schermerhorn, procesul de integrare „se produce în două feluri diferite, prin relații de putere, acolo unde legitimitatea autorității centrale reprezintă o problemă centrală, ori prin congruența culturală în care compatibilitatea valorilor împărtășite pare a fi o evidență a relațiilor cotidiene.”⁸⁶

Reușita tranziției democratice în Republica Moldova depinde de afirmarea valorilor și identității civice, care să reprezinte dinamicul adaptării la noile condiții ale mediului social-politic, capacitatea de formare a unui climat psihologic favorabil maselor, conștientizarea sistemului de valori și norme comune care să orienteze comportamentul lor. Așa cum afirma C.Kukathos: „pentru ca fiecare grup să poată avea o măsură semnificativă de integritate, el trebuie să fie într-o oarecare măsură integrat deja în structura unei societăți liberale mai largi.”⁸⁷

Acest proces necesită consolidarea și solidarizarea intereselor generale civice ale maselor, superioare celor de grup, fără o imputare a celor din urmă. Or identitatea civică reprezintă constituirea și conștientizarea indivizilor ca reprezentanți ai statului. În urma unui sondaj organizat de IPP la nouă ani de la declararea independenței, 59 la sută din totalul respondenților se simt mai degrabă cetățeni ai Moldovei, 29 la sută ai localității în care trăiesc, 6 la sută ai CSI, 4 la sută ai Europei.⁸⁸

Dintre cei care-și atribuie identitatea civică Republicii Moldova, 63 la sută sînt moldoveni, 55 la sută – ruși și tot atîtea ucraineni, 38 la sută constituind răspunsul celorlalte minorități. Sondajul de opinie realizat în 2003, în

⁸⁴ *Vezi: Georgiu Gr. Națiune. Cultură. Identitate. – București: Diogene, 1997, p.79.*

⁸⁵ *Hermet G. Istoria națiunilor și a naționalismului în Europa. – Iași: Institutul European, 1997, p.326.*

⁸⁶ *Vezi: Munteanu I. Stat național: discursul legitimității. // Arena politicii, №4 (16), Ianuarie 1998.*

⁸⁷ *Vezi: Andreescu L. Tradiția națională. – București, p.99.*

⁸⁸ *Barometrul de Opinie Publică – 2000. Chișinău: IPP, august 2000, p.31.*

scopul evaluării atitudinii civice în rândul maselor, a demonstrat o creștere a sa, deși puțin considerabilă: 20 la sută din totalul respondenților s-au dovedit a fi foarte mândri de calitatea de cetățean al Republicii Moldova, 49 la sută – mândri, 24 la sută – nu prea mândri, 5 la sută – deloc mândri.⁸⁹

Din totalul respondenților care au optat pentru răspunsul „foarte mândru”, diferența dintre moldoveni / români și ucrainenii fiind de unu la sută (primii optând în proporție de 22 la sută, ultimii de 21 la sută). Cei mai mulți care au ales varianta „mândri” de calitatea de cetățean al Republicii Moldova au fost reprezentanții minorității ruse (58 la sută), după care urmează moldovenii și ucrainenii cu 50 la sută pentru fiecare, răspunsul celorlalte minorități fiind de 40 la sută.

Identificarea și alienarea sînt cele două extreme ale spectrului conștiinței civice ale maselor. Alienarea maselor de spiritul civic este determinată în special de randamentul redus al statului de a sigura necesitățile indivizilor. Or relația dintre stat–mase în cadrul regimului democratic trebuie să fie interpretată ca o „conducere de către și pentru indivizi”. Astfel în urma sondajului sociologic realizat în 2003, 12 la sută din populația Republicii Moldova sînt predispuși să plece pentru totdeauna din țară, dacă ar avea o șansă reală, dintre care 12 la sută sînt moldoveni / români și tot atâtea ruși, 13 la sută – ucrainenii și 15 la sută – alte minorități.²² Relevanța conștiinței civice, ce vizează statul ca principala instituție de organizare a societății are loc în cazul în care masele percep statul ca valoare a experienței lor politice, manifestă sentimentul acordului intern și își conformează comportamentul cu normele statului în care se află.

Abordarea reprezentărilor identitare ale maselor în Republica Moldova evidențiază faptul că factorii istorici, social-politici, nivelul de socializare civică au o importanță deosebită în afirmarea lor. Deficiențele în plan identitar au o clară explicație a trecutului totalitar, perioadă în care s-a încercat „fabricarea” unei noi identități în jurul conceptului de „homo sovieticus”. Identitatea a fost traumatizată astfel, încît astăzi traumaticul să subordoneze logica realității. Resemnarea la consecințele istoriei cauzează obstacole procesului de metamorfoză progresivă a maselor în perioada tranziției democratice. Or schimbarea necesită o confruntare principială la toate nivelurile mentalității. Iar aceasta presupune implicarea istoriei nu ca o scuză a prezentului nostru, dar ca motivare pentru accederea spre viitor.

⁸⁹ *Barometrul de Opinie Publică – 2003. - Chișinău: IPP, aprilie 2003, p.64.*

²² *Ibidem, p.65.*

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА⁹⁰

Маргарита БУЛОВА
Республика Молдова, Кишинев,
Молдавский государственный университет,
Факультет международных отношений,
политических и административных наук
кафедра политологии,
преподаватель

Из принципов методологического исследования, имеющих для нас существенное значение, необходимо отметить подход к пространству и времени как диалектически взаимосвязанным категориям. До недавнего времени принято было считать, что категории пространства и времени рассматривались только лишь в лоне естественных наук. Хотя анализ познания общественных процессов, их истории, может считаться полным тогда, когда оно охватывает в целостности пространственно-временные отношения и свойства социально-политических структур. Соглашаясь с приведенным суждением, мы должны отметить, что понятия «пространство и время» имеет суть не только в естественных, но и в социальных науках.

Проблема пространства и времени уже давно волнует научный мир, а в особенности политическую науку. По нашему мнению данная проблема в общественных науках выступает в том же ракурсе, в каком она выступала в естествознании при переходе от классической механики к квантовой. Общественные науки своими средствами подходят к выводу о том, что в современном обществе, в отличие от традиционного, нет единого для всех социальных групп пространства-времени. Типология социальных форм пространства-времени становится важной задачей политологии, так как без сознания специфики пространства-времени различных обществ и групп в рамках одного и того же общества невозможны современная политическая аналитика и прогностика, теория принятия решений.⁹¹

Учитывая динамичность электорального процесса, было бы удивительно, если бы политическая картина мира не изменялась и не вклю-

⁹⁰ Рецензент – доктор, доцент Клавдия Завтур

⁹¹ См. Панарин А.С. *Философия политики*. – Москва, 1994, с.62.

чала бы как свой компонент эволюционные представления. В связи с этим представлением научной картины мира, современный электоральный процесс требует более четкого разграничения пространства и времени, а особенно электорального пространства - времени.

На наш взгляд, конструктивный анализ электоральных характеристик пространства и времени, на сегодняшний день немыслим без обращения к понятийному содержанию как социальных, так и политических пространственно-временных свойств и отношений.

Говоря о позиции агентов в пространстве, П.Бурдьё подчеркивает тот аспект, что социальное и физическое пространства невозможно рассматривать в «чистом виде»: только как социальное или только как физическое: «Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура». Социальное пространство, поэтому не есть некая «теоретическая оформленная пустота», в которой обозначены координаты агентов, но воплотившаяся физически социальная классификация: агенты «занимают» определенное пространство, а дистанция между их позициями – это тоже не только социальное, но и физическое пространство.⁹²

Данное обстоятельство указывает нам на то, что социальное пространство и время можно рассматривать с одной стороны как взаимодействующие формы с физическим, с другой, социальное пространство и время можно рассматривать как более или менее самостоятельные формы общественного бытия. Причем в связи с этим видением, Бурдьё говорит о социальном пространстве как «пространстве второго порядка», что оно есть не только «реализация социального деления», понимаемого как совокупность позиций, но и пространство «видения этого деления»: *vision* и *division*, а также не только занятие определенной позиции в пространстве (поле) – *position*, но и выработка определенной (политической) позиции – *prise de position*.⁹³

Из этого следует, как отмечает автор: «Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них, где *поле*, - по Бурдьё, - это специфическая система объективных связей между различными *позициями*, находящимися в альянсе или конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большей степени не зависящими от физического состояния индивидов, которые эти позиции занимают».⁹⁴

⁹² Бурдьё П. *Социология политики*. – Москва, 1993, с.15.

⁹³ там же, с.16.

⁹⁴ там же, с.18.

Таким образом, существование различных позиций, дает нам основание утверждать о существовании многообразия полей в социальном пространстве. Где, в свою очередь, социальное пространство уже вписывается в определенные пространственно-временные структуры.

Данный подход позволяет нам описать более подробно сущностные характеристики всех форм пространства и времени такие как: объективность, устойчивость, изменчивость, равно как и проявление в них таких характеристик как длительность, последовательность и протяженность. Но это, к сожалению, одна сторона проблемы, так как данные свойства носят всеобщий характер и могут быть рассмотрены только на фоне сопоставления их специфичности в качественно различных материальных структурах.

Другой вопрос о наличии сугубо специфических для социального пространства и времени свойств, которую дают точку отсчета, как политического, так и электорального пространства и времени. Так как существование этих свойств определяется тем, что социальное пространство и время выступают формами осознанного общественного бытия. Это не означает, конечно, того, что пространство и время зависят от воли и сознания человека. Пространственно-временные связи и отношения складываются объективно, но на базе той действительности, которая осуществляется людьми. Поэтому осознание содержания общественного бытия – человеческой действительности, приводит к осознанию форм этого бытия – социального пространства и времени.⁹⁵

Т.е. человеческая деятельность осуществляется не только в социальном, политическом, электоральном времени и пространстве. Необходимыми формами для нее являются физическое пространство и время, но если последние выступают лишь в качестве основы, фундамента, либо как определяет П.Бурдьё: физическое пространство по взаимным внешним сторонам, образующих его частей⁹⁶, в то время как социальное пространство и время оказывают серьезное воздействие на характер самой деятельности. Оно как бы незримо присутствует в каждом акте этой деятельности, требуя к себе внимания, заставляя учитывать себя, предвидеть возможные последствия поведения, соответствующего принимаемому в расчет фактору времени и пространства, социальное время и пространство – это не пассивные формы общественной жизни, а сво-

⁹⁵ Зборовский Г.Е. *Пространство и время как формы социального бытия.* – Свердловск, 1974, с.14.

⁹⁶ Бурдьё П. *Социология политики.* – Москва, 1993, с.35.

образные активные «регуляторы» отношений, характеризующие любые сколько-нибудь серьезные действия.⁹⁷

В связи с этим, когда речь заходит о человеке как субъекте и объекте социально-политических преобразований, марксисты показывали нам общественного человека. Как отмечает Ю.Плетников: «Носителем социальной формы движения становится не просто человек, а общественный человек, материальную организацию которого нельзя свести к организации его живого органического тела».⁹⁸

Вследствие всего вышесказанного, следует отметить, что формой и условием функционирования общественно-политического человека является не только физическое, но и социальное, политическое, электро-ральное пространство и время.

Так как социальное пространство и время не являются основополагающими категориями нашего анализа, дадим самые общие их определения.⁹⁹ Так Г.Зборовский пишет: «Социальное пространство - это форма общественного бытия, в которой локализуется деятельность человека по определенным сферам с точки зрения места их проявления».¹⁰⁰

Являясь социальной формой движения, общественные отношения составляют содержание социального пространства. В этом главное выражение специфики социального пространства, оно - определенная форма и вместе с тем необходимое условие функционирования общественных отношений. Вне социального пространства говорить о проявлении общественных отношений не имеет смысла. Последние сами формируют свое социальное пространство, определяют его основные свойства.¹⁰¹

Обращаясь к социальному времени, В.Артемов отмечает: «Социальное время – это время существования, функционирования и развития общества как совокупности социальных систем от человека до общест-

⁹⁷ Зборовский Г.Е. *Пространство и время как формы социального бытия.* – Свердловск, 1974, с.14.

⁹⁸ Плетников Ю.К. *О природе социальной формы движения.* – Москва, 1971, с.26.

⁹⁹ Более подробный анализ категорий социального пространства и времени: Ахундов М.Д. *Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы.* – Москва, 1982; Бурдые П. *Социология политики.* – Москва, 1993; Лой А.Н. *Социально-историческое содержание категорий время и пространство.* – Киев, 1978.

¹⁰⁰ Зборовский Г.Е. *Пространство и время как формы социального бытия.* – Свердловск, 1974, с.14.

¹⁰¹ там же, с.68.

венно-экономической формации и человеческого общества в целом; это – время общественного бытия людей, то есть их материальной деятельности и отношений, в которые они вступают в процессе такой деятельности. Социальное время есть единство длительности, последовательности, сосуществования, единство объема деятельности и ее результатов, выступающих в виде событий, процессов, предметов. Социальное время есть время, связанное с человеческой деятельностью».¹⁰²

Интересный подход к пониманию времени общества мы встречаем у Г. Орлова. Он выделяет четыре момента, составляющих, по его мнению, содержание социологического аспекта: хронологический, раскрывающий последовательность исторических событий; функциональный, раскрывающий роль времени в общественном развитии (главным образом свободное время); аксиологический (ценностный); структурный. Кроме того, автор предлагает рассматривать время в горизонтальной и вертикальной плоскости: вертикальный срез – хронология исторического развития, горизонтальный срез – структура времени.

Однако Г. Орлов рассматривает только горизонтальный срез времени, его структурные элементы (и прежде всего свободное время). И как отмечает автор: «Нам представляется, что не меньшее значение (особенно для понимания процессов общественного развития) имеет анализ вертикального среза времени, в котором можно выделить такие структурные элементы, как прошлое, настоящее, будущее, т. е. раскрыть содержание течения времени».¹⁰³

Исходя из сказанного, можно дать более точное определение времени общества: «Социальное время как форма существования общества, характеризует длительность событий, процессов, чередование, последовательность фаз общественного развития; процессы становления, как в материальной, так и духовной сферах социальной жизни. Время общества характеризует как деятельность отдельных людей, так и классов, народов, отдельных социально-экономических формаций».¹⁰⁴

Вступление человечества в социально-дифференцированное общество привело к выделению внутри социального пространства и времени – политического пространства и времени. Данные обстоятельства указывают нам на неразрывную связь социального пространства и времени

¹⁰² Артемов В. Социальное время. // *Общественные науки и современность*, 1988, №2, с.149.

¹⁰³ Листвина Н.И. К постановке проблемы социального времени. *Методологические вопросы науки*. Выпуск 2. – Саратов, 1974, с.113.

¹⁰⁴ Листвина Н.И. *Время и общественное развитие*. // *Принцип развития*. – Саратов, 1972, с.113.

с деятельностью человека, которое в свою очередь приводит нас к утверждению, что человеческая деятельность может быть включена как в рамках политического, так и электорального пространства и времени.

И действительно, пределы воздействия субъекта политики на людей всегда связаны с определенной территорией, на которую распространяется власть. Она может быть большой или малой, соседствовать с другими государствами, перемещаться относительно их и даже включать в себя или самой быть включенной в некоторые из них то ли путем соглашения, то ли захвата. Все это означает, что политические отношения существуют в конкретном, постоянно совершенствующемся пространстве. Именно пространственная протяженность политических отношений и политических процессов предполагает в свою очередь территориальное и физическое измерение.

В этом контексте Энциклопедический словарь трактует политическое пространство с точки зрения системного подхода к пониманию поливариантности политического пространства: «Определение политического пространства, его границ и расположения позволяет создавать более полное и динамичное представление о реальной, а не нормативной политической системе страны. В ней каждое политическое пространство будет взаимодействовать не только с функциональными пространствами иной природы, но и с различными другими политическими пространствами»¹⁰⁵. Насыщенность политических пространств (пространство власти, конфликтов и др.), в свою очередь, подразумевает динамику и исход политического процесса.

Сами пространственные отношения не происходят как единовременный акт, а всегда разделены временными промежутками, отражающими последовательность развития политических процессов, дифференцированных по стадиям, каждая из которых обладает своей длительностью. Тем самым политические отношения существуют не только в пространстве, но и во времени. Именно политическое время является фундаментом протекания политических процессов, это время измерения конкуренции политической деятельности лидера в границах политического пространства. Согласно энциклопедическому словарю: «Время – важнейший ресурс политики и власти. Погоня за этим ресурсом („выигрыш времени“) составляет одну из главных целей политики. В политической борьбе это задача „опередить“ действия противника, „упредить“ события».¹⁰⁶

¹⁰⁵ Политология. Энциклопедический словарь. – Москва, 1993, с.301.

¹⁰⁶ там же, с.299.

Таким образом, пространство и время выступают сущностными формами политического бытия, ибо не один материальный (значит – и социальный) объект не может проявлять себя только во времени и не быть в пространстве или находиться в пространстве и не быть во времени.¹⁰⁷

Существенный интерес к осмыслению политического пространства и времени представляет концепция С.Андреева. Он утверждает, что политическое время характеризует длительность существования политических отношений, характеризует последовательность утверждения одного типа после другого. Таким образом, утверждает автор, что политическое время указывает на степень и ступень политического развития, и политическую зрелость субъекта и объекта политики. Основными атрибутами политического времени автор указывает на длительность и последовательность. Проявляясь как длительность, время выражает устойчивость политических отношений, как последовательность – направление изменчивости через связь моментов длительности. Без развития (изменчивости) политические отношения были бы вне длительности и вообще вне времени.¹⁰⁸

Исходя из особенностей своей структуры, утверждает С.Андреев: «Политическое время – это не просто длительность и последовательность процессов, ею вызванных, а длительность, отведенная Историей (временной отрезок) тем или иным политическим отношениям для обеспечения социального прогресса».¹⁰⁹ В этой связи структура политического времени, как отмечалась выше, является главным механизмом поступательного развития прогресса, акторов политического процесса на определенном временном отрезке.

В то же время С.Семенов считает, что: «Политическое время неразрывно связано с политической жизнью. Политическая жизнь – это продукт сложно организованного, гражданского общества. Оно предполагает разделение общества на разные социальные группы. Потребность в согласовании противоречивых интересов граждан рождает политическую жизнь, политическое пространство и время».¹¹⁰

Данное суждение дает нам определение политическому времени как атрибуту согласованного группового политического действия. Поэ-

¹⁰⁷ Андреев С.С. *Политическое время и политическое пространство*. // *Социально-политический журнал*, 1993, №3, с.27.

¹⁰⁸ там же, с.28.

¹⁰⁹ там же, с.31.

¹¹⁰ Семенов С. *Хронополитические аспекты кризисов культуры*. // *Общественные науки и современность*, 1993, №4, с.153.

тому оно не только событийно, но и проективно, не столько устремлено в прошлое, сколько сосредоточено на настоящем и обращено в будущее. Оно относится к измерению количественных характеристик политической деятельности в прошлом, настоящем и будущем.¹¹¹

Это определение доказывает правоту С.Андреева, который пишет: «Последовательно сменяющие друг друга ведущие силы общества, достигающих поставленных целей. Определяют тенденцию социального развития. Однако смена политического времени не происходит одновременно у всех стран и народов. Политическая жизнь человечества всегда отличалась единством многообразия. Время, давно исчерпавшее себя в передовых странах, может только утверждаться в отсталых. Но для них именно оно обеспечивает социальный прогресс».¹¹²

Данное обстоятельство заставляет нас признать однонаправленность и необратимость, как политического, так и электорального времени в политической жизни социально дифференцированного общества. Конечно же, мы можем, как утверждает С.Семенов, обратить вспять или представить в виде разнонаправленного лишь перцептуальное время в мысленной модели, проиграть задним числом возможные варианты совершившегося политического события, перебрать вероятные политические ситуации настоящего и ближайшего будущего. Общепризнанная слабость политического моделирования, особенно в том, что касается общих и специальных моделей политического поведения и вероятностных политических ситуаций, дает еще один аргумент в подкрепление этой мысли.¹¹³

Соглашаясь с приведенными суждениями, мы должны отметить, что в политической действительности как бы ни протекало политическое и вместе с тем электоральное время, образовываясь в содержание политической действительности, время вместе с тем становится политическим пространством, которое в свою очередь на определенном электоральном промежутке времени, становится электоральным пространством.

Политическое пространство, как утверждает С.Андреев, это протяженность и глубина освоенных пределов политической деятельности. Обнаружение общих свойств политического пространства позволяет видеть единство и неразрывность пространства и политической деятельно-

¹¹¹ там же, с.154.

¹¹² Андреев С.С. *Политическое время и политическое пространство*. // *Социально-политический журнал*, 1993, №3, с.31.

¹¹³ См. Семенов С. *Хронополитические аспекты кризисов культуры*. // *Общественные науки и современность*, 1993, №4, с.154.

сти. Специфика политических пространств, является формой и порядком взаимопроникновения и координации деятельности включенных в эти политические пространства субъектов и объектов политики.¹¹⁴

Нужно отметить, на сегодняшний день, термин политическое, как и электоральное пространство избегается научными теоретиками. Но политическое пространство, как и электоральное – это есть самые широкие понятия и содержания, где взаимодействуют субъекты и объекты политики на определенном отрезке времени.

Данное обстоятельство указывает нам на то, что политическое пространство не сводится к пространству географическому. Ведь не освоенное человеком географическое пространство вообще не является пространством социальным, а значит и политическим. Но и вне географического невозможно никакое политичное, ибо оно разворачивается обязательно на определенной территории, на которой взаимодействуют классы и социальные группы. Тем самым географическое пространство выступает внешним проявлением политического, его «поверхностью». Именно на ней разворачивается внутренняя форма политического бытия.

Политическое пространство объективно очерчивает те границы, в которых социальные возможности превращаются в действительность и люди осуществляют выбор наиболее актуальных из них (чем больше выбор и его возможность, тем демократичнее общество). Обладая своей «поверхностью», политическое пространство обретает протяженность – распространение по территории. Но поскольку эта протяженность есть выражение устойчивого сосуществования элементов политического целого, она не сводится к протяженности по площади, а получает глубинное измерение, благодаря политическому общению на ней, связанному с деятельностью субъекта и объекта политики.¹¹⁵

Как мы отметили выше, политические отношения являются основным проявлением и содержанием политического пространства и в силу электоральной динамики, проявлением электорального пространства. Так как данные политические отношения несут в себе проявление взаимодействия всех социальных групп, которые придают глубину, как политическому пространству, так и электоральному пространству в электоральной ритмике политической действительности.

Учитывая, что политическое пространство несет в себе весь круг интересов и общения классов и социальных групп, оно выступает не только формой, но и необходимым условием функционирования поли-

¹¹⁴ Андреев С.С. *Политическое время и политическое пространство*. // *Социально-политический журнал*, 1993, №3, с.34.

¹¹⁵ там же, с.34.

тических отношений. Отсюда и основная его функция – быть формой устойчивости политических структур и отношений.¹¹⁶

Таким образом, электоральное пространство и время есть концепты, которые так или иначе представляют собой основополагающими элементами политического пространства и времени. То есть описание, как субъекта, так и объекта в терминах электорального пространства и времени подразумевает форму и содержание данного объекта в системе координат, в определенном электоральном цикле.

Весьма важная проблема состоит из теоретического описания электорального пространства и времени. На сегодняшний день данные словосочетания используются для интерпретации политических реалий. Но, однако, есть все основания расценивать данные термины в качестве понятийной конструкции, обладающими всеми необходимыми признаками концептуального отображения какого-то фрагмента политической жизни, политических изменений (выборам – в смысле удовлетворения «победителей» «проигравших», сменам правительств т.д.).

Как отмечает А.Соловьев по поводу электорального пространства: «Немаловажно, что использование данного понятия полностью соответствует структуралистской традиции сопряжения в аналитических моделях элементов социальности и физико-географической протяженности действительности. В самом общем виде специфика этого понятия состоит в отображении определенного и качественно специфицированного состояния (фрагмента) политического процесса, характеризующего локализованные в пространстве состязательные взаимоотношения элитарных и неэлитарных групп в период легального формирования органов власти».¹¹⁷ В этой связи автор дает определение электоральному пространству, которое раскрывает особенности функционально взаимосвязанных интеракций элиты и электората с учетом их топологической протяженности, пространственно-временной локализации и складывающегося в формате реального времени позиционирования.¹¹⁸

Е.Мелешкина считает, что для определения понятия «электоральное пространство» полезно рассмотреть соревнование за голоса избирателей как концентрированное выражение *политического рынка* (по природе своей цикличного, дискретного, с ограниченной свободой конку-

¹¹⁶ Андреев С.С. *Политическое время и политическое пространство*. // *Социально-политический журнал*, 1993, №3, с.35.

¹¹⁷ Соловьев А.И. *Концепт и коммуникативный метод*. // *Политические исследования*, 2000, №2, с.84.

¹¹⁸ там же, с.84.

ренции).¹¹⁹ Именно выборы на сегодняшний день представляют собой *политический рынок* с отработанными правилами игры, но в то же время с различными статусными и функциональными ролями его основных участников. „Продавцы” и „покупатели” как бы временно меняются своими ролями, что придает разнонаправленность электоральному времени. Электорат – „продавцы” располагают на политическом рынке избирательными голосами, а лидеры принимают форму „покупателей”, которые являются соискателями этих голосов.

Функционирование данного рынка, помимо прочего, проявляется в том, что в процессе соревнования происходит своеобразная встреча предложения (в виде набора политических диспозиций и идентичностей) и спроса (в виде политических установок и предпочтений). В этой ситуации можно представить, что лидирующие партии, либо кандидаты ориентируются на спрос и претендуют на некие позиции в электоральном пространстве. В ходе предвыборного состязания, как утверждает Е.Мелешкина, и особенно голосования происходит «тестирование» носителями спроса (избирателями) успешности указанных претензий акторов (т.е. идет процесс легитимации политической позиции).¹²⁰

В данной связи является убедительной для нас концепция „полей” Бурдые, который рассматривает поле политики как рынок, в котором существует производство, спрос и предложение продукта особого сорта – политических партий, программ, мнений, позиций. И применяя общую концепцию строения и функционирования социального поля, П.Бурдые последовательно рассматривает специфические принципы распределения в поле политики доминирующих и доминируемых позиций, власти, а также механизмов легитимного насилия и навязывания определенного видения распределения политических сил и – более широко – деления социального пространства.

Таким образом, специфика понятия электорального пространства состоит в определенном фрагменте политического процесса, характеризующего локализованные в электоральном пространстве состязательные взаимоотношения элиты и неэлитарных групп в период легального формирования органов власти. В результате, на базе соответствующей теоретической модели проявляется возможность анализа рассредоточения в электоральном пространстве властных ресурсов, выявления характера измерения и интенсивности взаимоотношений акторов на политическом поле. В то же время анализ электорального пространства демонстрирует

¹¹⁹ Мелешкина Е.Ю. *Факторы структурирования*. // *Политические исследования*, 2000, №2, с.89-90.

¹²⁰ там же, с.90.

нам разнонаправленности и столкновения различных интересов и действий, исходящих из стратегий политических акторов в тех или иных точках политического пространства в целом.

Таким образом, данная понятийная конструкция дает возможность отобразить специфическое содержание пространственно-ограниченных во времени электоральных процессов, где качественно и количественно преобразуется содержание ролей политических акторов, где видоизменяются нормы и стандарты поведения различных этнических групп, где обновляется электоральная ритмика функционирования политической власти.¹²¹

Итак, электоральное пространство в целом можно представить как место встречи спроса и предложения на политическом рынке, а его структуру – как упорядоченную совокупность политических позиций и идентичностей акторов электорального соревнования.¹²² Вместе с тем структура электорального пространства позволяет нам выявить специфические закономерности, проявляющихся на выборах.

Непосредственно электоральное пространство мы связываем как с *электоральными процессами*, которые в свою очередь непосредственно включают такие основополагающие категории электоральной динамики как *метафоры пространства*, которая указывает нам на процесс развертывания электорального пространства; *метафора политического рынка*, которая указывает нам на противопоставления *спроса и предложения*; *метафора соревнования*, где появляются непосредственно игроки или политические акторы электоральной динамики; *метафорика политической и вместе с тем электоральной игры*, которая дает возможность интегрально показать электоральные процессы как своего рода драму, театральное представление.¹²³

Концептуализация и анализ данных метафор позволяет нам глубже представить целостную картину выборов и непосредственно связанных вместе с ними электоральных процессов в электоральном пространственно-временном континууме.

Где в свою очередь, следует из концепции М.Ильина: «*Электоральные процессы* – эта та политическая действительность, которая связана с выборами и обретает смысл благодаря им (политическая кон-

¹²¹ Булова М. Анализ количественного описания трансформации электорального пространства Молдовы в электоральном цикле 1998-2001. // *Republica Moldova la începutul mileniului III: realități și perspective*. – Chișinău, 2001, p.44

¹²² Мелешикина Е.Ю. Факторы структурирования. // *Политические исследования*, 2000, №2, с.90.

¹²³ Ильин М.В. Моделирование. // *Политические исследования*, 2000, №2, с.88.

куренция, её институты и нормы, избирательные кампании, отражение результатов выборов в политическом процессе)».¹²⁴

Нужно отметить, на наш взгляд, что характер динамики и концептуализации политических выборов и электоральных процессов, зависит не только функционирование, но и понимание электорального пространственно-временного континуума. Конечно, очень важно не обойти стороной тот факт, если мы говорим о пространстве, непосредственно мы затрагиваем пространственное измерение политики.

В научной литературе - это представляется как геополитика, но в силу того, что мы не изучаем территориальное расположение государств, а непосредственно глубинное развитие взаимосвязанных элементов на территории определенного государства. Но когда мы говорим о структуре электорального пространства мы имеем в виду *электоральный ландшафт* как важной составной части пространственной организации общества и об электоральном поведении как одном из главных инструментов изучения этой пространственной организации.

Сам термин «электоральный ландшафт», подобно «политическому», допускает двойное толкование. Первое – привязанное к определенной территории, как один из видов социально-культурного ландшафта, и когда слово «ландшафт» используется в значении «расклад», «структура». Более строго, как выражается Н.Петров: «*Электоральный ландшафт можно определить как целостную, устойчивую во времени и в пространстве систему закономерно взаимосвязанных элементов (типов) электорального поведения*»¹²⁵.

Изучение электорального ландшафта позволит нам говорить о важных составляющих элементов электорального поведения (участие в голосовании, позиционирование избирателей на электоральном пространстве, доля эффективного участия, количественная и качественная конкурентность электоральный абсентеизм, характер политических симпатий), как одном из главных инструментов изучения пространственной организации. Все эти параметры электорального поведения в комплексе и являются цельностью изучения электорального ландшафта.

Говоря об электоральном времени, конечно же, мы имеем в виду хронополитику как науку о временном измерении политической деятельности и свойствах политического времени как составной части ис-

¹²⁴ там же, с.87.

¹²⁵ Петров Н., Титков А. Электоральный ландшафт. // Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов. – Москва: Московский центр Карнеги, 2000, с.48.

торического развития.¹²⁶ Но так как политическое время дало основание для электорального времени, то мы можем дать определение электоральному времени как единство, соприкосновение и взаимодействие политических акторов и электората в определенных местах и в известные электоральные временные отрезки.

Учет динамики необходим при определении системы координат электорального пространства.¹²⁷

На сегодняшний день, без введения учета динамической переменной, без учета вариантных векторов динамики электорального пространства нельзя сконструировать его работающие модели. Анализ учета на определенном промежутке электорального времени соприкосновения позиций и деятельности, политических акторов с установками и потребностями электората, призвано, на наш взгляд, объяснить и в какой-то мере прогнозировать результат электорального процесса. В этой связи важной характеристикой самого электорального процесса является динамика политического рынка.

Наиболее значимой в данном контексте является изучение ритмической организации временного потока, в частности, циклов разной периодичности, длинных и коротких волн темпорального движения. Разрешение проблемы ритмичной организации политического рынка неизбежно требует рассмотрения на протяжении всего длительного электорального процесса как и почему происходит чередование циклов и стадий развития политической деятельности. В свою очередь многомерность политики позволяет изучение ритмов электорального времени.

И основополагающей особенностью и специфичностью электорального времени является электоральная ритмика, которая и составляет как характеристику, так и структуру движения электорального времени. В данном контексте можно определить термин *электорального ритма* - как специфический тип пространственно-временной структуры электората. Электоральный ритм имеет непосредственное отношение к реальному электоральному времени как длительности, который в свою очередь связан с чередованием электоральных циклов, фаз различной продолжительности существования.

Вместе с тем, становится ясно, что без учета структуры и динамики электорального пространственно-временного континуума невозможен анализ позиций, задаваемый структурой и динамикой политической

¹²⁶ Семёнов С. *Хронополитические аспекты кризисов культуры*. // *Общественные науки и современность*, 1993, №4, с.146.

¹²⁷ Новинская М.И. *Реплика о структуре*. // *Политические исследования*, 2000, №2, с.92.

системы в целом. Данный континуум позволяет обнаружить факторы, электоральные константы, структурирующие пространство электоральной конкуренции на протяжении целой серии циклов выборов.

Подобные модели геохронополитических исследований способствуют достижению качественно нового уровня политической практики, в поиске и использовании современных способов и ресурсов в целом, политического развития, в частности, электорального процесса. Данное новое геохронополитическое научное направление является практическим основанием выявления возможных элементарных структур электорального пространства, а также способов их использования в данное электоральное время.

ORGANIZAȚIILE INTERNAȚIONALE ȘI PROTECȚIA DREPTURILOR MINORITĂȚILOR NAȚIONALE DIN REPUBLICA MOLDOVA¹²⁸

*Alina MOROZAN
Republica Moldova, Chișinău
Universitatea de Stat din Moldova,
Facultatea relații internaționale,
științe politice și administrative
Catedra Politologie
lector*

Concepția statului național, compus dintr-o singură națiune, este departe de realitatea multiformă din punct de vedere etnic, mai ales atunci, când avem o multitudine de diferite naționalități și minorități naționale. În lumea contemporană se numără aproximativ trei mii de popoare – națiuni deja formate și comunități de oameni unde procesul de formare a națiunii încă continuă. Numărul tuturor grupurilor etnice, atinge cifra de zece mii, pe când numărul statelor recunoscute la momentul dat este aproximativ de două sute.

Deci, marea majoritate a popoarelor nu dispun de statalitate și intră în componența altor state, iar ele fiind numeric mai puține decât națiunea majoritară fac parte din categoria minorităților naționale ale statului dat. În comunitatea statelor naționale, după cum am mai menționat, grupurile minoritare sunt lipsite de propria statalitate, sunt vulnerabile, iar interesele și drepturile

¹²⁸ *Recenzent – doctor în științe politice Cezar Minăscuță*

lor de cele mai dese ori sunt lezate, astfel minoritățile naționale sunt nevoite să se opună asimilării și tind spre crearea și dezvoltarea propriei națiuni.

Această stare de lucruri a determinat comunitatea internațională, în conformitate cu principiile de dezvoltare democratică de respectare a drepturilor fundamentale ale omului, de a întreprinde careva pași spre îmbunătățirea situației minorităților naționale. Începând cu anul 1948, în sfera dreptului internațional a fost elaborat un sistem ramificat de acorduri și delegații de protejare a drepturilor omului, sub egida ONU, a Uniunii Europene și a altor organisme internaționale.

A fost abordat în prim plan necesitatea lucrului continuu în domeniile drepturilor omului și în special în domeniul minorităților naționale. În fața acestor tendințe și evoluții, și ținând seama de caracterul obiectiv al fenomenului minoritar, la începutul noului mileniu, se pun întrebări și se caută soluții. Statele trebuie să-și asume responsabilitatea pentru respectarea drepturilor cetățenilor săi, deaceea apare întrebarea dacă este posibil de a îmbunătăți situația minorităților naționale și de a le da posibilitatea nu numai de a supraviețui, dar și de a se dezvolta. Este necesară elaborarea și promovarea unei politici constructive și tolerante față de minoritățile naționale, care va constitui un element substanțial în asigurarea democrației. Protecția drepturilor minorităților naționale este parte componentă a protecției internaționale a drepturilor omului.

Constituția Republicii Moldova, în articolul 4, declară, că Dispozițiile constituționale privind drepturile și libertățile omului se interpretează și se aplică în concordanță cu Declarația Universală a Drepturilor Omului, cu pactele și cu celelalte tratate la care Republica Moldova este parte.¹²⁹

Republica Moldova a aderat până în prezent la mai multe documente internaționale, care se referă în majoritate la drepturile omului în cadrul ONU, Consiliului Europei, OSCE, etc. Actele normative europene și internaționale, care se atribuie direct la protecția drepturilor minorităților naționale și la care Republica Moldova este parte, sunt următoarele:

- Declarația Universală a Drepturilor Omului, adoptată la 10 decembrie 1948.
- Pactul Internațional cu privire la drepturile economice, sociale și culturale, adoptat la 16 decembrie 1966 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărârea Parlamentului nr.217-X-II, din 28 iulie 1990. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.
- Pactul Internațional cu privire la drepturile civile și politice, adoptat la 16 decembrie 1966 la New York. La care Republica Moldova este parte prin

¹²⁹ *Constituția Republicii Moldova. – Chisinau: Moldpres, 1994.*

hotărîrea Parlamentului nr.217-X-II din 28 iulie 1990. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.

- Convenția Internațională privind eliminarea tuturor formelor de discriminare rasială, adoptată la 21 decembrie 1965 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.707-X-II din 10 septembrie 1991. În vigoare pentru Republica Moldova din 25 februarie 1993.

- Convenția asupra imprescriptibilității crimelor de război și a crimelor contra umanității, adoptată la 26 noiembrie 1968 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.707-X-II din 10 septembrie 1991. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.

- Convenția pentru prevenirea și reprimarea crimei de genocid, adoptată la 9 decembrie 1948 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.707-X-II din 10 septembrie 1991. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.

- Convenția europeană pentru protecția drepturilor omului și libertăților fundamentale, deschisă pentru semnare la 4 noiembrie 1950 la Roma, cu protocoale adiționale nr.1-8. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.1298-XIII din 24 iulie 1997. În vigoare pentru Republica Moldova din 12 septembrie 1997.

- Protocolul nr.II adițional la Convenția europeană pentru protecția drepturilor omului și libertăților fundamentale, deschisă pentru semnare la 11 martie 1994. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.1298-XII din 24 septembrie 1997. (nu este intrat în vigoare).

- Convenția Cadru pentru protecția minorităților naționale, ratificată de Republica Moldova la 22 octombrie 1996.

În afară de cele nominalizate mai sus putem menționa și Actul final al Conferinței pentru Securitate și Cooperare în Europa, Documentele finale ale reuniunilor de la Madrid și Viena pentru securitate și cooperare în Europa, Documentul reuniunii de la Copenhaga a Conferinței pentru dimensiunea umană a OSCE, Carta de la Paris pentru o nouă Europă.

Drepturile persoanelor care fac parte din minoritățile naționale încep cu dreptul la existență, egalitatea în drepturi și nediscriminarea. Dreptul persoanelor la existență este unul din principalele obiective ale ansamblului drepturilor și libertăților omului, sub forma drepturilor la viață, la libertate și securitate personală, ca și a drepturilor economice, sociale și culturale, a căror exercitare cât mai deplină este în măsură să dea un sens existenței umane.

Problematika protecției grupurilor și a membrilor acestora împotriva distrugerii fizice și-a găsit expresia cea mai notabilă în Convenția din 1948 privind prevenirea și pedepsirea crimei de genocid și ulterior într-o serie de do-

cumente privind dreptul umanitar.¹³⁰ După cum s-a văzut mai sus Republica Moldova a aderat la Convenția pentru prevenirea și reprimarea crimei de genocid. Acest document nu prevede în mod direct dreptul grupurilor naționale, etnice, rasiale sau religioase la existență; el incriminează actele care vizează distrugerea acestor grupuri. El se bazează pe faptul, că aceste grupuri au dreptul la existență, că actele care încalcă un drept fundamental al omului sunt pedepsite drept crime.

Pentru asigurarea drepturilor omului un element esențial îl prezintă principiul nediscriminării. Declarația Universală a Drepturilor Omului din 1948, la care după cum s-a mai menționat, Republica Moldova este parte, se postulează în art.1 că „Toți oamenii se nasc liberi și egali în demnitate și în drepturi”, prevede în art.2 că „Orice persoană este îndreptățită la toate drepturile și libertățile prevăzute în prezenta Declarație, fără nici o deosebire, în special de rasă, culoare, sex, limbă, religie, opinie politică sau altă opinie, origine națională sau socială, avere, naștere sau alt statut”.¹³¹

Pactul Internațional cu privire la drepturile civile și politice prevede că „Toate persoanele sunt egale în fața legii și sunt îndreptățite fără nici o discriminare la protecția egală a legii. În această privință legea trebuie să interzică orice discriminare și să garanteze împotriva discriminării pe orice bază, în special de rasă, culoare, sex, limbă, religie, opinie politică sau altă opinie, origine națională sau socială, avere sau alt statut”.¹³²

Prevederi similare au fost incluse în Pactul internațional privind drepturile economice, sociale și culturale, în Convenția europeană pentru protecția drepturilor omului și libertăților fundamentale, adoptată la Roma în anul 1950. Aceste documente urmăresc eliminarea și interzicerea discriminării. Nediscriminarea și egalitatea care rezultă din ea, conțin principiile de bază ale respectării drepturilor omului, acceptate de toate statele democratice.

De normele privind nediscriminarea beneficiază nu numai persoanele care fac parte din minorități. Formularea domeniilor a vieții sociale în care este interzisă discriminarea, se deosebesc de la o legislație la alta, însă dacă am totaliza tot ce se menționează în aceste documente (rasa, culoarea, limba, religia, originea națională și socială, etc.) vom observa, că ele includ în sine toate problemele minorităților naționale.

Statele contemporane respectă principiul nediscriminării, ceea ce a permis membrilor minorităților să se situeze pe poziții egale cu reprezentanții altor națiuni în cadrul unui stat. Datorită respectării principiului nediscriminării

¹³⁰ Diaconu I. *Minoritățile. Statut. Perspective.* – București: Institutul Român pentru drepturile omului, 1996, p.63

¹³¹ *ibidem*, p.91

¹³² *ibidem*, p.92

rii pot fi preîntîmpinate orice acțiuni, orientate spre lezarea drepturilor unor grupuri sau persoane și de a se opune oricăror încercări de acest gen.

În strînsă legătură cu dreptul la existență și protecția minorităților se pune problema recunoașterii oficiale de către state, inclusiv de către Republica Moldova, a minorităților ce trăiesc pe teritoriul ei. Este evident că refuzul de a recunoaște existența uneia sau alteia din minorități poate însemna negarea aplicării ansamblului normelor privind drepturile persoanelor care fac parte din minoritățile respective.

Cea mai bună cale pentru protecția identității minorităților naționale este respectarea *drepturilor specifice* ale lor și anume: dreptul la cultura proprie; dreptul de a folosi limba maternă; dreptul de a practica și profesa religia proprie; dreptul la participarea persoanelor care fac parte din minorități la viața publică. Drepturile specifice ale minorităților sunt orientate spre păstrarea demnității, specificului, deosebirilor și tradițiilor lor, și pot garanta minorităților direct respectarea drepturilor sau obliga statele să ia măsuri speciale pentru asigurarea realizării acestor drepturi.¹³³

Declarația Universală a Drepturilor Omului și Pactul internațional privind drepturile economice, sociale și culturale prevăd dreptul fiecărei persoane „de a lua parte la viața culturală”. Pactul adaugă obligația statelor părți „de a lua măsurile necesare pentru păstrarea, dezvoltarea și difuzarea științei și culturii”.¹³⁴

Aici, este vorba despre cultura, în sensul larg al noțiunii, respectarea valorilor culturale, istorice, religioase, legate de existența unei persoane și de modul de viață în comun cu alte persoane, care formează identitatea ei personală. Din documentele internaționale putem desprinde următoarele categorii de drepturi culturale: dreptul la creativitate culturală; dreptul de acces la cultură; dreptul de participare la viața culturală; dreptul de a participa la progresul științific; dreptul la informație; dreptul la educație. Identitatea culturală a minorităților naționale va fi protejată prin respectarea și promovarea drepturilor culturale ale persoanelor care fac parte din componența grupului minoritar.

Realitățile arată că numeroase populații, din toate statele, rămîn atașate limbii lor, diferită de cea a majorității sau de alte limbi. Prezicerea unor specialiști, acum cîteva decenii, că se va ajunge la stabilirea unei limbi universale, cea mai bine adaptată unei colaborări armonioase cu ordinatorile, care s-

¹³³ Альфредсон Г. Права меньшинств: равенство и недискриминация. // Ленинградская конференция по правам меньшинств (2-4 июня 1991). – Ленинград, 1991, с.17

¹³⁴ Diaconu I. *Minoritatile. Statut. Perspective.* – Bucuresti: Institutul Roman pentru drepturile omului, 1996, p.107

ar impune ansamblului umanității, s-a dovedit o utopie. Limbile materne continuă să aibă o funcție socială, persoanele și grupurile se recunosc în ele, regăsesc în ele mijloacele de creație și de exprimare.¹³⁵ Documentele recente la care ne-am referit conțin prevederi detaliate, prevăzând dreptul minorităților de a studia, de a se instrui și de a folosi în mod liber limba lor maternă, în particular și în public.

Într-o formulare mai puțin directă, Convenția-cadru adoptată de Consiliul Europei prevede angajamentul statelor părți de a promova condițiile necesare pentru ca persoanele care fac parte din minorități să păstreze elementele esențiale ale identității lor, între care și limba lor maternă. În alte articole ale Convenției, statele părți se angajează să încurajeze spiritul de toleranță și dialogul intercultural și să ia măsuri pentru a promova respectul, înțelegerea și cooperarea între toate persoanele de pe teritoriul lor, indiferent de identitatea lingvistică a acestor persoane; de asemenea, ele se angajează să protejeze persoanele care pot face obiectul actelor de discriminare, ostilitate sau violență, ca rezultat al identității lor lingvistice.¹³⁶

Din examinarea documentelor și a practicii internaționale, rezultă că putem desprinde, în contextul identității lingvistice, o serie de drepturi și libertăți ale persoanelor care fac parte din minorități și obligații ale statelor, care în esență privesc:

- păstrarea și dezvoltarea limbii materne, ca element esențial al identității lor;
- folosirea liberă a limbii minoritare, în particular și în public, oral și în scris;
- folosirea numelui și prenumelui în limba minoritară și recunoașterea lor ca atare;
- studierea limbii materne și primirea unei educații în limba minoritară;
- afișarea denumirilor geografice și topografice în limba minoritară;
- libertatea de expresie, difuzarea de informație și accesul la informație în limba maternă;
- folosirea limbii minoritare în relațiile cu autoritățile administrative;
- promovarea cunoașterii limbii minorităților, alături de cea a majorității, formarea educatorilor și accesul la manuale;
- contactele cu persoanele situate în alte țări, care au în comun limba, originea etnică ori moștenirea culturală.¹³⁷

¹³⁵ *ibidem*, p.113

¹³⁶ Diaconu I. *Minoritățile. Identitate. Egalitate.* – București: Institutul Roman pentru drepturile omului, 1998, p.70

¹³⁷ *ibidem*, p.84

Aceste prevederi ale documentelor internaționale, presupun un nivel înalt de obligativitate, având intenția de a menține respectarea drepturilor persoanelor care fac parte din grupurile minoritare și a angajamentelor asumate de state. Deasemenea una din obligațiunile principale ale statelor este nediscriminarea persoanelor pe motivul religiei sau convingerii și să contribuie la menținerea și dezvoltarea religiei, inclusiv să permită practicarea și profesarea ei.

Persoanelor care fac parte din minoritățile naționale ale unui stat le-ar fi greu să-și mențină identitatea națională, lingvistică, culturală, fără participarea la viața publică. Acest drept decurge din principiile egalității în drepturi și nediscriminării și este legat de exercitarea drepturilor la cultura proprie, la folosirea limbii materne.

Activitatea internațională privind crearea cadrului politico-normativ al protecției minorităților etnice, începută încă în deceniile trecute, capătă astăzi un caracter sistematic, se amplifică și se aprofundează, este orientată spre noi obiective și noi parametri. Această activitate este parte organică a procesului democratizării societății contemporane, ea se desfășoară în corespundere cu necesitatea elaborării și afirmării unui sistem de principii și valori general umane, adecvate noului context istoric. În condițiile actualei realități este esențial de a favoriza tendințele obiective spre integrarea regională și globală, însă nu prin ignorarea statelor naționale, etniilor și minorităților naționale, ci dimpotrivă – prin luarea în cont a valorilor și intereselor lor specifice care le determină identitatea și existența de-a lungul timpurilor, contribuind la dezvoltarea generală și la menținerea diversității culturale a omenirii.¹³⁸

Republica Moldova este predispusă să contribuie la dezvoltarea principiilor democratice, respectarea și garantarea drepturilor persoanelor ce fac parte din minoritățile. O dovadă elocventă a acestui fapt este semnarea de către Parlamentul Republicii Moldova, la 22 octombrie 1996 a Convenției-cadru pentru protecția minorităților naționale. Scopul principal al Convenției este asigurarea „în statele membre și celelalte state care pot deveni părți la prezentul instrument, protecția efectivă a minorităților naționale și a drepturilor persoanelor aparținând acestora, cu respectarea regulilor statului de drept, a integrității teritoriale și a suveranității naționale”¹³⁹, acest fapt este stipulat în

¹³⁸ Rosca A. *Aplicarea Convenției-cadru în procesul de ajustare a legislației naționale la normele internaționale. // Convenția-cadru pentru protecția minoritatilor naționale: mecanismul de implementare. Din materialele seminarului internațional, Chișinău, Comrat, Balți, 9-11 noiembrie 1999. – Chișinău, 2000, p.53*

¹³⁹ *Convenția-cadru pentru protecția minoritatilor naționale. // Convenția-cadru pentru protecția minoritatilor naționale: mecanismul de implementare. Din materialele*

conținutul Convenției, spre exemplu Titlul II, art.4 specifică, că „Părțile se angajează să garanteze fiecărei persoane aparținând unei minorități naționale dreptul la egalitate în fața legii și la egala protecție a legii. În această privință, orice discriminare bazată pe apartenență la minoritate națională este interzisă”.

În titlul Convenției sunt două cuvinte-cheie: convenția, care înseamnă că aceasta conform dreptului internațional este un instrument juridic cu obligațiuni, iar cuvântul cadru înseamnă că dispozițiile Convenției în sistemul juridic din statele-participante acționează indirect, ele trebuie să fie îndeplinite prin intermediul legislației naționale și a politicii corespunzătoare a guvernelor.¹⁴⁰ Prevederile de bază ale Convenției-cadru concretizează legislația națională, care la rândul său, prin Constituție recunoaște supremația și prioritatea reglementărilor internaționale.

Republica Moldova a căpătat o experiență proprie în domeniul politicii multiculturale, asigurării drepturilor și obligațiilor minorităților naționale, care alcătuiesc 35,5% din populația republicii. Majoritatea articolelor Convenției, la momentul intrării în vigoare a acesteia, erau deja aplicate în practică, minorităților naționale garantându-se toate drepturile stipulate în Convenție.

Reeșind din dezideratele Convenției de a încheia multiple acorduri bilaterale și multilaterale cu alte state, în scopul protecției minorităților naționale Republica Moldova a încheiat numeroase tratate bilaterale cu statele vecine. În acest context Republica Moldova a încheiat cu Ucraina 13 tratate bilaterale. Dintre acestea se evidențiază Tratatul de bună vecinătate, prietenie și colaborare între Republica Moldova și Ucraina, ratificat prin Hotărîrea Parlamentului din 3 decembrie 1996. Conform acestui tratat, părțile garantează drepturile persoanelor care aparțin minorităților naționale în deplină corespundere cu normele consfințite în documentele ONU și CSCE. Părțile asigură, drepturile persoanelor care aparțin minorităților naționale și care locuiesc pe teritoriul respectivei părți atât individual, cât și cu alți membri ai grupului său, libera exprimare și dreptul de a-și păstra și dezvolta originalitatea etnică, cul-

seminarului internațional, Chișinău, Comrat, Balți, 9-11 noiembrie 1999. – Chișinău, 2000, p.161

¹⁴⁰ *Coedgikov I. Drepturile omului și protecția drepturilor minorităților. Prezentarea Convenției-cadru pentru protecția minorităților naționale și a altor standarde ale Consiliului Europei pe marginea acestor probleme. // Reglementarea folosirii limbilor în societatea polietică (materialele conferinței internaționale: Chișinău, 14-15 decembrie, 1995). – Chișinău, 1996, p.8*

turală, lingvistică și religioasă, protejarea împotriva oricărei tentative de asimilare contra voinței lor.¹⁴¹

În afară de aceasta, Republica Moldova a încheiat 12 tratate bilaterale cu România, 2 tratate cu Rusia, 25 cu Turcia, 32 cu Belarusi. Dintre acestea, Acordul de Colaborare între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul Republicii Belarusi, ratificat prin Hotărârea Parlamentului din 28 ianuarie 1998, a vizat anume domeniul asigurării drepturilor persoanelor aparținând minorităților naționale.¹⁴²

După proclamarea suveranității și independenței statale, Parlamentul Republicii Moldova a creat premisele funcționării statului de drept pe întreg teritoriul național, susținând prin Constituție și un șir de legi, drepturile și libertățile fundamentale ale cetățenilor. Alinierea legislației naționale la standardele europene și internaționale în materie, asigurându-se minorităților etnice, lingvistice și religioase dreptul de a exprima, păstra și dezvolta în deplină libertate identitatea lor etnică, culturală, lingvistică și religioasă, de a menține și dezvolta cultura lor sub toate formele, la adăpost de orice tentativă de asimilare contra voinței lor, constituie o trăsătură definitorie a tuturor actelor juridice referitoare la minoritățile naționale din Republica Moldova.

Prin Declarația de Independență a Republicii Moldova, din 27 august 1991, forul suprem „garantează exercitarea drepturilor sociale, economice, culturale și a libertăților politice ale tuturor cetățenilor Republicii Moldova, inclusiv ale persoanelor aparținând grupurilor naționale, etnice, lingvistice și religioase, în conformitate cu prevederile Actului Final de la Helsinki și ale documentelor adoptate ulterior, ale Cartei de la Paris pentru o nouă Europă”.¹⁴³

Declarația Parlamentului din 26 mai 1992 menționează că „alinierea legislației interne la standardele internaționale în materia drepturilor omului este singura cale aptă să consolideze democrația și să asigure persoanelor care aparțin minorităților etnice, lingvistice și religioase drepturile legitime de a-și apăra și dezvolta identitatea”.¹⁴⁴

În pofida multiplelor dificultăți economice, social-politice și culturale inerente procesului tranziției de la societatea comunist-totalitară spre valorile civilizației europene, problemele minorităților naționale din Republica Moldova au constituit obiectul unei preocupări constante a organelor puterii de

¹⁴¹ Țimbaliuc V. *Minoritățile naționale într-un stat de drept*. // *Revista națională de drept*, 2002, nr.2, p.8

¹⁴² *ibidem*, p.8

¹⁴³ Patraș E. *Minoritățile naționale din Ucraina și Republica Moldova. Statutul juridic*. – Cernauti: Editura Alexandru cel Bun, 1998, p.150

¹⁴⁴ *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 1992, nr.7, p.21

stat. În cei aproape 12 ani care s-au scurs după proclamarea independenței Republicii Moldova s-a creat o bază juridică corespunzătoare pentru protecția minorităților naționale din țară și pentru accelerarea proceselor integraționiste.

LEGITIMITATEA, AUTORITATEA ȘI CHARISMA – ELEMENTE INERENTE ALE IMAGINII LIDERULUI POLITIC (CAZUL REPUBLICII MOLDOVA)¹⁴⁵

Aurelia PERU

Republica Moldova, Chișinău

Universitatea de Stat din Moldova

Facultatea Jurnalism și Științe ale Comunicării

Catedra de Comunicare

Lector

Analizând complexitatea conceptului de lider politic, vom constata, că un detaliu principal al acestuia îl constituie legitimitatea și autoritatea ca factori de valorificare a puterii liderului politic, dar și ca elemente inerente ale imaginii politice a acestuia. Conform dicționarului de sociologie, legitimitatea este nimic altceva decât caracterul de conformitate a puterii cu ceea ce se crede preferabil sau corespunzător unor norme juridice, morale sau unor tradiții consacrate. Legitimitatea nu implică neapărat o judecată morală. Este posibil ca ceea ce este considerat legitim la un moment dat într-o societate să fie împotriva unor norme morale universale. Legitimitatea este o stare la care se ajunge printr-un proces de legitimare care intervine atunci când creatorii unei anumite reguli instituționale au cedat locul la urmași care nu mai au în minte rațiunile care i-au ghidat pe creatori. Legitimitatea are un loc esențial în asigurarea ordinii și coeziunii sociale¹⁴⁶.

Istoricul Guglielmo Ferrero tratează legitimitatea liderului politic ca fiind „*un geniu invizibil al cetății*”¹⁴⁷. Această abordare implică dreptul unora de a se face ascultați, precum și capacitatea celorlalți de a se supune efectiv. Grație acestui model de legitimitate, consideră autorul, este asigurată coerența și continuitatea unei societăți politice. Altfel spus, legitimitatea nu este alt-

¹⁴⁵ *Recenzent – doctor în științe politice Ruslan Tanasă.*

¹⁴⁶ *Cătălin Z., Vlăsescu L. Dicționar de sociologie. – București: Editura Babel, 1998, p.325*

¹⁴⁷ *Ferrero G. Pouvoir. Les genies invisibles de la Cité. - Paris, 1953, p.112*

ceva decât recunoașterea spontană a ordinii stabilite, acceptarea firească nu atât a deciziilor celor care guvernează, cât a principiilor în virtutea cărora ei guvernează, grație unui consens. Iar consensul, remarcă M. Duverger, nu este nimic altceva decât „acordul care există în masa de cetățeni cu privire la structurile, instituțiile și autoritatea socială.”¹⁴⁸. După același Ferrero, „un guvern este legitim atunci când puterea este atribuită și exercitată după principii și reguli acceptate fără discuție de către cei care trebuie să asculte.”¹⁴⁹

Celebra definiție dată legitimității de M. Weber cu constatările empirice despre credințele oamenilor, specifice sociologiei politice, a descoperit noi surse în elucidarea problematicii legitimității liderului politic. Legitimitatea, însă, nu se alimentează dintr-o singură sursă. Adevăr pe care l-a argumentat în studiile sale și M. Weber, referindu-se la cele trei tipuri de legitimitate, care s-ar găsi la baza a trei forme de regim politic: *legal-rațională*, bazată pe convingerea că procedurile prin care sunt fixate regulile sunt legate de credința în dreptul celor care au autoritatea să modifice procedurile sau să urmeze o procedură clar stabilită și care corespunde regimurilor democratice moderne (astfel, o lege este legitimă dacă a fost votată în condiții corecte de către reprezentanții corect aleși); *istorică sau tradițională* – bazată pe credința că ceea ce este stabilit prin tradiție, din vremuri imemorabile, este sacru în sine și suficient pentru a se justifica și care corespunde formelor monarhice de guvernământ; *charismatică sau personală* – întemeiată pe credința în calitățile excepționale ale unui individ și care corespunde regimurilor autoritare, dictatoriale sau totalitare¹⁵⁰.

Astfel, apare tendința de definire a liderului politic charismatic prin prezența unor calități excepționale, cum ar fi:

- prestigiul personal;
- intuiția;
- inspirația – conștientizarea extrem de rapidă a unei decizii necesare;

Arătând că legitimitatea presupune „credință cuiva în ceva”, Weber face o distincție între legitimitate, adică „credința într-o calitate justificatoare” și autoritate, adică puterea îndreptățită de a domina. În această ordine de idei, sociologul german prezintă sintetic cele trei fundamente de legitimitate a autorității:

1. autoritatea bazată pe obiceiuri ancestrale (moștenit, strămoșesc);

¹⁴⁸ Duverger M. *Institutions politiques et droit constitutionnel*. – Paris: PUF, 1962, p.15

¹⁴⁹ Ferrero G. *Pouvoir. Les genies invisibles de la Cité*. - Paris, 1953, p.112

¹⁵⁰ Вебер М. *Политика как призвание и профессия. Избранные произведения*. – Москва, 1990, с.39

2. autoritatea fondată pe legalitate, pe reguli stabilite rațional, iar cel ce exercită această autoritate este un “servitor de stat”. De regulă, autoritatea legal-rațională este încarnată de birocrație¹⁵¹;
3. autoritatea fondată pe un har personal și extraordinar al unui individ; ea se caracterizează prin devotament și încrederea membrilor unei colectivități față de cauza susținută de un singur om, care se distinge prin calități excepționale, prin eroism și alte semne care-l remarcă în calitate de șef.

Racordarea abordărilor makiavellice la realitatea politică moldovenească ne permite să-l tratăm pe primul președinte al Republicii Moldova, Mircea Snegur, ca fiind „șeful care s-a distins prin calități excepționale, „har personal” și încredere din partea poporului său. Evenimentele istorice din 27-31 august 1989 și 27 august 1991 sunt argumentul cel mai elocvent de afirmare și valorificare a autorității unui lider politic în contextul unei legitimități „fragile”.

În dimineața zilei de 27 august 1989 patru coloane de țărani au intrat în Chișinău pentru a susține inițiativa unui grup de deputați din Sovietul Suprem al Republicii Sovietice Socialiste Moldovenești, în frunte cu Mircea Snegur, de revenire la grația latină și de acordare a statutului de limbă de stat limbii moldovenești. Autoritatea pe care și-a obținut-o Mircea Snegur în fața poporului moldovean după aprobarea deciziilor istorice în cadrul sesiunii a XIII-a a Sovietului Suprem al RSSM (27, 30 august), l-a convertit într-un lider charismatic, consecvent în acțiuni și cu voință politică, conturându-i deja imaginea liderului democratic, a post-comunistului reformator. Imaginea politică pe care și-a creat-o Snegur în primii ani de democratizare a societății i-a fortificat poziția liderului de la Chișinău în timpul evenimentelor din august 1991 – putciul de la Moscova, când PCUS, păstrându-și destulă influență în structurile de stat, deși își pierduse rolul de conducător în societate și în stat, a recurs la acțiuni anticonstituționale pentru acapărarea puterii.

Chemați de Mircea Snegur, în noaptea de 19-20 august, la Chișinău, au sosit țărani din diferite localități ale republicii, pentru a apăra suveranitatea Moldovei. Ei au stat în fața coloanelor de tancuri care trebuiau să intre în Chișinău prin Colonița și pe la răscrucea Orheiului, au încercuit cu ziduri de netrecut Televiziunea Națională și organele de stat ale republicii. În astfel de circumstanțe istorice pe câmpul politicii moldovenești ia naștere și se confirmă efectiv autoritatea charismatică a unui lider politic, care își va menține pentru încă câțiva ani poziția de favorit al electoratului autohton. După alegerile

¹⁵¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990, с.79.

prezidențiale din 1991, la care a luat parte un singur candidat – formațiunile politice se aflau abia în curs de apariție - Snegur devine primul președinte al RSSM¹⁵².

La 15 ianuarie 1992 primul președinte va jura credință în fața electoratului moldovean. Perioada dintre 1989-1992 fiind marcată de legitimarea puterii politice bazată pe charisma alimentată de promovarea valorilor naționale și implicit o sensibilizare a caracterului etnic - limbă, grafie latină, tricolor, stemă, imn, suveranitate. În consecință, imaginea utilizată de M.Snegur în timpul prezidențialelor de la 1991 și 1996 va fi construită vădit prin exploatarea simbolisticii Pieței Marii Adunări Naționale, prin opoziția crâncenă în fața comunismului, a revenirii la sistemul totalitar.

Abordarea dinamicii fenomenului legitimității liderului politic după J.L.Chabot, descoperă noi modele de legitimitate¹⁵³, caracteristice societății politice contemporane și anume:

- ◆ democratică;
- ◆ tehnocratică;
- ◆ ideologică.

Temelia legitimității democratice a fost pusă de revoluția burgheză din Anglia sec. XVII și de revoluția franceză (1789). Ea mizează pe drepturile și libertățile dobândite în contextul unei mișcări sociale. Principiul de bază al legitimității democratice îl reprezintă principiul majorității. Legitimitatea liderului democratic are, însă, un caracter relativ, întrucât există suficiente exemple când deciziile bazate pe principiul majorității au generat, în anumite circumstanțe istorice, cele mai teribile dictaturi, totalitarisme și autoritarisme politice. Bunăoară, Hitler a venit la putere în Germania (1933) pe baza votului popular; loviturile de stat din America Latină au fost date în numele voinței poporului. La fel, alegerile prezidențiale din Irak până la căderea regimului Hussein, purtând un caracter pseudo-democratic, legalizau menținerea la putere a unui tiran dictator.

În câmpul politic moldovenesc principiile legitimității democratice câștigă teren de confirmare începând cu anii 1990, când Sovietul Suprem al Moldovei (mai 1990) introduce schimbări în Constituția RSSM, lichidând, astfel, rolul conducător al PCUS (PCM) în RSSM¹⁵⁴. Astfel, sunt puse bazele unui sistem politic democratic și ale consolidării pluripartidismului în Moldova. În

¹⁵² Moșneaga V. *Partidele politice și parlamentul Moldovei: aspecte juridice ale interacțiunii. // Aspecte ale practicii parlamentare, relațiile dintre parlament și guvern (Republica Moldova).* - Chișinău, 1997.

¹⁵³ Chabot G. *Introduction en politique.* – Paris: PUF, 1991, p.57-71

¹⁵⁴ *Legi, hotărâri și alte acte, adoptate la sesiunea întâi a Sovietului Suprem al RSSM de legislatura a doisprezecea.* – Chișinău: Sovietul Suprem, 1990, p.15.

17 septembrie 1991, după eliminarea din legalitate a partidului comunist și adoptarea Declarației de Independență, este promulgată Legea „Despre partidele politice și alte organizații social-politice”.

Fenomenul democratizării societății politice moldovenești s-a remarcat prin apariția unei noi clase politice, fără de vreun efort meticolos. Specific realității politice la acea etapă istorică este partajarea câmpului politic de factură democratică între:

- naționaliști;
- neo-comuniști supraviețuitori;
- elitiști.

Aceste trei grupe cu alură democratică și reformatoare s-au constituit ca un clivaj pe axa ruptură – continuitate, reformă – anti-reformă, valorificând noua arhitectură a pieței politice moldovenești. Evoluția acestor partide drept o consecință a confruntării anterioare cu partidul-stat (comunist), poate fi identificată ca o logică autonomă a efortului de democratizare și distanțare de sistemul totalitar, monopartidic.

În acest context, discursul politic al naționaliștilor, promovat de FPM (FPCD) se baza pe revigorarea valorilor naționale, renașterea națională, pe înfăptuirea idealului unității naționale, ideea Marii Uniri a Moldovei și României cu genericul binecunoscut în Europa „Chestiunea Basarabiei”, mitul „românizării” culturii naționale, a „românilor basarabeni”, a spiritului românesc, consolidarea spațiului spiritual și economic etc. Mesajul naționalist reclamă, de asemenea, cu insistență condamnarea pactului Molotov-Ribbentrop și a consecințelor lui pentru Basarabia, renunțarea Moldovei la Acordul de constituire a CSI.

În rezumat, însă, mesajul naționaliștilor nu conținea acțiuni politice concrete sau obiective bine definite. Lozincile unioniste sau de abandonare a spațiului CSI purtând astfel mai mult un caracter populist decât unul realist. Tabăra politică a neo-comuniștilor reformatori în primii ani de democratizare se constituie, în principal, după alegerile parlamentare din februarie 1994 și anularea deciziei Prezidiului parlamentului despre interzicerea Partidului Comunist din Moldova (octombrie 1993).

Astfel, principalii supraviețuitori ai sistemului monopartidic în timpul confruntărilor în alegerile parlamentare pe baza multipartidismului se dovedesc a fi reprezentanții Partidului Democrat Agrar din Moldova, care acumulează 43,18% din sufragii sau 56 de mandate în forul legislativ al Moldovei. Principala legitimitate revendicată de agrarieni sau neo-comuniștii supraviețuitori (reformatori) era aceea de a reprezenta interesele majorității populației băștinașe, adică a agrarienilor, după cum agrară e și Republica Moldova. Fondator și primul președinte al PDAM a fost Dumitru Motpan, conducătorul

clubului de deputați „Viața satului” din Parlamentul de la 1990, din a cărui componență făceau parte 117 deputați, vicepreședinte (februarie 1994), apoi Președinte al Parlamentului Republicii Moldova¹⁵⁵.

Deși imaginea partidului agrarian a fost consolidată din start grație adeziunii politice a Președintelui Republicii, M. Snegur, până la constituirea Partidului Renașterii și Concilierii din Moldova, al cărui președinte a fost ales în august 1995. Strategia de legitimitate a PDAM era următoarea: în plan socio-economic – nici un ajutor din afară nu va scoate țara din impas, atât timp cât este stopată producția, declanșarea reformelor în domeniul privatizării în sfera socială și industrie, în agricultură este promovată o politică de centru, care permitea existența alături de formele tradiționale de gospodărire (colhoz, sovhoz), a cooperativelor, întovărășirilor bazate pe proprietate privată. Astfel, perioade de legitimitate a neo-comuniștilor reformatori decurge sub semnul tranziției cu respectivele controverse și dificultăți. În plan politic – prosperarea Republicii Moldova ca țară independentă și suverană.

Spre deosebire de opțiunea unor formațiuni politice de reînviere a Uniunii Sovietice, a altora – de schimbare a denumirii republicii în Republica Română Moldova și unirea ei cu România (Congresul II al Frontului Popular (1990), neo-comuniștii – reformatori pun miză pe mitul politic al autohtonismului: Moldova, moldoveni, limbă moldovenească, Moldova lui Ștefan cel Mare. O materializare a respectivei strategii este și desfășurarea în 1994 a sondajului republican „La sfat cu poporul”. Din tabăra neo-comuniștilor supraviețuitori face parte, indubitabil, și Petru Lucinschi, Președinte al Parlamentului Moldovei (1994-1996), Președinte al Republicii Moldova (1997-2001).

Lucinschi poate fi considerat, pe bună dreptate, „cardinalul” centrismului politic în Moldova. Legitimitatea discursului său politic a fost inspirată și adaptată la schimbările produse odată cu declanșarea reformelor în țară, atrăgându-și anumite avantaje în opoziție cu elitele politice ce susțineau poziții mai radicale – extremele politice de stânga și dreapta (comuniștii și frontişti). Astfel, discursul lucinschiștilor se bazează pe un amestec de promisiuni privind îmbunătățirea nivelului de trai, de asigurare a tranziției, a continuității politice, a compromisului și loialității în numele democrației. Așteptările electoratului erau încurajate de lozinca politică: „Pentru o Moldovă Democratică și Prosperă”.

Legitimitatea elitiștilor presupune revendicările intelectualității de creație, consecvente în opțiuni și acțiuni politice. În acest sens animatorul elitiștilor rămâne a fi până în prezent Uniunea Scriitorilor din Moldova în frunte cu academicianul M. Cimpoi. Printre elitiști fac parte, de asemenea, Ion Hadârcă,

¹⁵⁵ *Portrete în mișcare. - Chișinău, 1996, p.17-18*

scriitor, unul dintre conducătorii Frontului în primii ani de mișcare națională, V.Vasilache, scriitor, I.Borșevici, academician.

Fenomenul democratizării societății politice în Moldova încurajează și al treilea model de legitimitate a liderului politic, sensibilizat de J.L.Chabot – *legitimitatea tehnocratică*. Legitimitatea tehnocratică este proprie celor care fac din politică o meserie și o artă de a lua decizii în baza competențelor proprii. În cazul unui astfel de model de legitimitate veritabila putere aparține specialiștilor din sfera economico-tehnologică, celor care se impun, în primul rând, prin competență.

Omniprezența tehnocrației poate fi remarcată prin capacitatea de influență a puterii economice asupra multiplelor arene în cadrul cărora se desfășoară dinamica socio-politică: guvernativă, parlamentară, partidică, electorală, cea a comunicării de masă. D.Fisichella, referindu-se la subiectul „dilemei democratice”, remarcă oportunitatea escaladării liderismului tehnocratic în condițiile crizelor de ideologii, acesta bazându-se pe atitudinea de „refuz în fața politicității”¹⁵⁶.

Astfel, pentru administrarea unei comunități ar fi suficiente competența și logica demonstrativă, fără a se recurge la nici un fel de politică. Făcând din tehnocrat un fel de semizeu ascuns al modernității, putem vorbi despre o nouă formă de legitimitate a elitelor conducătoare ca elite „savante”, - afirmă W.Pareto¹⁵⁷. După Pareto, acțiunile guvernamentale ale liderului politic combină, deopotrivă, economicul cu socialul și politicul. În circumstanțele în care nici unul dintre acestea nu poate satisface integral necesitățile societății, are loc alternanța elitelor la guvernare. În cele din urmă, putem argumenta oportunitatea diferitor tipuri de legitimitate ca bază fundamentală pentru consolidarea puterii liderului politic.

Ca produs al perfecționării câmpului politic autohton, tehnocrații „bulversează” spectrul politicii moldovenești începând cu lansarea competiției politice în Electorala 1998. Primii tehnocrați promovați pe listele electorale ale „Rândunicii” lucinschiniste sunt Ion Sturza și Anatol Arapu. Pentru prima dată în discursul Președintelui Lucinschi se conține sintagma „politicieni tineri, tehnocrați, reformatori”. În 1999 prim-ministru devine tehnocratul Ion Sturza, ceea ce simboliza (în raport cu situația anterioară) amplificarea ritmului reformelor economice și administrative în Moldova, precum și reformularea imaginii tehnocratului ca fiind unul dintre cei mai buni giranți ai unei politici eficiente.

¹⁵⁶ Fisichella D. *Știința politică*. - Chișinău: USM, 2000, p.147.

¹⁵⁷ Pareto W. *Traité de sociologie generale*. – Geneva - Paris: Droz, 1968

„Apogeul” legitimității tehnocratice în Moldova, însă, se produce în Electorala 2001, când ex-prim-ministrul Ion Sturza devine candidatul numărul unu pe lista electorală a Partidului Democrat din Moldova, chiar dacă funcția de președinte al partidului îi revine în continuare ex-președintelui legislativului moldovenesc D.Diacov. Sloganul electoral al partidului va răsună astfel: „O guvernare responsabilă pentru o viață mai bună. Alege echipa Sturza!” Partidul Democrat stipulează 7 priorități de legitimitate a unei guvernări bazate pe principii tehnocrate:

1. relansarea economică;
2. protecția socială;
3. agricultura eficientă;
4. întărirea autorității statului;
5. combaterea corupției și criminalității;
6. sănătatea, educația, cultura și ecologia;
7. integrarea în comunitatea internațională

Vom constata, că de regulă, legitimitatea tehnocrată se bazează pe lansarea unor promisiuni / acțiuni reparatorii, a căror miză este să pună realitatea critică pe seama politicianilor, de care tehnocratul se detașează prin competența sa, chiar dacă niciodată nu a participat direct la actul guvernării. În această ordine de idei, am putea sublinia importanța materializării unei relații de cauzalitate, ce evocă, de fapt, un bilanț nesatisfăcător, dar care poate fi redresat: situații de criză din vina liderilor politici aflați la guvernare. Deosebit de relevantă în acest context devine simptomatice remarcă a fostului prim-ministru român democratului Petre Roman: „Suntem în criză nu din cauza neputinței noastre, ci din cauza neputinței lor.”¹⁵⁸ În același clișeu strategic se încadrează și campania electorală a candidatului independent în alegerile locale din mai 2003, tehnocratul, Viorel Țopa, care a decurs sub genericul „Primar modern – oraș modern”.

„Aceiași oameni – aceleași probleme” – stipulează una din lozincile candidatului independent Viorel Țopa. Drept motto al programului său electoral servind celebra frază a lui Albert Einstein: „Problemele nu pot fi rezolvate cu oamenii, care au participat la crearea lor.” 12 ani nomenclaturişti de partid încearcă să rezolve probleme economice, pe când aceste probleme necesită economişti, finanţişti, manageri, tehnocraţi, - încearcă să-și convingă potențialii săi votanți V.Țopa¹⁵⁹. În cazul evocat iminența legitimității unui lider tehnocrat rezultă din strategia de lansare în concurența electorală, care in-

¹⁵⁸ *Turneul candidaților. // Antena 1, 1996, 25 septembrie.*

¹⁵⁹ *HYPERLINK "http://www.topa.md"*

tegrează, între altele, și 12 motive grație cărora Primarul Chișinăului trebuie să fie V.Țopa:

1. primar economist (nu un nomenclaturist);
2. primar unificator (numai o persoană tânără și nonconformistă ar putea unifica forțele sănătoase ale societății);
3. primar necomunist (comuniștii – oameni compromiși și rotați la putere);
4. primar onest;
5. primar tânăr (născut în 1966);
6. primar principial (primar nou, care nu va mai căuta să se „înțeleagă”);
7. primar patriot;
8. primar modern;
9. primar european;
10. primar așteptat (până acum am fost nevoiți să alegem între rău și foarte rău – este timpul să alegem varianta bună);
11. primar necorupt (persoană nouă, neimplicată);
12. primar nou.

Prin urmare, tabloul legitimității politice în Moldova post-comunistă, exprimându-ne în termeni geometrici, capătă un aspect pentagonal:

1. legitimitatea *neo-comuniștilor supraviețuitori*;
2. legitimitatea *naționaliștilor*;
3. legitimitatea *elitiștilor*;
4. legitimitatea *tehnocraților*;
5. legitimitatea *comuniștilor reformatori*.

În cadrul unui sistem politic, de regulă, în perioadele de criză (economică, politică, religioasă sau morală), de dezechilibru sau de tranziție un factor decisiv de exprimare a legitimității puterii / liderului politic îl constituie charisma personală – *legitimitatea charismatică*. Din aceste considerente credibilitatea și prestigiul liderului charismatic se datorează poate mai puțin talentului său personal, calităților sale obiective, ea fiind, mai curând, rodul adeziunii maselor, iar charisma -o calitate atribuită de ele.

În dicționarul practic de științe sociale găsim, că viziunea originară a conceptului este oferită de religie¹⁶⁰. Charisma fiind apreciată ca un dar supranatural, temporar acordat unui credincios sau unui grup în vederea edificării sau utilității religioase a comunității. Persoane înzestrate cu har divin erau

¹⁶⁰ Birou A. *Vocabulaire pratique des sciences sociales*. – Paris: Editions Economie et Hummanism, 1966, p.48-49

considerate inițial apostolii și prorocii. Anume acest har asigură și așa-numitul succes charismatic.

În această ordine de idei psihologii M.Relea și T.Hariton menționează că, succesul charismatic a aparținut la începuturile sale magicienilor, apoi preoților și, în sfârșit, conducătorilor politici. Fiind inițial de natură magico-religioasă, pentru ca ulterior să împânzească toate domeniile de activitate – inclusiv cel politic și militar¹⁶¹.

Charisma exprimă la origine ideea de “grație”, de “har”, este un “dar” cu aspect providențial, de care beneficiază doar personalitățile politice excepționale.¹⁶² Comportamentul liderului charismatic este mai degrabă unul mesianic decât mobilizator. El este urmat cu entuziasm și încredere de către popor. Grație susținerii populare de care se bucură, acesta poate elabora deseori unele decizii nepopulare, dar care corespund unor necesități obiective ale momentului. În această ordine de idei am putea afirma, că liderul charismatic reușește să transforme o idee politică într-un ideal absolut al comunității.

Charisma fiind, astfel, percepută ca o sinteză moral-volitivă și intelectuală a personalității sale, care îi conferă o asemenea forță de atracție, încât masele / electoratul îl urmează fără șovăire. Pentru a-și realiza dezideratele politice de charisma personală au beneficiat așa personalități istorice ca Cezar, Napoleon, Bismark, Ch. de Gaulle, W.Chirchille, J.F.Kennedy, M.Gorbaciov etc.

Studiind fenomenul charisimei sub aspect social, sociologul francez S.Moscovici, prezintă în eseu său științific, intitulat “Psihologii sociale sau mașina de fabricat zei”¹⁶³, o relevantă explicație a charisimei, stăruind asupra circumstanțelor, care stimulează apariția liderului charismatic. Autorul remarcă că există două condiții principiale pentru afirmarea unei conduite charismatice:

1. contextul social (situațional), adică situațiile de criză;
2. recunoașterea autorității conducătorului de către adepți /admiratori, adică contextul interacțiunii „lider-adept”.

¹⁶¹ Relea M., Hariton T. *Sociologia succesului*. - București, 1962, p.203-204.

¹⁶² Charisma este, de asemenea, un atribut al papei Ioan-Paul al II-lea. Ziarul “Le Figaro” comenta vizita papei în Polonia: “Marea forță a lui Ioan Paul al II-lea rezidă într-adevăr în egală măsură în claritatea discursurilor și în charisma sa”, iar săptămânalul englez “The Economist”, accentuează: “Such magnetism is power” (Un asemenea magnetism este o putere) Vezi: Moscovici S. *Psihologia socială sau mașina de fabricat zei*. – Iași: Polirom, 1997, p.100.

¹⁶³ Moscovici S. *Psihologia socială sau mașina de fabricat zei*. – Iași: Polirom, 1997, p.95

Problema liderului charismatic este amplu tratată îndeosebi de M. Weber, care remarca, la rândul său, că legitimitatea / autoritatea charismatică „este specific străină de economie, ea apare acolo, unde apare „o vocație”¹⁶⁴. Prin urmare, puterea de influență a liderului charismatic asupra maselor nu depinde nici de bogăție, nici din excesul puterii fizice.¹⁶⁵

Ideea liderismului charismatic este dezvoltată în pagini dense și de către Hegel, care explică în felul următor geneza liderului charismatic: „Circumstanțele în care ia naștere o asemenea personalitate sunt excepționale. De regulă, acestea sunt crizele sociale sau politice, când masele caută fără să conștientizeze acest lucru personalitatea capabilă să forțeze mersul lucrurilor, să reunească idealul cu realul, imposibilul cu posibilul, finalmente, să răstoarne ordinea existentă, instaurând alta - mai perfectă.”¹⁶⁶

Un aspect original și determinant poate în tratarea fenomenului liderului charismatic îl constituie corelația dintre calitățile excepționale ale unui lider politic și trecutul istorico-politic al respectivei comunități. Este ceea ce Weber numea „seducția nostalgiei”. Astfel, în lucrarea sa „Economie et Societe”, autorul tratează charisma ca fiind „marea putere revoluționară a epocilor legate de tradiție”¹⁶⁷. Întrucât trecutul, mai mult sau mai puțin fantastic, acționează asupra viitorului cu o putere comparabilă cu cea a prezentului însuși.

În aceeași ordine de idei, Freud, stăruia asupra faptului că impresiile trecutului se păstrează în viața mentală a maselor sub forma unor amprente amenințate, care în anumite circumstanțe pot fi restabilite și reînviat. Ființele și situațiile din trecut iau în cadrul psihicului nostru forma de „imago”, de re-

¹⁶⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990, с.251

¹⁶⁵ Despre asemenea lideri mulțimea afirmă: „L-am văzut”, „L-am atins”, „Mi-a vorbit”. De exemplu, așa povesteau veteranii Imperiului despre Napoleon Bonaparte: „Am fost la Piramide sau la Austerlit cu El”. Liderul charismatic manipulează acțiunile și deciziile mulțimii. Aceștia, pur și simplu, îi încredințează soarta, viitorul.

¹⁶⁶ Hegel scria despre liderii charismatici: „Putem să-i numim pe toți eroi datorită faptului că scopurile și vocațiile lor au provenit nu din cursul obișnuit al lucrurilor, sancționate de către ordinea existentă, ci dintr-o altă sursă, din acel spirit intensiv, fără să apară vreo dată la suprafață, care lovește lumea exterioară și o face să se spargă în bucăți, precum puilul care iese din coajă”. (Moscovici S, Psihologia socială sau mașina de fabricat zei. – Iași: Polirom, 1997, p.103-104). Același punct de vedere este împărtășit și de Le Bon: „Tipul eroului iubit de mulțime va avea întotdeauna structura unui Cezar. Panașul le seduce, autoritatea le impune și sabia le sperie. (LeBon G. La psychologie des foules. - Paris, 1968, p.28).

¹⁶⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990, с.252.

prezentări figurate. Iar imagoul, afirmau Laplanche și Pontalis, poate la fel de bine să se obiectiveze în sentimente și conduite ca și în imagini.¹⁶⁸

Astfel, grație contrastului dintre prezent și trecut, memoria ne face să opunem liderilor contemporani imagoul echivalențelor din trecut. În acest sens memoria parcă ar fi înzestrată cu niște filtre care immortalizează doar aspectele pozitive, chiar dacă este vorba de cei mai sângeroși tirani ai istoriei sau dacă sunt evocate perioade lamentabile din viața unui lider politic. Bunăoară, în memoria popoarelor caucaziene, Stalin rămâne a fi conducătorul ideal, ferm, disciplinat și cu „brațul de fier.”

În Moldova, imagoul „bodiulist” inspiră legitimitatea guvernării comuniste. Cu ocazia octagenarului (decembrie, 2002) președintele Republicii Moldova V.Voronin, semnează decretul privind decorarea cu înalta distincție de stat Ordinul Republicii a fostului prim-secretar al CC al PCM Ivan Bodiul (mai 1961 – decembrie 1980). În pofida faptului că epoca lui Bodiul a fost plină de contraste. Comuniștii și simpatizanții acestora l-ai immortalizat în memorie ca fiind un politician și un conducător iscusit. În „epoca bodiulismului” a fost construit noul aeroport din Chișinău, Palatul „Octombrie” (Național), Teatrul de operă și balet, Sala prieteniei (Palatul Republicii), podul ce leagă Botanica cu centrul orașului, Sala cu orgă etc.

Pe de altă parte, fostul demnitar este cunoscut ca un violator al culturii și limbii naționale. A luptat cu unii reprezentanți ai ei. Au avut de pățimit în consecința politicii bodiuliste scriitorii I.Druță, D.Matcovchi; N.Testimițanu, ministrul ocrotirii sănătății, C.Ciobanu, președintele Uniunii scriitorilor, au fost destituiți din posturi. Această fațetă a guvernării bodiuliste este „uitată” de comuniști sau, pur și simplu, din considerente ideologice, neglijată de putere, care revigorează doar ceea ce se omogenizează cu dezideratele politice ale partidului comunistilor.

Studiind aprofundat fenomenul charismei, am constatat faptul că fenomenul imagoului își trage rădăcinile încă din perioada antică. Romanii, astfel, resuscitau în fiecare împărat persoana Întemeietorului. Acesta purtând titlul de „redivivus”. Acest mecanism a fost perpetuat și în epoca contemporană. Bunăoară, sovieticii scandau: “Stalin este Lenin al zilelor noastre!”. Explicația ar fi următoarea: personajele și evenimentele se conservă imateriale în memoria generațiilor, după o perioadă de latență, să revină reîncarnate într-o nouă ființă fizică și socială. Acest mecanism le permite unor actori politici contemporani să provoace emotivitatea, afecțiunea maselor electorale. Concludentă în această ordine de idei, ar fi declarația pe care a făcut-o, la Slănic,

¹⁶⁸ Laplanche G., Pontalis G. *Vocabulaire de la psychanalyse*. – Paris: PUF, 1967, p.196

în ajunul startului prezidențialelor din 1996 M.Snegur. În timpul unei întrevederi neoficiale cu omologul său român Ion Iliescu, Snegur, președintele entităţii al Republicii Moldova, a lăsat să se înțeleagă că el ar putea deveni „Mircea Viteazul, care va săvârși actul unificării românilor” Printr-o scurgere de informație „incitanta” declarație a apărut și în presa de la Chișinău. Fiind plauzibilă pentru micul segment electoral de orientare unionistă, adversarii politici ai președintelui (staff-ul lucinschist) au difuzat-o ca fiind un atu al ipotezei, că Snegur, în cazul în care devine favoritul campaniei electorale, va lichida statalitatea Republicii Moldova, ea fiind anexată la România.

Primii ani de independență a Republicii Moldova, valul de emoții cu care populația băștinașă a devenit martorul „revoluției de catifea” ce s-a soldat cu substituirea regimului totalitar de guvernare cu unul democratic, a determinat electoratul autohton să descopere charisma în comportamentul primilor conducători, vorbitori de limbă română, aboliți de obligativitatea de a executa ordonanțele CC al PC al URSS. În acel context istoric imaginea liderului charismatic și-a adjudecat-o primul șef de guvern al Moldovei suverane, M.Druc. De asemenea, semnarea Declarației de Independență în 27 august 1991, legalizarea scrisului latin i-au creditat aura liderismului charismatic primului Președinte al republicii Mircea Snegur. Mai târziu, dificultățile prin care tranzitează tânăra democrație a șters de pe palmaresul eșichierului politicii moldovenești omniprezența liderilor charismați.

Harul liderului politic într-o societate modernă, în care actul comunicării politice a devenit unul perfect și transparent, se datorează, inclusiv, acțiunii de mediatizare. Conform opiniei unor teoreticieni, politica e total dizolvată în mediatic. Canalele media, în special audiovizualul, modelează și regizează atât evenimentul, cât și eficacitatea imaginii omului politic. Discursul radiofonic sau televizat, interviurile și declarațiile de presă, preluarea conferințelor de presă, dezbaterile politice etc., - reprezintă materia din care se plămuește chipul omului politic de succes.

Astfel, creditând excesiv elementul mediatic, omul politic se transformă din simplu cetățean în candidat de succes, el devine deja o imagine, un simbol, un mit, un ideal de personalitate pentru societate. Încadrată în peisajul electoral, media devine un mecanism ce generează influență și putere în favoarea celor ce o controlează. Din această perspectivă, mediile de informare sunt plasate în timpul campaniilor electorale în centrul dezbaterilor și a luptei concurențiale. Fenomen facil de sesizat în toate campaniile electorale desfășurate în spațiul politic autohton, când limitele vieții private a subiecților electorali sunt adesea încălcate, iar granițele decenței sunt transgresate. În virtutea celor menționate, putem vorbi despre elementul mediatic ca factor de legitimitate a liderului politic, adică, *legitimitatea mediatică*.

La baza argumentării științifice a legitimității mediaticice poate fi acreditată, actualmente controversată, teorie a „acului hipodermic”, lansată de H.D.Lasswell. Potrivit acesteia, impactul mijloacelor de comunicare în masă asupra receptorilor / corpului electoral au efectul „acului”, care injectează informații în mintea publicului receptor într-un raport direct și liniar: un emițător – un mesaj – un rezultat informațional. Astfel încât rezultatul informațional echivalează cu imaginea „cosmetizată”, idolatrizată a liderului politic promovat de mass media. Fluxul interminabil de știri, reportaje, comentarii, care are în prim – plan un lider politic îi asigură incontestabil prezența și, nu în ultimul rând, influența acestuia în sistemul politic existent, fapt ce-i confirmă legitimitatea, autoritatea și eficacitatea lui.

Fig.1. Legitimitatea mediatică a liderului politic

În teoria actuală a puterii liderului politic, tema referitoare la autoritate și legitimitate are o importanță crucială. Acești doi factori, intercalându-se reciproc, constituie un complement necesar, dar și un suport al puterii politice. Sub acest din urmă aspect, am putea afirma că autoritatea exprimă legitimitatea, care, de fapt, nu poate fi recunoscută în absența autorității. Această dualitate a principiului de funcționare a liderismului politic poartă implicit un caracter de apreciere a comportamentului liderului politic și are la bază un anumit sistem de valori și norme adoptat de societate. În funcție de acestea distingem între legitimitate / autoritate tradițională, rațională, charismatică, democratică, tehnocratică etc.

În mod normal, vom remarca, în încheiere, că nu poate exista o societate stabilă din punct de vedere politic, social sau economic în absența autorității recunoscute ca putere legitimă a liderului politic, a unei echipe de guvernare. După cum s-a demonstrat, forța și manipularea sunt insuficiente pentru menținerea legitimității unui lider / regim politic, dacă acesta este lipsit de autoritate – o rezultantă a faptelor puterii.

BIBLIOGRAFIA:

1. Birou A. Vocabulaire pratique des sciences sociales. – Paris: Editions Economie et Hummanism, 1966.
2. Chabot G. Introduction en politique. – Paris: PUF, 1991.
3. Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. – Paris: PUF, 1962.
4. Ferrero G. Pouvoir. Les genies invisibles de la Cite. - Paris, 1953
5. Fisichella D. Știința politică. - Chișinău: USM, 2000.

6. Laplanche G., Pontalis G. Vocabulaire de la psychanalyse. – Paris: PUF, 1967.
7. Moscovici S. Psihologia socială sau mașina de fabricat zei. – Iași: Polirom, 1997.
8. Moșneaga V. Partidele politice și parlamentul Moldovei: aspecte juridice ale interacțiunii. // Aspecte ale practicii parlamentare, relațiile dintre parlament și guvern (Republica Moldova). - Chișinău, 1997
9. Pareto V. Traité de sociologie generale. – Geneva - Paris: Droz, 1968
10. Portrete în mișcare. - Chișinău, 1996.
11. Relea M., Hariton T. Sociologia succesului. - București, 1962
12. Stoiciu A. Comunicarea politică. Cum se vând idei și oameni. – București: Humanitas, 2000.
13. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990.
14. Cătălin Z., Vlăsescu L. Dicționar de sociologie. – București: Editura Babel, 1998.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСК И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ
КАМПАНИЯ (на примере выборов депутатов
Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации 4-го созыва)¹⁶⁹**

Татьяна ТУРКО
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений,
политических и административных наук
кафедра политологии
доктор, доцент

Александр М. БОЛОТОВ
Россия, Москва
соискатель кафедры политологии,
факультет международных отношений,
политических и административных наук
Молдавский госуниверситет,
Республика Молдова, Кишинев

Переход к демократическим процедурам формирования органов власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия показал, что в результате выборов побеждают те общественно-политические формирования, которым в данный момент в наибольшей степени доверяет общество. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, состоявшиеся 7 декабря 2003 года, выявили те политические силы, которые возьмут на себя ответственность за будущее развитие страны. Выступая как основной субъект политической жизни, политическая элита играет решающую роль в формировании и практической реализации стоящих перед Россией задач.

В этой связи особое значение в общественной жизни России приобретает проблема политического риска, связанная с изменением политической обстановки, которая может привести к неблагоприятной или плохо контролируемой ситуации, политической и экономической нестабильности.¹⁷⁰

¹⁶⁹ Рецензент – доктор, доцент Пантелимон Варзару.

¹⁷⁰ См. Мобиус М. *Руководство для инвестора по развивающимся рынкам.* – Москва: Атон: АОЗТ «Гривна+», 1995, с.153

Возникает вопрос: кто и чем рискует? Чем рискует политическая элита, осуществляя власть в стране? Чем рискует электорат, приводя на выборах к власти те или иные политические силы? Чем рискуют инвесторы, вкладывая свои капиталы в российскую экономику?

Состоявшиеся в стране выборы привели к определенным изменениям политической ситуации в стране. Следовательно, изменился и уровень политического риска. Для того, чтобы оценить изменение данного показателя, необходимо, в первую очередь, проанализировать существующую политическую обстановку и оценить возможные варианты ее развития. В стабильно развивающихся странах такой анализ делать сравнительно легко, поскольку в них практически отсутствуют факторы (или их влияние крайне незначительно), которые могли бы привести к резкому обострению внутривнутриполитической обстановки, которое, в свою очередь, способствовало бы изменению «правил игры» со стороны официальных властей по отношению к инвесторам.

Российская Федерация относится к странам с так называемой «переходной экономикой». Отсутствие стабильности во внутривнутриполитической ситуации приводит к резкому повышению политических рисков. Особенно заметно это проявляется накануне и в период проведения избирательных кампаний, когда инвестиционные проекты с участием иностранного капитала «свертываются» или «замораживаются», а реализация новых откладывается «до лучших времен». Причем эта особенность наблюдается уже на протяжении, как минимум, двух-трех избирательных кампаний, что позволяет говорить о некоторой тенденции.

Необходимо отметить, что не только избирательная кампания по выборам высших органов власти влияет на уровень политического риска в стране, но и политический риск, в свою очередь, оказывает влияние на ход и результаты избирательной кампании. Причем в этом случае речь идет как о краткосрочных (портфельных) инвестициях, так о долгосрочных инвестиционных проектах в реальном секторе экономики.

Примечательным является факт, что 22 ноября 2003 года, за две недели до выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации международное рейтинговое агентство Moody's Investors Service повысило прогноз валютного рейтинга России со «стабильного» до «позитивного». На такое решение не повлияли ни действия российских официальных властей против руководителей одной из самых крупных нефтяных компаний России «ЮКОС», ни то обстоятельство, что в данном скандале были затронуты интересы иностранных инвесторов, имеющих свои вложения в «ЮКОСе».

Казалось бы, что такое решение всемирно известного рейтингового агентства должно было оживить фондовый рынок России, вызвать приток новых инвестиций. Однако этого не произошло, более того, отток капитала из России увеличился. Предполагается, что за 2003 год утечка составляет 9-12 млрд. долларов. Примерно столько российский бюджет тратит на содержание армии. Иностранцы инвесторы по-прежнему заняли выжидательные позиции и не изменили своему первоначальному намерению дождаться итогов выборов сначала нового состава Государственной Думы, а затем и президента России.

По мнению многих экспертов, политические риски в России по-прежнему являются самым серьезным препятствием на пути реализации инвестиционных проектов. При этом в качестве основных факторов возникновения политических рисков они называют неопределенность политического и экономического курса федеральной власти, несовершенство законодательной базы, недостаточную эффективность судебной системы, неустойчивость власти субъектов Федерации.¹⁷¹

Для оценки уровня политического риска необходимо проанализировать факторы, оказывающие как прямое, так и опосредованное влияние на итоговый уровень риска: оценка политической и социальной стабильности, состояние экономической сферы, отношение властей к иностранным инвестициям, вероятность вооруженных конфликтов.¹⁷²

Для того чтобы оценить влияние результатов избирательной кампании на изменение уровня политического риска, целесообразно проанализировать итоги выборов и новый расклад политических сил в стране.

Для участия в выборах Центральная избирательная комиссия зарегистрировала двадцать три политические партии и избирательных блока (приложение 1). Как полагали специалисты, реальные шансы преодолеть установленный законом пятипроцентный барьер имели пять политических формирований: «Единая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), Союз правых сил (СПС) и ЯБЛОКО. Отдельные эксперты полагали, что пятипроцентный барьер может преодолеть также

¹⁷¹См. *Расчет и минимизация политических рисков в России. Тезисы выступления А.П.Ситникова на научно-практической конференции «Паблик рилейнз как зеркало социально-экономических процессов в Восточной Европе» 10 октября 2002 года.* (http://image-contact.ru/122_1034617913.shtml)

¹⁷²См. *подробнее: Турбина К.Е. Инвестиционный процесс и страхование инвестиций от политических рисков. - Москва, 1995, с.51*

сформированный буквально накануне выборов народно-патриотический союз «Родина».

Результаты выборов стали несколько неожиданными для абсолютного большинства специалистов. Ни одна из правых партий (СПС и ЯБ-ЛОКО) не смогла набрать более пяти процентов голосов избирателей и, таким образом, «правые» в состав новой Государственной Думы не вошли.

Бесспорным лидером, как и ожидалось, стала политическая партия «Единая Россия», которую поддержал накануне выборов президент Российской Федерации В.Путин, и которая в итоге набрала 37,4% голосов избирателей. Второе место заняла КПРФ, которая, хотя и потеряла часть своего традиционного электората, тем не менее, смогла набрать 12,65% голосов избирателей. На третьем месте оказалась ЛДПР с 11,49% голосов. И, наконец, четвертое место занял избирательный блок «Родина» (народно-патриотический союз), набравший 9,04% голосов избирателей.

Как и предполагалось, пропрезидентские силы получили в Государственной Думе четвертого созыва большинство, и практически ничто уже не мешает главе государства проводить в дальнейшем ту политику, которая отвечала бы интересам большинства населения и страны в целом.

Возвращаясь к рассмотрению факторов риска, проанализируем состояние социальной, политической и экономической стабильности в стране. Если говорить о социальной стабильности, то необходимо отметить, что нынешняя избирательная кампания проходила на более «спокойном» социальном фоне, чем, например, кампания 1999 года. Финансовый кризис 1998 года уходит все дальше в прошлое. Но несмотря на это, социальные характеристики российского общества довольно низки. Увеличивается число бездомных детей и детей, не посещающих школу, растут наркомания и алкоголизм, с огромной скоростью распространяются туберкулез, госучреждения погрязли в коррупции. Ухудшается демографическая ситуация. За последние 10 лет рождаемость сократилась с 14,4 до 8,3 (на 1000 человек), а смертность за этот же период увеличилась с 11,2 до 14,7 (на 1000 человек). По состоянию здравоохранения Россия занимает 130-е место в мире. Увеличивается безработица, сегодня 8,7% экономически активного населения страны не имеет работы. Значительная часть населения России проживает за чертой бедности (по разным оценкам от 30 до 50%), что создает определенную социальную напряженность в обществе, негативное отношение к богатым, стремление к пересмотру итогов приватизации. Такие настроения в немалой степени повлияли на результаты выборов, показанные правыми партия-

ми. Тот факт, что СПС и «ЯБЛОКО» не смогли преодолеть пятипроцентного барьера, является не только следствием тактических просчетов руководства этих партий, но и отражает общественное мнение большинства общества относительно их идей.

Одним из важных слагаемых стабильности общества является развитие и поддержка среднего класса. По мере увеличения в обществе обеспеченных людей усиливается поддержка гражданами мероприятий правительства, направленных на обеспечение стабильности. Поэтому органы законодательной и исполнительной власти должны проводить политику содействия развитию малого и среднего бизнеса и увеличения числа лиц, являющихся собственниками недвижимости.

Вместе с тем растут доходы определенных категорий граждан, причем этот рост опережает темпы инфляции. Правительство регулярно индексирует пенсии, зарплаты бюджетников. Растет спрос населения на жилье, в том числе элитное, дорогостоящие товары. Так как на мировом рынке сохраняются высокие цены на нефть, следует ожидать, что в ближайшей перспективе правительство может удержать социальную ситуацию под контролем за счет направления части получаемой от продажи нефти валюты на социальные нужды, и возможно, оценка социальной стабильности будет развиваться в позитивном направлении.

Оценивая политическую стабильность, необходимо обратить внимание на такой фактор, как стабильность правительства. В отличие от «ельцинской» эпохи, когда правительство в России менялось довольно часто, и угроза его отставки была столь же велика, сколь и непредсказуема, за четыре года президентства В.В.Путина не было ни одной отставки исполнительного органа власти в полном составе. При этом, естественно, периодически осуществлялась ротация кадров в кабинете министров, но она не была болезненной и не оказывала заметного влияния на оценку данного фактора. Можно предположить, что после президентских выборов 2004 года в соответствии с законодательством будет сформирован новый кабинет министров, который будет исполнять свои обязанности достаточно продолжительное время.

Одним из показателей политической стабильности является деятельность оппозиции, как официальной, так и нелегальной. Официальная оппозиция в Российской Федерации в настоящее время представлена, прежде всего, Коммунистической партией, которая в ходе выборов не смогла сохранить своих позиций, и располагает 52 депутатскими мандатами. Какого-либо определяющего влияния на принятие стратегически важных решений в Государственной Думе фракция КППРФ не имеет. Более того, в силу целого ряда обстоятельств авторитет руководства

КПРФ в ходе избирательной кампании был в значительной степени подорван как среди рядовых коммунистов, так и среди поддерживающих партию избирателей. Этому способствовали и скандалы, связанные с финансовыми нарушениями в деятельности структур, обеспечивающих финансирование партии, и обвинения руководства КПРФ в принятии финансовой помощи от «опальных олигархов» (в частности, были преданы широкой огласке переговоры руководства компартии с Б.Березовским по вопросам финансирования КПРФ), и включение в федеральный список компартии целого ряда крупных бизнесменов, т.е. тех самых «олигархов», с которыми «по определению» должны бороться коммунисты.

Все это привело к снижению авторитета КПРФ в обществе в целом, а также серьезным проблемам внутри самой компартии, связанным с обоснованными обвинениями рядовыми коммунистами своих высших руководителей в «предательстве интересов партии». Поэтому вряд ли в перспективе КПРФ сможет серьезно влиять на развитие внутриполитической обстановки в стране.

Две другие парламентские фракции – ЛДПР и блок «Родина» - также, вероятнее всего, не будут занимать деструктивную позицию по отношению к правящему большинству. Достаточно заметить, что на протяжении последних четырех лет фракция ЛДПР всегда голосовала так, как «предписывалось» администрацией президента. Что же касается блока «Родина», то ни у кого нет сомнений в том, что он был создан «по согласованию» с кремлевской администрацией, за неделю до выборов лидер блока С.Глазьев был принят лично президентом России, поэтому вряд ли руководство блока захочет нарушать достигнутые договоренности. Характер этих договоренностей, вероятнее всего, проявится уже в ближайшем будущем.

«Правая» оппозиция, потерпевшая на выборах сокрушительное поражение, занята в настоящее время процессом консолидации всех своих сторонников «под одними знаменами» и какой-либо серьезной конкуренции официальным властям составить не может.

Что касается нелегальной оппозиции, очевидно, что каких-либо деструктивных сил, которые могли бы оказывать серьезное влияние на развитие внутриполитической ситуации в стране, на сегодняшний день не отмечено. Избирательная кампания практически никак не повлияла на изменение оценки этого фактора. Последствия небольшого скандала, связанного с тем фактом, что в списках кандидатов в депутаты Государственной Думы, поданных избирательным блоком «Родина», фигурировали представители «Русского национального единства» (общественно-

политической организации, исповедующей крайне выраженный национализм), были вовремя локализованы. Поэтому в целом оценка данного фактора в настоящее время имеет конструктивную динамику.

Оценивая экономические факторы риска, необходимо обратить внимание на такой показатель, как отношение властей к зарубежным инвестициям. Можно предположить, что в результате выборов нового состава Государственной Думы этот показатель существенных изменений претерпеть не должен, и официальные власти продолжают курс на создание условий для привлечения в экономику иностранных инвестиций. Основанием для такого вывода служит хотя бы тот факт, что ни одна из политических партий в ходе избирательной кампании не выдвигала лозунгов свертывания экономических проектов с участием иностранного капитала или создания таких условий, которые явились бы дополнительным препятствием для поступления в Россию иностранных инвестиций.

Одним из наиболее значимых факторов для иностранных инвесторов является риск национализации без полной компенсации. Вкладывая деньги в экономику другого государства, инвестор хотел бы быть уверенным, что ему не угрожает национализация или какая-либо другая опасность, и что прибыль, которую он будет извлекать, может быть вывезена за пределы этой страны. По этим позициям практически все политические партии, принявшие участие в выборах, были практически единодушны, выступая за гарантии прав собственности. Более того, в связи со скандалом вокруг «ЮКОСа» и заявлениями ряда иностранных представителей, пытавшихся придать этому делу политическую окраску, и таким образом «сыграть» на повышение уровня политического риска в России, президент России В.В.Путин однозначно заявил, что пересмотра итогов приватизации в Российской Федерации не будет. Тем самым он стремился успокоить иностранных инвесторов и сгладить негативные последствия действий прокуратуры против М.Ходорковского.

Однако в то же время российский президент отмечал, что не исключает привлечения к ответственности отдельных предпринимателей, которые грубо нарушали существовавшие законы и именно благодаря этим нарушениям смогли «сколотить» свои состояния. Поэтому, если вслед за «ЮКОСом» преследованию подвергнется какая-либо другая крупная компания, избежать роста уровня политического риска вряд ли удастся.

Еще одним очень значимым фактором для иностранных инвесторов является отношение местной бюрократии. В переходный период, когда отсутствует законодательная база, призванная регулировать эко-

номические отношения на новой основе, роль чиновников значительно возрастает, и они нередко пытаются подменить законы своими волюнтаристскими решениями. На фоне предвыборной кампании параллельно с борьбой за депутатские мандаты ведется борьба и за будущие «правила игры» на экономическом «поле» страны. В ходе этой борьбы чиновники различного уровня пытаются сохранить и упрочить свои позиции, в то время как инвесторы и лица, заинтересованные в привлечении инвестиций, стремятся изменить правила в сторону цивилизованных отношений, поддерживая те силы, которые, по их мнению, способны реально повлиять на улучшение общего инвестиционного климата в государстве. Ситуация осложняется тем, что до сих пор не приняты законы, которые гарантировали бы неприкосновенность и защиту вложенных инвесторами средств, а попытки инициировать принятие таких законов неминуемо наталкивается на серьезное сопротивление бюрократии, которая видит в этих попытках угрозу своему благополучию, полностью основанному на использовании административного потенциала.

Подобное положение наблюдается не только на федеральном уровне, но и на уровне регионов. Отсутствие необходимой законодательной базы нередко приводит к тому, что при смене региональной власти новое руководство отказывается от договоренностей и обязательств в отношении инвесторов, которые были приняты на себя предыдущей администрацией региона. Все это ведет к подрыву доверия инвесторов к региональным элитам и, как следствие, к невысокому уровню инвестиций в регионы Российской Федерации. Изменить положение могли бы законодательные инициативы нового состава Государственной Думы в области инвестиционной политики.

Оценка такого фактора, как вмешательство правительства в экономику находится на достаточно высоком уровне. Это обусловлено как несовершенством законодательной базы, так и стремлением бюрократии и сложившихся «кланов», которые находятся вокруг федеральных органов власти, контролировать основные финансовые потоки. Положительным моментом при этом является то, что, по мнению экспертов, в настоящее время не наблюдается отрицательной динамики в развитии этого фактора. Однако в результате выборов ситуация может измениться. Прошедшие в Государственную Думу политические формирования могут попытаться вынудить правительство изменить сложившуюся систему в свою пользу. Кроме того, после президентских выборов (март 2004 года) в соответствии с законом правительство уйдет в отставку и пока трудно прогнозировать, каким будет его новый состав и как правитель-

ство поведет себя по отношению к инвесторам и реальному сектору экономики в целом.

С предыдущим тесно связан фактор присутствия государственной собственности в экономике. Не является секретом, что в течение предшествующих выборам полутора-двух лет процесс приватизации в Российской Федерации значительно замедлился. С одной стороны, это было обусловлено тем, что основные наиболее ликвидные предприятия были приватизированы ранее, с другой – усилилось противодействие попыткам властей начать приватизацию основных монополий – в энергетике, на железнодорожном транспорте, в жилищно-коммунальном секторе. В настоящее время большинство экономистов признают, что без создания рынка энергетических ресурсов, основанного на здоровой конкуренции, не произойдет серьезных позитивных изменений в других отраслях экономики, которые тесно связаны с энергетикой. Следовательно, энергетический сектор как никакой другой нуждается в реорганизации на основе требований сегодняшнего дня. От того, насколько энергично будет решать эту задачу новый состав Государственной Думы, во многом будет зависеть рост экономики России в целом и притока в страну инвестиций, а значит и оценка данного фактора в общей структуре политического риска.

Оценка фактора «вероятность вооруженных конфликтов» является актуальной для Российской Федерации, так как в Чечне продолжается контртеррористическая операция против незаконных вооруженных формирований. И хотя за прошедший год были достигнуты определенные успехи как в уничтожении бандформирований, так и в налаживании мирной жизни в этом регионе России, обстановка продолжает оставаться достаточно сложной. По официальным данным, только в 2003 году на территории Чеченской республики было совершено 543 террористических акта – нападения на федеральные войска, диверсии на железной дороге, взрывы административных зданий, убийства граждан, сотрудничающих с федеральными властями. Все это значительно повышает уровень политического риска в республике и прилегающих регионах, делает их непривлекательными для инвесторов. Улучшение оценки этого фактора будет во многом зависеть от намерений нового состава высшего законодательного органа России и исполнительной власти продолжать курс на нормализацию обстановки в Чечне. Только в этом случае можно будет вести речь о повышении привлекательности южных регионов России для потенциальных инвесторов.

Как следует из вышеизложенного, избирательная кампания влияет на оценку целого ряда внутривнутриполитических факторов риска, повышая

или понижая ее как в ходе избирательной кампании, так и после ее завершения и прихода к власти новых политических сил. Анализ предвыборной обстановки позволяет с определенной степенью достоверности предсказать исход борьбы за депутатские мандаты между различными политическими силами. А изучение программных документов этих политических формирований дает основания предположить, как они намерены решать актуальные проблемы в будущем.

Вместе с тем существует и обратная связь между оценкой отдельных внутривнутриполитических факторов риска и ходом избирательной кампании, успехом тех или иных политических сил в процессе выборов в высшие законодательные органы власти. Действительно, при высокой оценке определенных факторов возрастает вероятность прихода к власти оппозиционных сил, которые широко используют в своей пропагандистской деятельности популистские лозунги, основанные не на точных расчетах и учете реальных возможностей экономики страны, а на стремлении заполучить голоса тех избирателей, которые не могут или не хотят подвергать анализу существующие реальности и надеются лишь на «чудо» в лице «хорошего руководителя». Во многом именно этим объясняется так называемый «феномен Жириновского», который стабильно на протяжении четырех избирательных кампаний набирает «свой» процент голосов избирателей. Причем голосуют за него не только малообразованные слои населения, которым близок и понятен его «образ», но и люди, имеющие высшее образование, но в силу сложившихся обстоятельств не нашедшие себя в новых экономических условиях и уповающие лишь на то, что популистские лозунги каким-то чудесным образом вдруг станут реальностью.

Таким образом, избирательная кампания в высшие органы государственной власти, особенно если речь идет при этом о стране с «переходной экономикой», оказывает серьезное влияние на формирование уровня политического риска. Независимо от предварительных прогнозов инвестиционная деятельность в этот период затухает и вновь оживает лишь после объявления официальных результатов и формирования новой конфигурации политического поля государства. Такая «цикличность», вероятнее всего, будет существовать до тех пор, пока не будет сформирована прочная законодательная база, регулирующая инвестиционную деятельность, и инвесторы не получат достаточные подтверждения тому, что независимо от итогов голосования «правила игры» государства в отношении инвесторов будут оставаться неизменными и определяться только буквой закона.

Приложение. Итоги выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по федеральным спискам 7 декабря 2003 года

<i>наименование политической партии или избирательного блока</i>	<i>количество голосов (%)</i>
«Единение»	1,19
«Союз правых сил»	3,97
«Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости»	3,14
«Российская демократическая партия «ЯБЛОКО»	4,32
«За Русь святую»	0,5
«Объединенная Российская партия «Русь»	0,25
«Новый курс – Автомобильная Россия»	0,85
«Народно-республиканская партия России»	0,13
«Российская экологическая партия «Зеленые»	0,42
«Аграрная партия России»	3,7
«Истинные патриоты России»	0,21
«Народная партия Российской Федерации»	1,18
«Демократическая партия России»	0,23
«Великая Россия – Евразийский Союз»	0,28
«Партия СЛОН»	0,18
«Родина» (народно-патриотический союз)»	9,04
«Партия Мира и Единства»	0,25
«Либерально-демократическая партия России»	11,49
«Партия Возрождения России – Российская партия Жизни»	1,91
«Политическая партия «Единая Россия»	37,4
«Российская Конституционно-демократическая партия»	0,19
«Развитие предпринимательства»	0,36
«Коммунистическая партия Российской Федерации»	12,65
Против всех	4,72

**COMPARTIMENTUL IV.
RELAȚIILE INTERNAȚIONALE.**

**EVOLUȚIA RELAȚIILOR REPUBLICII MOLDOVA CU
UNIUNEA EUROPEANĂ PRIN PRISMA INTERESULUI
NAȚIONAL¹⁷³**

Svetlana CEBOTARI
Republica Moldova, Chișinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea relații internaționale,
științe politice și administrative
Catedra Limbi moderne aplicate,
lector, MA

Victor SACA
Republica Moldova, Chișinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea relații internaționale,
științe politice și administrative
Catedra politologie
doctor-habilitat, conferențiar

Odată cu dispariția barierelor care au existat în perioada războiului rece în Europa, cât și în rezultatul prăbușirii sistemului socialist și a apariției unor metamorfoze politice și economice, extinderea Uniunii Europene (UE) spre Est este un factor important pentru noua ordine în Europa. În rezultatul desființării Tratatului de la Varșovia și a Consiliului de Ajutor Economic Reciproc (CAER), în statele Europei de Est au loc transformări interne radicale și sunt formulate noi orientări în politica lor externă, fapt ce duce la o schimbare bruscă a mapamondului. De la demararea acestor procese Uniunea Europeană semnează primele acorduri cu Polonia, Ungaria, Cehoslovacia, iar anul 1993 este caracterizat prin semnarea convențiilor cu România, Bulgaria, Cehia și Slovacia, precum și cu cele trei state Baltice (1995) și Slovenia (1996). Uniunea Europeană cîștigă teren nu numai prin numărul ascendent de state (pe parcursul a jumătate de secol de existență a Uniunii Europene, numărul de state participante crește de la 6 la 15 state și încă 13 state s-au pronunțat

¹⁷³ *Recenzent – doctor, conferențiar Pantelimon Varzaru*

pentru aderarea la această organizație)¹⁷⁴, ci și prin dimensiunile conceptuale ale politicii ei spre Est. Consiliul European a subliniat faptul că țările candidate ar trebui să accepte valorile și scopurile UE preconizate în convenții și că problemele cu privire la frontiere și la alte chestiuni adiacente, urmează a fi soluționate pînă la aderare, iar premisa fundamentală a aderării la UE este realizarea criteriilor Convenției de la Copenhaga. Condițiile de admitere în organizație sunt clasificate în trei categorii distincte: în primul rînd, țările candidate trebuie să garanteze protecția minorităților și să dispună de o structură instituțională stabilă, altfel zis, care să corespundă unui stat de drept cu orînduire democratică; în al doilea rînd, aceste state trebuie să dispună de o piață economică liberă, viabilă și să poată face față concurenței din interiorul Uniunii; în al treilea rînd, statele candidate trebuie să preia angajamentele care derivă din statutul de membru al UE, în forma unor contracte complete și a unor acte juridice valabile, adică să implementeze Acquis Communautaire. Criteriile aderării au devenit în același timp principii directe ale transformărilor din interiorul statului².

Trecerea de la sistemul în care domină un singur partid la democrația parlamentară, de la economia planificată la economia de piață, precum și consolidarea societății civile sunt schimbările ce vorbesc de o avansare în direcția aderării la UE. Calitatea atractivă de membru al UE contribuie la prevenirea și soluționarea unor conflicte interne, în special cu minoritățile naționale, la stabilitatea și securitatea Europei³.

În ce privește aderarea la UE a altor state, cum ar fi fostele republici ale URSS-ului, perspectivele de aderare imediată nu se preconizează, cu toate că statele-membre ale UE nu exclud aderarea acestora (Ucraina, Moldova) într-un viitor îndepărtat și doar dacă în interiorul acestora se vor crea condiții cu adevărat democratice, se vor implementa reforme noi în economie⁴.

¹⁷⁴ A se vedea: Kempe I. *Consecințele extinderii Uniunii Europene asupra Republicii Moldova*. // *Moldova între Est și Vest (identitatea națională și orientarea europeană)*. Al II-lea simpozion științific moldo-german. – Chișinău: „CAPTES”, 2001, p.96-97.

² A se vedea: Разумнова Л., Балтенкова О. *Расширение Европейского Союза: "Северное измерение"*. // *Мировая Экономика и Международные Отношения* N12, 2000, с.84.

³ A se vedea: *Moldova între Est și Vest*, p.97-98

⁴ A se vedea: Уайт С., Лайт М., Лоуэнхар Дж. *Белорусия, Молдавия, Украина: к востоку или западу*. // *Мировая Экономика и Международные Отношения*, N7, 2001, с.59; Зуева К. *Новые концепции европейской интеграции*. // *Мировая Экономика и Международные Отношения*, N11, 1995, с.95.

Perspectiva integrării europene a devenit ademenitoare pentru multe state noi, independente, care s-au format pe teritoriul european a fostei URSS. Unul din aceste state este și Republica Moldova. În rezultatul obținerii independenței (august 1991), Republica Moldova a trebuit să ia decizii și hotărâri importante și strategice atât în domeniul politicii interne, cât și a celei externe.

Condițiile istorice din a doua jumătate a anilor '90 au condiționat noi necesități și interese în domeniul relațiilor politice naționale. Interesul național al statului se află într-un proces anevoios de devenire, în căutarea propriei identități fiind măcinat de consecințele grave ale raporturilor conflictuale dintre actorii de diferite orientări social-politice⁵.

Orientările Moldovei independente deseori se schimbă în funcție de perindarea liderilor și guvernelor, care pe parcursul ultimului deceniu al sec. XX au inclus în programele lor de activitate, la capitolul politică externă anumite obiective de cooperare și apropiere europeană. Implicarea în activitatea integrațională a partidelor politice, considerate purtătoare de valori, a căror opoziție, identitate ori convergență determină succesul ori insuccesul ideologiei transnaționale, va fi un factor nou în politica națională. Astfel forțele de dreapta militează prioritar pentru eficientizarea relațiilor cu țările Europei Centrale și de Vest și respectiv, pentru integrarea Republicii Moldova în structurile europene.

În șirul partidelor proeuropene se include așa formațiuni ca Partidul Popular Creștin Democrat (PPCD), Partidul Liberal (PL), Partidul Social-Liberal (PSL), Alianța Independenților. Invers, forțele de stînga concep interesul național al țării prin intensificarea legăturilor cu CSI, prin aderarea Moldovei la Comunitatea Economică și Euro-Asiatică, și chiar la comunitatea Rusia-Belorusi, din cauza dependenței țării de piețele și rețelele energetice ruse, cât și din cauza manifestării micului interes din partea occidentului față de noul stat aflat la periferiile Europei. În această ordine de idei este interesantă poziția adoptată de Partidul Comuniștilor, formațiunea de guvernămînt la moment.

În septembrie 2002 a fost lansată inițiativa de creare a unei structuri menită să coordoneze activitățile în domeniul integrării europene, să creeze o comisie națională de integrare europeană și un grup de lucru interministerial pentru elaborarea conceptului național al Strategiei aderării Republicii Moldova la UE. Forțele politice moderate, care împărtășesc valorile centrismului, se orientează atât spre Vest, cât și spre Est, pronunțîndu-se corespunzător pen-

⁵ *A se vedea: Saca V. Interese politice și relații politice: dimensiuni tranzitorii. – Chișinău: USM, 2001, p.43; Saca V. Interesul național în condițiile transformărilor democratice: semnificații și paradoxuri. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIX. – Chișinău: USM, 2002, p.90.*

tru relații pragmatice cu toate țările. Din grupul partidelor “indecise” face parte Alianța Social-Democrată din Moldova⁶.

În linii mari interesul partidului din societatea postcomunistă nu corespunde corelativului “interes-ideie”, când interesul se “reazămă neapărat pe ideie” pe o idee nouă și puternică, care pînă la sfîrșit se realizează, vine să creeze noi forme de viață, stăpînește toate spiritele și pune în mișcare toate voințele.

Aceasta o dovedesc construcțiile ideologico-partinice, programele de diferite orientări. Chemate a fi în fapt ideologii coerente, majoritatea programelor politice, după conținut nu conferă individualitate partidelor existente (multe din ele sînt asemănătoare), nu se conformează exigențelor criterial-ontologice, epistemice, axiologice, praxiologice ale doctrinei de partid. Ele se construiesc și se formează în baza multiformității doctrinare, a subestimării factorului obiectiv, științific, valoric opțional, ceea ce conduce la situații confuze în practica relațional-politică de putere. De exemplu, politicile de stînga promovate de către cei de dreapta și invers, politicile de dreapta în arsenalul celor de stînga sau vibrațiile permanente ale centriștilor sau spre dreapta sau spre stînga⁷.

Analiza programelor de activitate ale tuturor guvernelor, care sau perindat la guvernarea statului pe parcursul a mai bine de un deceniu, ne permite o mai bună comprehensiune a evoluției interesului național, racordat la problema integrării europene. În lumea contemporană integrarea reprezintă unul din factorii primordialii a relațiilor internaționale. La începutul secolului XXI lumea trece printr-o multitudine de procese integraționiste care au loc atît în interiorul statelor, cît și în exteriorul acestora. Are loc apariția noilor grupări integraționiste, diversificarea formelor lor organizaționale, evoluția de la modelele simpliste spre altele mai complexe. Drept rezultat, procesele integraționiste au cuprins practic toate regiunile și statele, contribuind astfel la formarea noilor “matrice” internaționale. Diversitatea paradigmatelor integraționiste, permite practic tuturor statelor, indiferent de poziția lor pe arena interna-

⁶ *A se vedea: Cojocaru Gh. Politica externă a Republicii Moldova. - Chișinău: „Civitas”, 2001, p.199; Saca V. Interesul național în condițiile transformății democratice: semnificații și paradoxuri. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIX. – Chișinău: USM, 2002, p.90; Bucătaru I. Retorica proeuropeană în contextul activității partidelor politice din Republica Moldova. // Unificarea Europeană. Filosofie. Politică. Mentalitate. (Materialele conferinței Internaționale) – Chișinău, 2003, p.20-21.*

⁷ *A se vedea: Saca V. Interese politice și relații politice: dimensiuni tranzitorii. – Chișinău: USM, 2001, p.245*

țională, de potențialul și nivelul de dezvoltare, să-și găsească locul în contextul acestor procese.

Astfel, noțiunea “a integra” semnifică a se include, a se îngloba, a se încorpora, a se armoniza într-un tot. Din punct de vedere etimologic (lat – integratio), prin integrare înțelegem deci, acțiunea de formare a unui întreg, prin unirea părților componente. În același context, K.Deutsch definește integrarea drept existența unor așteptări stabilite dintre state în sensul că disputele mutuale vor fi rezolvate pașnic. În acest sens, integrarea este atât condiția, cât și procesul atingerii acestui țel pentru elaborarea și implementarea unor decizii comune. La nivel internațional acest termen poate fi racordat oricărui grup de state care au interese comune⁸.

În cazul Moldovei primul program de guvernare, disponibil pentru analiză, este cel al Guvernului Sangheli (în programele guvernelor anterioare Druc și Muravschi practic nu este abordată tematica integrării europene). Programul de activitate pentru anii 1994-1997 din 23 iunie 1994 acorda tematicii integrării europene doar o singură propoziție, Uniunea Europeană fiind plasată în ordinea priorităților politicii externe a Republicii Moldova alături de CSI. De asemenea se simte o echivalare a acestei instituții cu alte organisme internaționale cum ar fi Organizația Națiunilor Unite (ONU) și organismele ei specializate cu CSCE, Consiliul de Cooperare Nord-Atlantic. În viziunea guvernaților de atunci, UE nu prezintă importanță pentru asigurarea intereselor naționale⁹.

Situația devine tot mai genantă pentru Republica Moldova, în condițiile în care majoritatea statelor din Europa Centrală și de Est, își redefinesc către începutul anului 1993 noul cadru politico-juridic al relațiilor contractuale cu UE. Diametral opus programului de activitate al Guvernului Republicii Moldova, este mesajul din 1 noiembrie 1993 al d-lui M.Snegur, președintele Republicii Moldova adresat d-lui Jacques Delors, președinte a Comisiei Europene. În această scrisoare, președintele țării constată cu regret că Republica Moldova a rămas unica țară din spațiul central european ale cărei relații cu UE n-au depășit măcar faza incipientă a creării cadrului politico-juridic.

În acest context, președintele Republicii Moldova solicită concursul lui Delors în vederea demarării neîntârziată a negocierilor privind semnarea unui accord de Parteneriat și Cooperare cu Uniunea Europeană. În viziunea Domniei sale, semnarea acestui acord, ar însemna un pas real în direcția integrării europene. Interesul manifestat de către conducerea de la Chișinău pentru Uni-

⁸ A se vedea: Jack C., Plano R.E., Riggs S.R. *Dicționar de analiză politică*. – București: ECCE HOMO, 1993, p.87; 39;

⁹ A se vedea: *Moldova și Integrarea Europeană*. Institutul de Politici Publice. – Chișinău. ”Prut Internațional”, 2001, p.11-12.

unea Europeană este manifestat prin scrisoarea din 28 ianuarie 1994 a d-lui M.Snegur, adresată concomitent domnilor Teodoros Pangalos, Președintele în exercițiu al Consiliului MAE și Jacques Santer, Președintele Comisiei Europene. De asemenea problematica relațiilor contractuale a fost abordată și de către A.Sangheli, prim-ministru al Republicii Moldova în timpul discuțiilor sale cu comisarii europeni Leon Brittan și Hans Van den Broek, în cadrul vizitei de la Bruxelles din noiembrie 1993. Atunci s-au examinat perspectivele acordării de asistență Republicii Moldova în realizarea reformelor și încheierii acordurilor de cooperare în diverse domenii. Fiind printre cele mai tinere state din lume, Moldova este cointerată în intensificarea legăturilor externe.

Începutul anului 1994 este marcat de activizarea relațiilor și a interesului național manifestat de către Republica Moldova față de Uniune. Dialogul politic este impulsivat vizibil, ca urmare a acreditării la 28 ianuarie 1994, a d-lui M.Popov, în calitate de Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar în Regatul Belgiei, și de Șef al Misiunii Republicii Moldova pe lângă Uniunea Europeană. În același timp se observă și interesul manifestat din partea UE pentru Moldova. Vizita delegației Comisiei Europene, în frunte cu Fokion Fotiadis la Chișinău în vederea unor negocieri, care aveau drept scop determinarea disponibilității autorităților moldovenești de a promova reformele politice și economice în vederea edificării statului de drept și instaurării principiilor de piață, înviorează relațiile dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană¹⁰.

Într-o formă confuză, problema interesului național cu privire la integrarea europeană figurează în documentul central "Concepția politicii externe a Republicii Moldova" (direcții principale de activitate) adoptat prin Hotărârea Parlamentului Republicii Moldova din 8 februarie 1995. Elaborat în baza principiilor și standardelor europene, "documentul" abordează cursul de politică externă din perspectiva locului Republicii Moldova în cadrul comunității internaționale.

Ținând cont de ponderea statelor occidentale dezvoltate în economia mondială, în special de cea a țărilor din grupul celor șapte, și de rolul pe care îl joacă aceste țări în relațiile internaționale în menținerea păcii și securității în lume, Republica Moldova acordă o atenție sporită dezvoltării relațiilor de parteneriat și cooperare pe multiple planuri cu Franța, Germania, Marea Britanie. De asemenea, datorită poziției sale geografice, Moldova intenționează să-și extindă și să-și aprofundeze relațiile cu țările Europei Centrale și de Vest, în scopul consolidării păcii, stabilității și securității pe continent. Grație sprijinului acordat și al interesului manifestat din partea acestor state pentru Re-

¹⁰ *Ibidem*, p. 39-40.

publica Moldova, aceasta intenționa să promoveze reforme social-economice, să consolideze independența sa și să se integreze în structurile europene¹¹.

Desfășurarea primelor alegeri generale pe bază de pluripartidism, în conformitate cu principiile democratice, precum și a angajamentului luat de guvern de a continua cursul reformelor economice, al democratizării și de a soluționa pe cale pașnică conflictul transnistrean, au determinat UE să demareze la 21 aprilie 1994 negocierile oficiale asupra Acordului de Parteneriat și Cooperare (APC). Deoarece acordul urma să parcurgă o lungă perioadă de ratificare de către statele membre, delegațiile au convenit asupra semnării simultane a unui Acord Interimar (21 decembrie 1995, dar a intrat în vigoare la 1 mai 1996) privind comerțul, care ar permite ambelor părți să aplice prevederile Acordului de Parteneriat și Cooperare, și să se evite crearea unui eventual vid legislativ în reglementarea relațiilor economico-comerciale dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană. De asemenea, un pas important al Moldovei a fost aderarea la 13 iulie 1995 la Consiliul Europei, fiind acceptată cu succesele și neîmplinirile ei, pentru încurajarea și facilitarea în direcțiile esențiale ale edificării statului democratic și a modelului socio-economic european. Republicii Moldova îi revinea sarcina de a nu-și slăbi efortul de înfăptuire a reformelor democratice și alinierea reală la țările familiei democrațiilor autentice Consiliului Europei¹².

Spre deosebire de Guvernul precedent și spre deosebire de documentul cu privire la concepția politicii externe, Guvernul Ciubuc I, în programul său pentru perioada ianuarie 1997 - martie 1998, nu face nici o referință la Uniunea Europeană, doar unele pasaje ne permit să presupunem că e vorba de UE.

Paralel cu interesul național al Republicii Moldova manifestat pentru extinderea relațiilor economice în cadrul Comunității Statelor Independente, se preconiza menținerea relațiilor cu Uniunea Economică a Bazinului Mării Negre, Inițiativa Central-Europeană, Inițiativa de Cooperare și Dezvoltare Economică, Organizația Mondială de Comerț, agențiile și instituțiile specializate ale ONU, cooperare în bazinul Dunării. De asemenea programul prevedea dinamizarea prezenței Republicii Moldova în viața spirituală a Comunității Internaționale, intensificarea contactelor cu UNESCO, Uniunea Latină și Mișcarea Francofonă¹³.

¹¹ A se vedea: *Concepția politicii externe a Republicii Moldova (direcții principale de activitate) din 8 februarie 1995. N368-III. // Monitorul Oficial, N4, martie 1995.*

¹² A se vedea: *Garaz M. Integrarea Republicii Moldova în familia democrațiilor europene. // Moldova și Lumea, N4, 2001, p.5.*

¹³ A se vedea: *Moldova și integrarea Europeană, p.14; Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova pentru perioada ianuarie*

Venind în contradicție cu programul de activitate, autoritățile de la Chișinău adresează Uniunii mesaje care exprimă dorința statului de a obține statutul de membru asociat către anul 2002 și solicită semnarea Acordului de Asociere la UE. Derularea dialogului politic a scos în evidență nuanțarea discursului proeuropean al autorităților chișinăuene în vederea integrării graduale a Moldovei în UE. În acest sens merită atenție mesajul din 13 decembrie 1996 al d-lui P.Lucinschi, președintele Republicii Moldova, adresat d-lui Jacques Santer, președintele Comisiei Europene, în care, pentru prima dată a fost exprimată oficial ideea asocierii Republicii Moldova la Uniunea Europeană către anul 2000.

În condiții absolut noi, ca rezultat al alegerilor din martie 1998, guvernul Ciubuc II, pentru prima dată în programul său de activitate pentru anii 1998-2001 manifestă interes pentru UE. Integrarea țării în Uniunea Europeană devine unul din obiectivele strategice ale politicii externe a Republicii Moldova. Această orientare era determinată de factorii obiectivi ai edificării unui stat democratic și prosper, bazat pe economia de piață și angajarea în Spațiul European de Securitate și Stabilitate¹⁴.

Se observă o turnură radicală a interesului național vis-à-vis de politica externă a Republicii Moldova, se schimbă accentele, inclusiv în cadrul relațiilor Moldova-CSI, acordându-se prioritate relațiilor bilaterale între țările membre a CSI.

Intrarea în vigoare la 1 iulie 1998 a Acordului de Parteneriat și Cooperare (APC) a permis Republicii Moldova să-și extindă aria relațiilor cu UE. APC vine să consacre Republica Moldova în calitate de partener direct al Uniunii Europene. Obiectivele acestui parteneriat sunt:

- asigurarea unui cadru corespunzător dialogului politic între părți, care ar permite dezvoltarea unor relații politice mai eficiente;
- promovarea comerțului și investițiilor, precum și a relațiilor economice armonioase între părți pentru a încuraja astfel dezvoltarea lor economică durabilă;
- asigurarea bazei pentru colaborarea în domeniul legislativ, economic, social, financiar și cultural;

1997 - martie 1998. N.30 din 5 februarie 1997. // Monitorul Oficial, N13-14 din 27 februarie 1997.

¹⁴ A se vedea: Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova pentru anii 1998-2001. N523 din 4 iunie 1998. // Monitorul Oficial, N54-55 din 18 iunie 1998.

¹⁵ A se vedea: *Tratate internaționale la care Republica Moldova este parte.* – Chișinău: Moldpres, 1999, V.10, art.1, p.130.

➤ susținerea eforturilor Republicii Moldova de consolidare a democrației, de dezvoltare a economiei și de finalizare a tranziției sale la economia de piață¹⁵.

Însă examinând cu atenție acest document, se poate afirma că el nu conține o finalitate clară a acestor raporturi, accentul fiind pus doar pe dimensiunea de cooperare, și nu pe cea de integrare progresivă a Republicii Moldova în Uniunea Europeană. Însă cu toate acestea, intrarea în vigoare a APC, a permis extinderea pe teritoriul Moldovei a programului Asistență Tehnică Noilor State Independente (TACIS), și PHARE, care sunt unele din principalele instrumente create de către UE în vederea dezvoltării unor relații strânse economice și politice cu Noile State Independente. Aceste programe vor contribui la armonizarea legislației, standardelor, transportului, la dezvoltarea sectorului privat, a micilor întreprinderi, a resurselor umane.

De asemenea vor promova cooperarea industrială, vamală, socială, în domeniile educației și instruirii profesionale. Implementarea acestor programe în viața social-politică a țării a dus la aderarea Republicii Moldova la Organizația Mondială a Comerțului. La 8 mai 2001 ea devine cel de-al 142-lea membru. În acest context Moldova a avansat mult la liberalizarea comerțului, investițiilor străine. Totuși, racordarea legislației moldave la standardele europene se află încă în faza incipientă¹⁶.

Un pas important în sensul statornicirii relațiilor Republicii Moldova cu structurile europene, a fost crearea, în ianuarie 1998 a Direcției „Integrare Europeană” în cadrul Ministerului Afacerilor Externe, prin ordinul ex-ministrului N.Tăbăcaru¹⁷.

Un alt eveniment realizat în scopul ameliorării relațiilor dintre Uniune și Republica Moldova a fost acceptarea acesteia din urmă la 28 iunie 2001 în calitate de membru cu drepturi depline la Pactul de Stabilitate pentru Europa de Sud-Est. Interesul Republicii Moldova față de Pactul de Stabilitate este determinat, în primul rând, de avantajele pe care acesta le oferă în scopul soluționării problemelor stringente cu care se confruntă Moldova, dar mai cu seamă, de perspectiva clară de integrare în Uniunea Europeană, pe care el o deschide țărilor din Europa de Sud-Est.

Evoluția politicii externe, în special a interesului politic național a culminat odată cu formarea Guvernului Sturza, constituind baza unui nou „algoritm

¹⁵ A se vedea: *Tratate internaționale la care Republica Moldova este parte.* – Chișinău: Moldpres, 1999, V.10, art.1, p.130.

¹⁶ A se vedea: *Moldova și Integrarea Europeană*, p.57; Бутучану Б. Молдова вступила в ВТО. // *Moldova și Lumea*, 2000, N3, p.4.

¹⁷ A se vedea: Poloz V., Buga O. *Particularitățile regionale de dezvoltare economică a Republicii Moldova.* – Chișinău: Universitatea de Stat din Tiraspol, 1999, p.50.

politic” proeuropean. Programul de activitate pentru anii 1999-2002 este canalizat spre o singură direcție - integrarea europeană. Integrarea țării în UE devine obiectivul strategic al politicii externe a Republicii Moldova. În scopul realizării acestui obiectiv, Guvernul își propunea să elaboreze și să realizeze strategia națională de integrare în UE, să implementeze cu strictețe prevederile Acordului de Parteneriat și Cooperare. Un alt obiectiv major era intensificarea demersurilor politico-diplomatice în favoarea demarării negocierilor privind asocierea Republicii Moldova la UE, încheierea unui Acord de Liber Schimb între Republica Moldova și Uniunea Europeană și obținerea din partea UE a unui regim de vize, favorabil pentru cetățenii Republicii Moldova. În scopul promovării unei politici guvernamentale coerente de integrare în UE, Republica Moldova își propunea să urmeze cu strictețe ca angajamentele asumate pe plan extern să nu contravină exigențelor UE pentru țările aspirante la integrare¹⁸.

Programul instituției executive trasa o serie de repere și în domeniul cooperării multilaterale. Republica Moldova intenționa să imprime un conținut concret participării sale la activitățile ONU, OSCE și ale Consiliului Europei, tinzând să devină prin participarea la operațiunile de menținere a păcii, desfășurate sub egida ONU, și prin cooperare la programul „Parteneriatul pentru Pace” patronat de Alianța Nord-Atlantică nu un „consumator”, ci un „furnizor de securitate”. În același timp guvernul Sturza își propunea să diversifice relațiile economico-comerciale în cadrul CSI, punând accentul pe aspectul bilateral al acestor raporturi. Relațiile cu CSI rămăneau un domeniu important de activitate, dar nu mai erau o prioritate absolută a politicii externe. Cursul politicii externe care tindea să rupă cu schemele anchilozate ale „concepției” din 1995, urma să fie validat prin acțiuni și realizări concrete, pentru a nu rămâne doar o simplă declarație de intenții¹⁹.

Demiterea cabinetului Sturza (noiembrie 1999), care s-a dovedit a fi cel mai proeuropean, și venirea Guvernului Braghiș, din nou schimbă, în mod radical, orientarea politicii externe a statului. Problema integrării europene este neglijată. Spre deosebire de predecesorul său, noul Guvern consideră că UE nu prezintă un cadru de stabilitate și securitate, interesul național al Moldovei este din nou reorientat spre CSI. În scopul asigurării intereselor economice ale țării, Guvernul în cauză intenționa să susțină eforturile orientate spre aprofundarea și diversificarea relațiilor derulate în cadrul Comunității Statelor

¹⁸ A se vedea: *Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova pentru anii 1999-2002 "Supremația legii, Revitalizare economică, integrare europeană"*. N270 din 8 aprilie 1999. // *Monitorul Oficial*, N39-41 din 22 aprilie 1999, p.52-53.

¹⁹ A se vedea: *Cojocaru Gh. E. Op. cit., p.119-121.*

Independente în domeniul economico-comercial, în special pe plan bilateral²⁰.

Pe de o parte, orientarea spre CSI, iar pe de altă parte tendința de a se integra în UE, fac ca politica ambiguă dusă de Guvernul Braghiș să trezească suspiciuni din partea UE. Desigur, schimbările atât de radicale în perioade mici nu pot crea o atmosferă de credibilitate atât față de politica externă, în general, cât și față de doleanța noastră de a ne integra în Uniunea Europeană, în particular.

Noua orientare politică a actualului Guvern Tarlev merită atenție. Deși „programul de guvernare” n-a fost aprobat de către Parlamentul Republicii, el poate fi considerat mai „revoluționar” și mai coerent decât programul Guvernului Braghiș. Astfel, proiectul programului de activitate a Guvernului Republicii Moldova, care nu a fost aprobat, „stabilitate, redresare economică, securitate socială” la capitolul „Integrarea Europeană a Republicii Moldova” se stipulează că în scopul realizării obiectivului de integrare, Guvernul va elabora strategii naționale care ar facilita integrarea sa în UE.

De asemenea executivul Republicii Moldova va depune toate eforturile pentru eficientizarea activității Comitetului Interministerial pentru Integrare Europeană, racordarea actelor normative naționale la exigențele comunitare; crearea Departamentului Integrare Europeană; implementarea cu strictețe a prevederilor Acordului de Parteneriat și Cooperare. De asemenea Republica Moldova va intensifica demersurile politico-diplomatice pentru demararea negocierilor privind asocierea Republicii Moldova la Uniunea Europeană²¹.

Actualul Președinte, V.Voronin în alocuțiunea sa rostită la Conferința Europeană de la Atena din 16-17 aprilie 2003 menționa că integrarea europeană a devenit o politică de stat prioritară atât pe plan intern, cât și pe plan extern, iar orientarea externă este pentru noi nu doar un proces de revenire la cultura și civilizația europeană, dar și un proces de racordare la standardele și normele politico-economice europene²².

În opinia sa promovarea și menținerea vectorului integrării europene în politica externă a Republicii Moldova constituie prioritatea absolută a cursului ireversibil al actualei guvernări. Timpul lozincilor democratice și proeuropene a trecut. A sosit timpul relizării efective a democrației și a opiniei europene. Anul 2004 urmează să devină pentru țara noastră anul stabilirii temeliei

²⁰ A se vedea: *Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova „Legalitate, Consolidare și Reforme - întru Bunăstarea Națiunii”*. N20 din 11 ianuarie 2000. // *Monitorul Oficial*. N5-7, 13 ianuarie 2000.

²¹ A se vedea: *Moldova și integrarea Europeană*, p.26.

²² A se vedea: *Discursul D-lui Voronin, președintele Republicii Moldova la Conferința Europeană de la Atena*. // „*Moldova Suverană*”, 2003, 18 aprilie.

instituționale și legislative a reformelor și transformărilor structurale în sferele politică, economică, socială și umanitară al conectării la politice europene și a armonizării legislative la standardele europene. Șeful statului a accentuat că integrarea în UE nu este un scop în sine, ea urmărește avansarea spre valorile și standardele europene, economice, democratice și sociale²³.

Nu mai puțin importantă pentru statul nostru este decizia cu privire la adoptarea unui Plan Individual de Acțiuni dintre Moldova și Uniunea Europeană care a fost adoptată la finele anului 2003, în timpul vizitei comisarului european pentru extindere Gunter Verheugen. Începutul anului 2004 este promițător. Negocierile purtate asupra Planului de Acțiuni dintre Andrei Stratan, prim-vice ministru al Afacerilor Externe al Republicii Moldova și Mingarelli Hugues, șeful Direcției Generale pentru Relații Externe a Comisiei Europene sunt destul de fructuoase. Republica Moldova insistă asupra încheierii în contextul Planului a unui Acord cu UE privind comerțul asimetric și libertatea de circulație a mărfurilor și persoanelor în spațiul european.

O mare importanță în raționalizarea integrării europene este proiectul documentului „Concepția politicii externe a Republicii Moldova” (redacția nouă nu a fost deocamdată aprobată) prezintă integrarea europeană drept un obiectiv strategic al interesului național. În condițiile în care noua ordine mondială se configurează în jurul marilor poli de putere, este evident că, Republica Moldova nu poate rămâne în afara lor, devenind vitală necesitatea orientării și integrării sale într-unul din acești poli pentru a-și asigura perspectivele dezvoltării și securitatea națională. Pentru Republica Moldova acest pol îl constituie Uniunea Europeană, a cărei pondere politică și economică este incontestabilă.

Conform criteriilor geografice și istorice, Republica Moldova este o țară de tradiție și cultură europeană și, prin urmare, integrarea într-un spațiu european este un obiectiv natural, iar Moldova nu poate să rămână izolată și nici să se opună acestui proces. Prin aderarea sa la UE, Republica Moldova își va consolida stabilitatea sa inclusiv independența și suveranitatea, integritatea teritorială și securitatea națională, tradițiile, limba și identitatea culturală. Avînd o orientare clară europeană, Republica Moldova va atrage investițiile străine, care rămîn o componentă decisivă în creșterea economică a țării²⁴.

²³ *A se vedea: Vectorul politicii externe moldovenești este integrarea europeană. // „Moldova Suverană”, 2004, 28 ianuarie; Voronin V. A venit timpul realizării efective a democrației și obținerii europene. // „Moldova Suverană”, 2003, 30 decembrie.*

²⁴ *A se vedea: Proiectul cu privire la Concepția Politicii Externe a Republicii Moldova (redacție nouă). // „Moldova Suverană”, 2002, 1 mai.*

Datoria principală a fiecărui guvern este considerată a fi păstrarea interesului național, a interesului poporului pe care îl conduce și pe care îl reprezintă. Interesul național în viziunea lui Hans Morgenthau este un „sîmbure tare” prezent în orice împrejurare și un înveliș format din elemente variabile ce se modifică în funcție de împrejurările istorice concrete. „Sîmburile tare” al interesului național constă în păstrarea identității politice și culturale ale unei națiuni și se racordă la asigurarea independenței naționale, la conservarea integrității teritoriale și la păstrarea ordinii și echilibrului intern.

Reinterpretarea interesului național în fiecare etapă a dezvoltării unui stat este inevitabilă datorită mobilității relațiilor internaționale și modificării balanței raporturilor de forță. Doar situarea pe pozițiile realismului politic este cea mai eficace cale spre comprehensiunea interesului unui stat²⁵.

Interesul național al Republicii Moldova, ca și cel al statelor fost socialiste, cunoaște o dinamică deosebită. Lipsa unei baze economice, sociale, politice, culturale adecvată, condițiile de criză socială îndelungată, transformările cvasidemocratice și situațiile de “democratizare falsă” și de “regres autoritar”, nu pot asigura necesarul de integritate al interesului național.

Indiscutabil, alegerea viitorului nu este un lucru ușor. Este adevărat că Republica Moldova nu poate fi considerată drept candidat la integrarea în Uniunea Europeană. Nu rareori analiștii din Occident au afirmat că, chiar dacă UE s-ar extinde spre Est, și România ar fi admisă în această organizație, Republica Moldova și-n acest caz n-ar atinge nivelul de dezvoltare pentru includerea acesteia în lista statelor candidate.

Transferul hotarelor Uniunii Europene spre Prut, i-ar aduce în vecinătate un stat amenințat de insecuritate în regiune. Drept amenințare a securității care vine din partea Republicii Moldova pot fi enumerate în primul rînd, problema transnistreană, care pînă în prezent rămîne a fi nesoluționată, instabilitatea politică (schimbările poziției politice a majorității parlamentare și a conducerii de la Chișinău), criza economică, nivelul înalt de corupție al societății și statului, controlul neadecvat al hotarelor, instabilitatea relațiilor cu vecinii, cît și lipsa unor acorduri de bază cu Ucraina și România. Obstacol în calea integrării Republicii Moldova în Uniune este și situația tensionată din Găgăuzia, intensificarea problemelor cum ar fi înrăutățirea asistenței medicale și calitatea alimentării, creșterea decalajului dintre venituri și cheltuieli, micșorarea numărului populației.

Nici într-un stat din fostele republici unionale în locul sistemului monopartidist nu s-a creat un sistem pluripartidist bine încheiat. Dominant este

²⁵ *A se vedea: Wight M. Politica de putere.– Chișinău: APC, 1998, p.103; Tămaș S. Geopolitica. – București: Noua Alternativă, 1995, p.169.*

modelul în care poziția cheie o ocupă președintele, iar sistemul legislativ e încă slab. Regulile electorale reprezintă doar o posibilitate formală a alegerilor, organizarea cărora este în așa mod, încât regimul tot timpul deține o ușoară victorie, grație controlului asupra mass-media și sistemului administrativ.

Vizitele oficiale, declarațiile sau inițiativele politicienilor noștri referitoare la UE, în mod paradoxal pot fi diametral opuse ca mesaj. Ex-președinții Moldovei Mircea Snegur și Petru Lucinschi, deputații parlamentului și Prim-miniștrii nu odată afirmă că interesul național al țării este de-a se integra în Uniunea Europeană, și că acesta este unul din punctele strategice ale politicii externe, dar în același timp se consideră că Moldova nu poate ignora relațiile cu CSI, de care depinde în mare măsură. Este adevărat că Republica Moldova nu poate părăsi CSI-ul, dar nu din cauza dependenței economice față de CSI, dar din cauza dependenței economice, și implicit politice față de Federația Rusă.

Republica Moldova tinde să se integreze în Uniunea Europeană fără a exclude din discursul politic și ideia de colaborare în cadrul CSI. În realitate, însă, interesul național oscilează între CSI și UE, cu preponderență către spațiul Euro-Asiatic, al așa numitei Comunități de State Independente²⁶. La fel este adevărat și faptul că, standardele economice ale Moldovei nu pot fi comparate cu cele ale UE, dar este greșit să motivăm ineficiența încercărilor noastre de integrare în UE prin probleme de ordin economic.

Alături de celelalte state din Europa de Sud-Est, Republica Moldova depune eforturi tot mai mari și consecvente în vederea formării unui spațiu politic, economic și de securitate comun și a avansării împreună pe calea integrării europene. Uniunea Europeană ar trebui să sprijine statul nostru în eforturile sale de a se conecta la toate programele, inițiativele și strategiile sale, și să nu o discrimineze la momentul în care va corespunde criteriilor de asociere, iar apoi și celor de aderare la Uniune.

²⁶ vezi: Serebrian O. *Politosfera*. – Chișinău: "Cartier, 2001, p.186; Chirică S.I. *Basarabia. Lupta continuă*. – Chișinău: ARC, 1997, p.81.

“РАСШИРЕННАЯ ЕВРОПА – СОСЕДСТВО: РАЗНЫЕ СТРАНЫ, ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ” (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)”,¹⁷⁵

Андрей ЕРМОЛОВИЧ
Республика Беларусь, Минск
Посольство Республики Беларусь
в Республике Молдова,
Советник

Евгений БУРДЕЛЬНЫЙ
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский государственный университет,
Кафедра международных отношений,
преподаватель, докторант,
магистр политических наук

Стремительный процесс расширения Европы прямо или косвенно затронул практически каждого индивида, проживающего в рамках географического пространства, именуемого «Европа». Однако, как бы парадоксально это не звучало, географические рамки этого понятия на сегодняшний день не совпадают с политическим пониманием этого явления. Процессы расширения выдвигают новые вопросы, ответы на которые способны дать адекватный ответ на вызовы и провокации текущего европейского развития: «Что такое “Новая Европа”?», «Как “далеко” та или иная страна от Страсбурга или Брюсселя?», «Что же является реальной движущей силой европейской интеграции?», «Какая должна быть формула диалога между этими странами и ЕС?».

Оказалось, что рядовые жители, например, Молдовы или Беларуси, воспринимают по-иному понятие «Европы», нежели граждане Франции или Нидерландов¹⁷⁶. Все это предопределило понимание того, что Европейский Союз нуждается в особенных подходах к своим непосредственным «соседям» - Беларуси, Украине, Молдове и России в зависимости от национальной специфики каждого из этих государств.

¹⁷⁵ Рецензент – доктор политических наук Чезар Мынэскуртэ.

¹⁷⁶ Anderson P.J., Wiessala G., Williams C. *New Europe in Transition*. – London – New-York, 2000, p.230

Сравнительный анализ опыта и перспектив европейской интеграции Республики Молдова и Республики Беларусь представляет особый интерес, принимая во внимание единое историческое прошлое, относительную географическую близость, общность внешнеполитических приоритетов, схожесть проблем переходного периода этих стран. Вместе с тем, в силу объективных условий, существует достаточно очевидная различность акцентов и плоскостей европейского измерения внешней политики этих постсоветских государств.

Политические шаги Республики Молдова в сторону Европейского сообщества действительно впечатляют: в 1991 году уже в первый год своей независимости Республика Молдова устанавливает контакты с Европейским Союзом, получая техническую помощь в 1,1 млн. долл. США; в 1992 году Молдова становится членом Европейского Банка Реконструкции и развития; в 1993 – миссия ОБСЕ начинает свою работу в республике; в 1994 году между Республикой Молдова и ЕС подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (РСА), который вступает в силу в 1998 году; в 1995 году Республику Молдову практически первой из стран СНГ принимают в состав Совета Европы; в 1999 году МИД Молдовы разрабатывает «Стратегию Республики Молдова для вступления в Европейский Союз»¹⁷⁷. Кроме того, взаимоотношения с Европейским Союзом следует рассматривать в контексте активного участия Республики Молдова в региональных инициативах Пакта Стабильности для Юго-Восточной Европы и Процесса Сотрудничества в Юго-Восточной Европе.

В январе 2002 года Правительство Молдовы утвердило Программу социально-экономического развития республики до 2005 года, в которой участие страны в процессах европейской интеграции отнесено к разряду первоочередных.¹⁷⁸ В июне 2002 года после саммита президентов стран Центральной и Восточной Европы (Любляна) Президент Молдовы В.Воронин заявил: «Настало время покончить с декларациями о присоединении к Европейскому Собзу, надо переходить к делу. Только конкретными действиями мы сможем достичь этой цели».¹⁷⁹

5 июня 2003 года Европейский Парламент принимает резолюцию, согласно которой призывает структурные подразделения Европейского

¹⁷⁷ Гудым А. *Как далеко Молдова от Брюсселя? // Moldova între Est și Vest. Identitatea națională și orientarea europeană.* - Chișinău, 2001, p.89

¹⁷⁸ Гудым А. *Республика Молдова и Европейский Союз как партнеры.* – Кишинев, 2002, с.20.

¹⁷⁹ Президент готов к европейской интеграции. *Обращение Президента Республики Молдова В.Воронина.* // «Экономическое обозрение», 2002, 7 июня.

Союза изучить возможность включения Молдовы в Процесс Стабилизации и Ассоциации. В августе 2003 года молдавское государство объективно закрепляет вектор европейской интеграции государства в «Концепции европейской интеграции Республики Молдова», принимая во внимание очевидные выгоды присоединения к единому европейскому пространству, которые могут в сжатые сроки решить все основные проблемы переходного периода страны.

Преимущества «европейского» уровня жизни и «европейские» перспективы государственного развития уже непосредственно ощутили на себе несколько сотен тысяч молдаван, постоянно или временно незаконно (в редких случаях законно) проживающих и работающих в странах Европейского Союза, и ежегодно пересылающих на Родину около 500 млн. долл. США. Объективно очевидна та последовательность и серьезность устремлений, с которыми нынешнее руководство страны идет к достижению поставленных целей. Экзамен по исполнению функций председателя Совета Министров Совета Европы Республикой Молдова в 2003 году прошел без всяких проволочек и был сдан на «отлично», что позволило республике набрать дополнительные очки в процессе европейской интеграции.

По мнению бывшего министра иностранных дел Н.Дудэу, «интеграция в Европейский Союз является уже национальной стратегией... Республика Молдова очень заинтересована, и в то же самое время, осознает условия присоединения к Европейскому Союзу, и важность Копенгагенских критериев».¹⁸⁰ Нынешний министр иностранных дел Республики Молдова А.Стратан подтвердил, что утверждение, что «Республика Молдова находится на пути в Европейский Союз» становится все большей реальностью.¹⁸¹ Европейская интеграция составляет приоритетную стратегическую задачу Республики Молдова, выражает главные национальные интересы, воплощение которых будет облегчено и стимулировано принадлежностью Республики Молдова единому Европейскому пространству.¹⁸²

Ведущая роль по координированию и осуществлению действий по евроинтеграции молдавского государства отводится не так давно созданному департаменту европейской интеграции при министерстве иностранных дел. Действия, которые предпримет Республика Молдова для осуществления стратегической цели присоединения к Европейскому Союзу, будут отражены в Национальной Стратегии Европейской Интег-

¹⁸⁰ *Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003, p.5*

¹⁸¹ *Там же*

¹⁸² *Там же*

рации и Плане Действий «Республика Молдова – Европейский Союз».¹⁸³

Усилия руководства Республики Молдова по интеграции в Европейский Союз имеют прочную социальную базу: согласно результатам недавно проведенного социологического опроса, более 70% опрошенного населения республики высказалось за европейский вектор молдавской внешней политики. Позитивные сдвиги в сторону Европейского Союза ощущаются и в сфере внешнеэкономических связей Республики Молдова. На протяжении 2003 года объемы внешней торговли выросли на 29%, причем рост экспорта в страны Европейского Союза составил примерно 29%, в страны Юго-Восточной Европы – 41%.¹⁸⁴

Республика Беларусь также в планировании и реализации своей внешней политики в качестве одной из важнейших перспектив видит интеграцию в европейские структуры. В августе 1992 года между республикой и Европейским союзом были установлены дипломатические отношения. В последовавший за этим период взаимодействие двух сторон поступательно развивалось. Начиная с 1991 года в Республике Беларусь было реализовано более 200 проектов ТАСИС совокупным бюджетом более 150 млн. евро.

6 марта 1995 года в ходе визита Президента Республики Беларусь в Брюссель было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Европейским Союзом (СПС), определившее основные приоритеты взаимоотношений Беларуси и Европейского Союза.

Среди них: создание институциональной основы для политического диалога между сторонами, позволяющей развивать политические отношения; содействие взаимовыгодной торговле и вложению инвестиций, а также гармоничным экономическим отношениям между сторонами, и, таким образом, содействие их стабильному экономическому развитию; обеспечение прочной основы для законодательного, экономического, социального, финансового, научно-технического и культурного сотрудничества; поддержка усилий Республики Беларусь по укреплению демократии и развитию экономики, а также завершению перехода к рыночной экономике.

В результате противоречий между Евросоюзом и руководством Беларуси (возникших в результате непризнания рядом западных государств результатов проведенного в республике всенародного референ-

¹⁸³ Там же, с. 6

¹⁸⁴ *Nota informativă privind comerțul exterior al Republicii Moldova cu țările Uniunii Europene în anul 2003. – Ministerul Economiei, ianuarie 2004*

дума по реформированию политической системы государства) СПС ратифицировали только парламенты восьми государств-членов ЕС (Дания, Испания, Ирландия, Великобритания, Швеция, Греция, Австрия и Италия). 15 сентября 1997 года Совет Европейского Союза принял решение существенно ограничить политический диалог с Беларусью и значительно сократить объемы технической помощи, предоставляемой стране по линии программы ТАСИС.

Однако в связи с открытием в Беларуси Офиса ОБСЕ и восстановлением полномочий Национального собрания Республики Беларусь в Парламентской Ассамблее ОБСЕ в 2003 году наметились реальные предпосылки для размораживания диалога с Евросоюзом. Обеими сторонами изучаются перспективы нормализации отношений и активизации взаимодействия с учетом возможностей, открывающихся в свете предстоящего расширения Европейского Союза.¹⁸⁵

Таким образом, очевидно, что внешнеполитические доктрины как Республики Молдова, так и Республики Беларусь в качестве важнейшей составляющей внешнеполитической деятельности своих государств включают интеграцию в Европейский Союз. Вместе с тем, реализация на практике этих доктринальных положений встречает, равно как у Молдовы, так и у Беларуси, определенные препятствия, связанные как с несоответствием реального положения дел в этих государствах (будь то в сфере политики, или в сфере экономики) выдвигаемым Евросоюзом требованиям и стандартам, так и стремлением постсоветских государств (это хорошо видно на примере Беларуси) не упустить свои реальные экономические интересы, которые могут быть некоторым образом ущемлены при интеграции в Европейский Союз.

Рассмотрим эти обстоятельства подробнее.

Следует помнить, что присоединение к Европейскому Союзу требует исполнения так называемых Копенгагенских критериев, которые предполагают установление истинной демократии, защиту прав национальных меньшинств, создание правового государства, формирование свободного и конкурентоспособного экономического рынка в рамках единой Европы, а также выполнение обязательств, которые проистекают из статуса члена Европейского Союза.¹⁸⁶

По мнению многих независимых экспертов, развитие плодотворного диалога со структурами объединенной Европы будет во многом за-

¹⁸⁵ <http://www.mfa.gov.by/rus/index.php?d=policy/multicoop&id=6>

¹⁸⁶ *Kempe I. Consecințele extinderii Uniunii Europene asupra Republicii Moldova. // Moldova între Est și Vest. Identitatea națională și orientarea europeană. – Chișinău, 2001, p.101*

висеть от эффективности использования внутреннего потенциала страны и осуществления реформ, соответствия европейским стандартам, развития политической воли и возможности ответить на вызовы и, не в последнюю роль, участия и мобилизации гражданского общества в поддержке идеи интеграции в Европейский Союз.¹⁸⁷

В этом контексте для Республики Молдова становится очевидным, что основным препятствием, значительно затрудняющим движение государства в сторону Европейского Союза является, прежде всего, неразрешенная приднестровская проблема. Если до последнего времени опасность этой проблемы Европа связывала с запасами российского вооружения, складировавшегося на территории Приднестровья, то теперь международная общественность обеспокоена тем, что власти Приднестровья бесконтрольно и тайно производят и перепродают оружие некоторым авторитарным режимам Ближнего Востока и Малой Азии.¹⁸⁸ Разработанный и предложенный российской стороной Меморандум по урегулированию приднестровской проблемы в конце ноября 2003 года оказался неприемлемым для официального Кишинева в силу ряда юридических неточностей и недоработок, что, по мнению руководства Республики Молдова, могло бы привести к неэффективности деятельности Федерального Парламента, создание которого предусматривалось положениям данного Меморандума.

Таким образом, на данный момент официальными лицами разрешение этой проблемы представляется приемлемым в пятистороннем формате (Кишинев, Тирасполь, Россия, Украина, ОБСЕ), а также более активном участии Европейского Союза. С другой стороны, явная асимметрия на сегодняшний день в уровне развития экономик стран Европейского Союза и стран, становящихся полноправными членами Европейского Союза в мае 2004 года, с одной стороны, и Республики Молдова, с другой стороны, не может не вызывать озабоченности молдавских властей. Так, согласно официальному определению европейских экспертов, Республика Молдова пока остается самой бедной страной по уровню ВВП на душу населения в зоне непосредственного соседства с Европейским Союзом, в то время как уровень развития ВВП таких государств,

¹⁸⁷ *Moldova într-o Europă multi-nivelară. –Kiev: FES, 2003, p.7*

¹⁸⁸ *Скворцова А. Республика Молдова - ЕС: возможна ли взаимность? // Moldova între Est și Vest. Identitatea națională și orientarea europeană. - Chișinău, 2001, p.189*

как Беларусь, Египт, Марокко или Сирия превышает молдавский показатель примерно в 3-4 раза.¹⁸⁹

Многие в Молдове полагают, что именно присоединение к Европейскому Союзу имело бы позитивное влияние на экономическое развитие стран кандидатов. Страны кандидаты обязуются и заинтересованы в том, чтобы привести свое законодательство в соответствие с европейскими, что, будучи сопровождаемым поддержкой программами Европейского Союза, благоприятно сказывается на разрешении возможных экономических или социально-политических проблем.

Благодаря своему геополитическому положению, Беларусь уже сегодня реально «включена» и «встроена» в проблематику Евросоюза, не будучи его членом. Беларусь вносит практический вклад в поддержание политической, экономической, межэтнической стабильности в региональном и общеевропейском масштабах, обеспечивает бесперебойное функционирование ключевых транспортных и энергетических магистралей, способствует сдерживанию нелегальных миграционных потоков и трансграничного криминала. И хотя политические ограничения Европейского Союза не позволяют Беларуси в полной мере участвовать в интеграционных процессах, существует ряд направлений «соседства», в которых страна участвует независимо от формальной стороны вопроса.

Однако в Беларуси (как в стране с немалым промышленным потенциалом) не забывают и о возможных вызовах предстоящего расширения Европейского Союза. Прежде всего, негативные последствия принятия решения о расширении Европейского Союза уже сказываются на двусторонних связях Беларуси со странами Центральной и Восточной Европы. Некоторые расторгают торгово-экономические соглашения, что чревато возникновением «правового вакуума» в этих отношениях. Одновременно они присоединяются к ограничительным мерам Европейского Союза, касающимся некоторых наиболее чувствительных позиций белорусского экспорта.

В частности, из-за количественных ограничений Европейского Союза возникнут проблемы с экспортом в страны Центральной и Восточной Европы и Балтии белорусских текстильных изделий. Введение странами-кандидатами антидемпинговых пошлин приведет к существенному сокращению поставок из Беларуси на европейский рынок хлорида калия, карбамидно-аммиачных смесей, полиэфирных волокон и

¹⁸⁹ *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbors", Brussels, 11 march 2003, COM(2003) 104 final. http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf*

жгута. В общей сложности расширение Европейского Союза, по предварительным оценкам, способно повлечь за собой сокращение внешнеторгового оборота Беларуси более чем на 100 млн. долларов США.

Ужесточение технических стандартов и требований может существенно затруднить экспорт некоторой белорусской машинотехнической продукции, не соответствующей принятым в Европейского Союза параметрам экологической чистоты, энергопотребления и безопасности, а также привести к снижению объемов транспортных услуг, оказываемых белорусскими перевозчиками. Ярким примером тому является введение Евросоюзом с 1 апреля 2002 года ограничений на полеты в страны-члены воздушных судов с шумовыми характеристиками, не соответствующими стандартам главы 3 приложения 16 Чикагской конвенции о международной гражданской авиации. Под данную категорию подпадает около 85% самолетов парка гражданской авиации Беларуси.

Еще одним вызовом расширения являются визовые барьеры, препятствующие трансграничным контактам и дальнейшему развитию деловых, культурных, родственных связей между новыми странами-членами Европейского Союза и их соседями. Несмотря на то, что политика “большой Европы” частично отвечает на вызовы расширения Европейского Союза, белорусская сторона полагает, что Брюссель не до конца проработал условия возмещения ущерба от расширения соседним странам.

Если суммировать позицию белорусской стороны, то Минск «нуждается в прагматичном и инклюзивном “соседстве”, которое должно сделать само понятие “разделительные линии в Европе” достоянием истории».¹⁹⁰

11 марта 2003 года Европейский Союз, посредством Европейской Комиссии, официально озвучивает свою новую политику в отношении соседних государств – «Расширенная Европа – Соседство: новые рамки взаимоотношений с нашими восточными и южными соседями», которая стремится «к избежанию новых разделительных линий в Европе и продвижению стабильности и процветания в рамках и за пределами новых границ Союза». Кроме того, эта концепция подчеркивает, что «расширение послужит укреплению отношений с Россией, ...Украиной, Молдовой и Беларусью ... на основе долгосрочного подхода, продвигающего реформы, устойчивое развитие и торговлю.... Целью Европейского

¹⁹⁰ *Беларусь за единую и равноправную Европу. Интервью с заместителем Директора Департамента Европы МИД Республики Беларусь Валерием Ромашко. // «Белорусский рынок», №3(587), 2004, 26 января - 2 февраля.*

Союза является развитие зоны процветания и доброжелательного соседства»¹⁹¹.

Следует отметить, что данная концепция не предвидит прямой возможности присоединения к Европейскому Союзу, а только лишь углубление взаимоотношений посредством разработки «плана действий» между Европейским Союзом и каждой отдельно взятой страной. Не вызывает сомнений то, что для Республики Молдова «Расширенная Европа - Соседство» означает дополнительный импульс и шаг навстречу интеграции в Европейский Союз. Среди наиболее очевидных преимуществ новой политики Европейского Союза в отношении своих восточных соседей можно назвать то, что концепция оговаривает, что существуют долгосрочные возможности для того, чтобы соседи воспользовались так называемыми четырьмя свободами (свобода передвижения товаров, услуг, капиталов и лиц), которые находятся в основе «единого рынка».

Таким образом, концепция «Расширенная Европа - Соседство» акцентирует внимание на том, что «в качестве ответа на конкретный прогресс в области общих ценностей и эффективного осуществления политических, экономических и институциональных реформ ... страны, расположенные по соседству с Европейским Союзом имели бы перспективы более тесной экономической интеграции с Европейским Союзом»¹⁹².

С другой стороны, ожидается расширение распространения мандата Европейского Банка Инвестиций на страны – соседи с Европейским Союзом, а также запуск с 2007 года нового финансового «соседского» инструмента. Страны Европейского Союза объявляют также о том, что впредь намереваются проводить более активную политику в отношении регламентирования Приднестровской проблемы, постконфликтной реконструкции и участия в обеспечении внутренней безопасности государства. В этой связи, политическое участие Европейского Союза в разрешении конфликта, а также финансовая помощь в обеспечении действенного функционирования переговорного механизма и системы гарантий, способствовало бы, безусловно, нахождению взаимно приемлемого механизма.

Однако, объективный анализ политики «Расширенная Европа – Соседство» поднимает некоторые вопросы, нахождение адекватных ответов на которые на данный момент достаточно затруднительно. Тот факт,

¹⁹¹ *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours", Brussels, 11 march 2003, COM(2003) 104 final. http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf*

¹⁹² Там же

что термин «Соседство» включает в себя такие разные страны как Украина, Беларусь и Республика Молдова, с одной стороны, Сирия и Марокко, с другой стороны, наводит на мысль о том, что на сегодняшний день все же не было сформулировано четкое и ясное определение термина «Европа», что может создать проблемы в разработке стратегических подходов во взаимоотношениях с новыми «соседями». Маловероятно и то, что фонды, направляемые «соседям» будут очень значительными, принимая во внимание тот факт, что включение новых членов в состав Европейского Союза создает серьезные финансовые ограничения для самого Европейского Союза. К тому же, все дополнительное финансирование начнется только после 2007 года, одновременно с началом нового бюджетного цикла в Европейском Союзе.

Определенные проблемы могут возникнуть и в отношении «четырех свобод» Европейского Союза, так как уже некоторые государства-члены Евросоюза противятся идее свободного передвижения лиц. Например, министр внутренних дел Германии О.Шили мечтает о своего рода крепости под названием "Европа". По его мнению, беженцев следует задерживать прямо на внешних границах и отправлять в так называемые безопасные третьи страны. Эту позицию он в очередной раз подтвердил на неформальной встрече министров юстиции и внутренних дел в Дублине в феврале 2004 года.¹⁹³

Важным аспектом новой Концепции Соседства Европейского Союза является то, что в 2007 году общие границы Европейского Союза достигнут реки Прут. В этой связи возникает вопрос: будет ли это линия разделения пространства, к которому Республика Молдова принадлежит традиционно, или прозрачная линия временного посредничества?¹⁹⁴

Размышляя по поводу перспектив европейской интеграции Республики Молдова, некоторые аналитики полагают, что они зависят от успехов в продвижении экономических реформ в республике. Как отмечается в Концепции Европейской Комиссии «Молдове не хватает конкурентоспособности и административных способностей выполнять обязательства в рамках единого экономического пространства».¹⁹⁵

¹⁹³ *Мигрантам нужна Европа, а Европе – мигранты. // Коммерсант Plus, №4, 2004, 6 февраля*

¹⁹⁴ *Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003, p.8*

¹⁹⁵ *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours", Brussels, 11.3.2003, COM(2003) 104 final http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf*

В этой связи, именно рост в экономической сфере является одним из ключевых и стратегически важных условий, которые способны реально приблизить Республику Молдова к членству в Европейском Союзе. Девизом европейской интеграции в этом случае станет: "мы выполнили следующие политические и экономические реформы для того, чтобы приблизиться к Европейскому Союзу". Идея, что «Европейский Союз готов разделить со своими соседями все, кроме институтов» не должно рассматриваться только в негативном аспекте. В среднесрочной и долгосрочной перспективе Республика Молдова может попросить представительство (первоначально, без права голоса) в других европейских структурах (например, Европейский Парламент, Социальный и Экономический Комитет Европейского Союза и др.), нежели Европейский Совет или Европейская Комиссия. Эти инициативы, скорее всего, будут восприняты позитивно как со стороны десятки стран-кандидатов, так и со стороны Европейского Парламента.

По мнению некоторых молдавских аналитиков и должностных лиц, позитивную роль на пути Европейской интеграции Республики Молдова могут сыграть следующие преимущества¹⁹⁶:

- европейский вектор внешней и внутренней политики республики
- Принадлежность Республики Молдова Юго-Восточному европейскому пространству
- Маленькие географические рамки молдавского государства. Даже, если и сейчас она сталкивается с трудностями, в последующие несколько лет они будут разрешены через призму статуса полноправного члена Европейского Союза. Намного легче решить насущные проблемы в стране с населением в 4 млн. человек, чем с населением в 50 млн.
- Республика Молдова представляет собой открытую рыночную экономику
- Около 1/3 молдавского экспорта направлено в страны Европейского Союза и новые страны-кандидаты на вступление
- Фактор граждан Республики Молдова, работающих за границей в эмиграции (около 400 тыс. человек ежегодно работает в европейских странах). Они привозят домой новые видения и современные навыки и способности.

Фактически, Республика Молдова является единственной страной Юго-Восточной Европы, которая входит в Пакт Стабильности, но которой еще не предоставлены четкие европейские перспективы. Таким образом, напрашивается логичный вывод о том, что продвижение Респуб-

¹⁹⁶ *Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003, p.8*

лики Молдова по пути европейской интеграции необходимо и возможно, но оно все больше и больше зависит от нескольких доминирующих внутренних факторов - стабильного экономического роста, который частично, в свою очередь, снимет и серьезнейшую для Европы проблему незаконной миграции, окончательного урегулирования приднестровской проблемы и дальнейшей демократизации общества.

Что касается Беларуси, то ее руководство в целом поддерживает концепцию сотрудничества Европейского Союза со странами-соседями как согласующуюся с национальными стратегическими приоритетами в плане сближения с Европейским Союзом и формирования «поояса добрососедства» вдоль своих рубежей (разумеется, при учете национальных интересов Беларуси как промышленного экспортера, о чем подробно упоминалось выше). С точки зрения МИД Республики Беларусь, налаживание качественно новых взаимовыгодных отношений в масштабе всего континента способствовало бы дальнейшей интеграции, экономическому росту и процветанию «Большой Европы». Это также позволило бы в значительной степени компенсировать негативные последствия расширения Европейского Союза, связанные, в частности, с возникновением новых торговых и визовых барьеров вдоль его границ.¹⁹⁷

Библиография

1. Anderson P.J., Wiessala G., Williams C. New Europe in Transition. – London – New-York, 2000
2. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours", Brussels, 11 march 2003, COM(2003) 104 final http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf
3. «Conceptia integrării europene a Republicii Moldova». - Chişinău, august, 2003
4. Kempe I. Consecinţele extinderii Uniunii Europene asupra Republicii Moldova. // Moldova între Est şi Vest. Identitatea naţională şi orientarea europeană. - Chişinău, 2001
5. Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003
6. Nota informativă privind comerţul exterior al Republicii Moldova cu ţările Uniunii Europene în anul 2003. – Ministerul Economiei, ianuarie 2004

¹⁹⁷ <http://www.mfa.gov.by/rus/index.php?d=policy/multicoop&id=6>

7. Скворцова А. Республика Молдова - ЕС: возможна ли взаимность? // Moldova între Est și Vest. Identitatea națională și orientarea europeană. - Chișinău, 2001
8. Гудым А. Как далеко Молдова от Брюсселя? // Moldova între Est și Vest. Identitatea națională și orientarea europeană. - Chișinău, 2001
9. Гудым А. Республика Молдова и Европейский Союз как партнеры. – Кишинев, 2002.
10. Мигрантам нужна Европа, а Европе – мигранты. // Коммерсант Plus, № 4, 2004, 6 февраля.
11. Отношения Республики Беларусь с Европейским Союзом. — www.mfa.gov.by/rus/index.php?d=policy/multicoop&id=6.
12. Президент готов к европейской интеграции. Обращение Президента Республики Молдова В.Воронина. // «Экономическое обозрение», 2002, 7 июня.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Ирина МОЛОДИКОВА
Венгрия, Будапешт
Центрально-Европейский университет
доктор, профессор

Миграции населения, особенно трудовые, роль которых в мировом развитии неуклонно возрастает, становятся одним из основных факторов международной экономики. По данным МОМ в настоящее время в мире насчитывается около 150 млн. иммигрантов, беженцев, легальных мигрантов и нелегально работающих за границей¹⁹⁸, причем около половины их численности сосредотачивается в Западной Европе. Ремиттанс¹⁹⁹ поступающие от мигрантов в страны исхода составляют ежегодно около 70 млрд. долларов, при этом Германия (5,3 млрд. долл.), Франция (2 млрд. долл.) и Великобритания (1 млрд. долл.) входят в первую пятерку стран по количеству отправляемых денег после Саудовской

¹⁹⁸ *Migration News, vol.7, №12, 2000, december, p.1*

¹⁹⁹ *Ремиттанс – заработанные мигрантами в других странах деньги, поступающие в страны исхода. В зависимости от способа устройства на работу существует несколько видов ремиттанс.*

Аравии (16 млрд. долл.) и США (12 млрд. долл.)²⁰⁰. Не случайно, поэтому, для стран Западной Европы в последние годы началась новая фаза переосмысления своей внутренней и внешней национальной политики в отношении иностранцев, проживающих в этих странах.

Особенности регулирования миграции, степень жесткости проводимой миграционной политики в целом и трудовой - в частности, зависят от экономических и политических интересов стран приема и стран поставщиков рабочей силы.

Как «регулирующий» миграции, государство осуществляет свою политику в отношении иностранных граждан путем выдачи виз, разрешений на проживание, различных запретов и ограничений. Как орган, управляющий законодательной и политической системой общества, государство требует от населения соблюдения существующих норм. Место иностранца в новом обществе, успешность его функционирования здесь определяется возможностью приобретения легального статуса, равного или адекватного положению граждан страны приема. Предоставление этого статуса является прерогативой государства приема.

С точки зрения проводимой в отношении иностранцев политики до конца 90-х годов все западноевропейские страны являлись неэмигрантскими странами²⁰¹. В отличие от США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, для которых факт рождения на их территории является основанием для получения гражданства, западноевропейские страны в большинстве своем базировались на этнической модели государства, при которой проживание в стране не являлось основанием для натурализации. В результате этой политики за 50 лет здесь образовалась значительная прослойка населения из числа рожденных и выросших в этих странах детей мигрантов, искусственно удерживаемых в маргинальном статусе. В связи с этим возникают следующие вопросы.

Насколько миграционная политика в странах приема соответствует требованиям их рынков труда? Существуют ли ограничения и приоритеты в этом смысле?

Для ответа на эти вопросы процессы формирования миграционной политики в западноевропейских странах за последние десятилетия исс-

²⁰⁰ IMF. *Annual Report of Monetary Fund*. - New York, 1996, p.7

²⁰¹ Гражданство дается по одному из двух принципов: по месту рождения или времени пребывания в стране - *jus soli*; по этнической принадлежности, происхождению - *jus sanguinis*. К первому типу стран относятся все эмигрантские страны (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия); ко второму типу (с моноэтнической моделью) – западноевропейские страны.

ледуются нами в тесной взаимосвязи с анализом современных миграционных процессов.

Современный композиционный состав населения Европы сформировался в целом после 1945 года. Европа до Второй мировой войны являлась постоянным поставщиком мигрантов для Америки, Австралии, Новой Зеландии, а также для освоения собственных колоний²⁰². В течение XIX - начале XX веков (до Первой мировой войны) более 35 млн. человек уехало в Америку, Австралию и другие страны. В то же время в западноевропейских странах существовал и «набор по лимиту» (по российской терминологии) из бывших колоний на самые непрестижные, низкооплачиваемые работы в метрополиях. Однако отток населения из Западной Европы был в несколько раз больше, чем приток в нее.

Вторая мировая сильно изменила ситуацию: пересмотр границ, возвращение беженцев, постепенное создание железного занавеса между странами Западной и Центральной Европы привели к тому, что традиционные трудовые связи в Европе были оборваны или частично заморожены.

Некоторые специалисты выделяют два основных периода²⁰³ развития миграций в странах Западной Европы в зависимости от господствующего вектора.

1945-1973 годы, основное направление - с юга на север;

С 1973 года по настоящее время, основное направление – с востока на запад.

На наш взгляд, с точки зрения рассмотрения формирования миграционной политики западноевропейских стран, особенно в области трудовой миграции, правомернее подразделять каждый из периодов еще на несколько этапов. Для первого периода – это этапы **с 1945 по 1960 годы и с 1960-х по начало 70-х годов** (нефтяной кризис), для второго периода – **по десятилетиям** (хотя, конечно, каждая из европейских стран имеет свои особенности, в том числе и в плане периодизации миграционной политики).

Основной особенностью этапа **1945 – 1960 годов** является бурный послевоенный процесс восстановления и дальнейшего развития экономики западноевропейских стран, который требовал привлечения большого количества рабочих извне. Это осуществлялось, в основном, через межгосударственные соглашения на контрактной основе. На основе та-

²⁰² Philip's Atlas of World. Millenium edition. Special Feature: The History of the World, 1999. - Great Britain, Philips.

²⁰³ Castles S., Miller M. J. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Second ed. - London, UK, Macmillan Press, 1998.

ких «лимитных» наборов создавались целые отрасли промышленности, например, автомобилестроение во Франции. Большое количество рабочих привлекалось из «побежденных», ослабленных войной, менее индустриальных южных европейских стран (Испании, Португалии, Италии, Греции,) в более развитые (Францию, Великобританию, Германию, Данию, Швейцарию и страны Северной Европы). Данная политика была результатом послевоенной нехватки трудовых ресурсов в указанных странах.²⁰⁴

Политика стран приема в отношении привлекаемых рабочих была довольно дискриминационной и ограничительной до начала 60-х годов. Трудовым мигрантам предоставлялись краткосрочные визы (на год с последующим возобновлением); они не имели возможности получения виз на проживание своих семей.

Также «по набору» принимались гостевые рабочие из бывших колоний, сохраняющих традиционные экономические и культурные связи с метрополиями. Например, Северная Африка (страны Магриба) являлась поставщиком рабочей силы во Францию: к 1960 году во Франции насчитывалось 600 тыс. алжирцев, 140 тыс. марокканцев. 90 тыс. мигрантов из стран Центральной Африки прибыли за это же время в Великобританию.

Политика в отношении рабочих из данных стран была еще более жесткой: нелимитированный рабочий день, тяжелые, самые малопрестижные и низкоквалифицированные работы, размещение только в специально отведенных местах - бидонвилях. Среди мигрантов преобладал мужской контингент. Особенно жесткой данная политика в отношении таких трудовых мигрантов была в Германии и Франции.

1960 год - начало 70-х годов. После того, как многие рабочие поработали в странах приема десятилетия, экономическая ситуация в южных европейских странах существенно улучшилась. Под давлением правительств этих стран визовый режим на европейском пространстве был упрощен; были введены долгосрочные 5-летние визы и, самое главное, - стало возможным пребывание членов семей трудовых мигрантов на территории стран приема. Механизм создания маргинализированной прослойки населения, так называемых «новых меньшинств», в отличие от исторически проживающих на территориях, был запущен.

²⁰⁴ Сразу после войны только из лагерей для военнопленных по контракту в Великобританию, например, было завербовано 90.000 иностранных рабочих (Castles S., Miller M. J. *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Second ed.* - London, UK, Macmillan Press, 1998).

Для этого этапа был характерен большой приток репатриантов в страны исхода: так, из бывших колоний в метрополии переехало около 6,5 млн. чел., в том числе 4,6 млн. граждан метрополий и 1,9 млн. коренных жителей колоний.²⁰⁵ Более 1 млн. этнических немцев к середине 60-х годов возвратилось на родину. Кроме того, из Восточной и Центральной Европы в Западную направлялись значительные потоки беженцев и лиц, выезжающих по линии воссоединения семей.

Следует также отметить значительное количество трудовых мигрантов из Югославии. Из бывших социалистических стран только правительство Б.Тито позволяло своим гражданам ездить на сезонные работы в Западную Европу. Уникальность югославского варианта развития заключалась в сочетании использования преимуществ обеих социальных систем. Югославские трудовые мигранты охотно допускались на западные рынки труда и пользовались относительной свободой перемещения наравне с итальянцами, греками, испанцами. В то же время, они были выходцами из соцлагеря и пользовались свободой передвижения и возможностями интеграции в его рамках. В течение всех послевоенных лет югославские мигранты составляли значительную долю трудовых мигрантов в Австрии, Германии, Швейцарии и образовывали там свои диаспоры²⁰⁶.

Итак, трудовая миграция 1945 года - начала 1970 годов явилась следствием широкомасштабной государственной политики привлечения иностранной рабочей силы в западноевропейские страны. Это давало последним ряд преимуществ, среди которых:

- развитие в условиях нелимитированной занятости;
- возможность сохранять низкий уровень оплаты, относительно тяжелые условия труда;

²⁰⁵ Басик В.П. *Зарубежный опыт защиты прав соотечественников: политико-правовой анализ.* - Москва: «Русский мир», 2000

²⁰⁶ К 1970 году в Западной Германии жило 3 млн. иностранцев, из них 1,6 млн. работающих (4,9% населения); во Франции - 2,6 млн. иностранцев (5,3% населения), из них 520 тыс. работающих; Швейцарии - 1,1 млн. иностранцев (17% населения), 330 тыс. работающих; Бельгии 700 тыс. иностранцев (7% населения), из них 230 тыс. работающих. Основными странами исхода являлись: Италия - 820 тыс. мигрантов, Турция - 770 тыс., Югославия - 540 тыс., Алжир - 390 тыс. и Испания - 320 тыс. мигрантов. (Fassmann H., Munz R. *European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Pattern, Actual Trends and Social Implications.* - IASA Austria, Edvard Elgar, 1994, с.4). Следует отметить, что с развитием экономики южноевропейских стран они постепенно стали превращаться в страны приема. (*The New Geography of European Migration.* / ed. By R.King. - Great Britain, Belhaven Press, 1993, с.6)

- расширение частичной занятости, в том числе в ночное время;
- отсрочка в модернизации некоторых отраслей.

Следующий этап в развитии миграций и миграционной политике в странах Западной Европы начался с **1973 года** (начало нефтяного кризиса) и продолжался **до конца 90-х годов**. Это был период всяческого сдерживания иммиграционных потоков, постепенной переориентации вектора миграции с направления Юг – Север на Восток – Запад. Условно последние 30 лет можно подразделить на 2 этапа с точки зрения проведения миграционной политики, в том числе и трудовой: **1973 год – конец 80-х годов и конец 80-х – конец 90-х годов**.

Для этапа **1973 года - конца 80-х годов** характерно преобладание трудовых потоков внутри западноевропейских стран, а также – из бывших колоний. Продолжалось усиление интеграционных связей западноевропейских стран. После нефтяного кризиса 1973 года их правительства резко сократили набор трудовых мигрантов из соседних, а, тем более, - из отдаленных стран, постарались вернуть их на родину, прекращая выдачу рабочих виз. Однако только часть мигрантов вернулась домой, остальные уже переселили семьи в страны Западной Европы²⁰⁷. Механизм ступенчатой миграции был уже запущен, образовались каналы связей через родственников и знакомых, и к середине 80-х годов во многих странах прослойка иностранцев составляла значительную часть рабочей силы (в том числе, - и нелегальной). В Германии даже были введены специальные меры по ограничению доступа иностранцев на ее рынок труда. Они заключались в приоритетном праве немецкого гражданина на рабочее место, временном лимите найма иностранцев, ограничении мобильности иностранцев регионом нахождения работы, а также дополнительных ограничениях на использование иностранной женской рабочей силы в Германии.²⁰⁸

Другие западноевропейские страны также негласно проводили подобную политику. Таким образом, для иностранной рабочей силы создавались условия маргинального статуса с соответствующим уровнем оплаты труда. Это демонстрируют данные табл. 1.

²⁰⁷ В Германии к 1973 году насчитывалось 2,6 млн. таких рабочих (Munz R., Weiner M. *Migration, Refugees, and Foreign Policy. U.S. and German Policies toward Countries of Origin.* – Oxford: Berghn Book, 1997).

²⁰⁸ Fassmann H., Munz R. *European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Pattern, Actual Trends and Social Implications.* - IIASA Austria, Edvard Elgar, 1994, p.4

Таблица 1. Структура занятости иностранцев и этнических немцев в Германии в 1989 году, %

<i>Группы работников</i>	<i>Иностранцы</i>	<i>Этнические немцы</i>
Неквалифицированные рабочие	21	4
Полуквалифицированные рабочие	43	12
Высококвалифицированные рабочие	23	16
Клерки	9	46
Имеющие собственное дело	4	12
Государственные служащие	-	10
Итого:	100	100

Источник: Munz R., Weiner M. Migration, Refugees, and Foreign Policy. U.S. and German Policies toward Countries of Origin. – Oxford: Berghn Book, 1997.

Основными сферами занятости иностранцев были и остаются сельскохозяйственные сезонные работы, временная занятость в гостиничном сервисе и других отраслях сферы обслуживания.

С середины 70-х годов в западноевропейских странах начало заметно снижаться рождаемость. Переход к суженому воспроизводству, наряду с увеличением продолжительности жизни, привел к росту доли населения старших возрастов. Усилилось давление на системы социального обеспечения, прежде всего, пенсионную, для оптимального функционирования которой необходимо не менее трех работающих на одного пенсионера. Все больше стали говорить о кризисе пенсионной системы.

Жесткость проводимой западноевропейскими странами политики в отношении натурализации мигрантов шла вразрез с требованиями развития экономики. Политика набора “временной” рабочей силы, исключая ее нормальное функционирование, привела к созданию в обществе прослойки так называемых «новых меньшинств», однако вся серьезность проблемы в полной мере была осознана лишь в 90-е годы.

Итогом данного этапа (1973 - конец 80-х годов) явилось несоответствие проводимой западноевропейскими государствами политики в области трудовой миграции реальным миграционным процессам. Все большую роль, несмотря на запретительные меры, стала играть ступенчатая миграция воссоединяющихся семей. Более высокая фертильность мигрантов также способствовала росту их численности.

Южные европейские страны по мере развития экономики стали превращаться в принимающие. Италия, например, уже к 1990 году име-

ла 800 тыс. иностранцев (в 1982 году только 300 тыс.).²⁰⁹ По мере расшатывания социалистической системы стал усиливаться поток беженцев и лиц, ищущих убежище, с преобладанием потока с Востока на Запад.

Конец 80-х – начало 90-х годов – период начала объединения стран Западной Европы. Подписание в 1992 году Маастрихтского договора дало положительный эффект для мигрантов из стран Европейского Союза, легализовав их в странах проживания. Так, в Германии после учреждения Европейского союза фактически 50% трудовых мигрантов из этих стран получили возможность на интеграцию. Из остальных мигрантов 33% составляли турки и 13% – жители бывшей Югославии.²¹⁰ Официальное количество неграждан Европейского Союза в 15 развитых западноевропейских странах составило около 11 млн. человек, в том числе в Германии – 5 млн. человек, во Франции – 2 млн. чел. и в Великобритании – 1 млн. человек.²¹¹

В 90-е годы произошло дальнейшее усиление потоков Восток – Запад. Миграция сыграла важную роль в политической трансформации европейских стран. Так, под давлением волны мигрантов на запад венгерское правительство в конце 1989 года открыло границу с Австрией, и поток немцев из Восточной Германии устремился туда, сделав бессмысленной Берлинскую стену и железный занавес.²¹² Падение железного занавеса привело к упрощению трудовых связей западноевропейских и центральноевропейских стран, увеличению потока беженцев и лиц, ищущих убежище, из зон конфликтов в республиках бывшего СССР и бывшей Югославии. Боязнь большого неконтролируемого притока извне дала толчок юридическому оформлению единого экономического и политического пространства западноевропейских стран, формированию внутренней безвизовой зоны и буферной зоны вокруг. Подписанием Маастрихтского договора западноевропейские страны сделали первый шаг на пути к контролю за внешней миграцией. Введение зоны буферных, так называемых «безопасных» стран, снижает легальные возможности проникновения в Евросоюз лиц, ищущих убежище.

Миграции 90-х годов – это прежде всего поляризация стран на **Шенгенские, страны буферной зоны** (в том числе ожидающие приема в члены ЕЭС), **транзитные страны и страны исхода**.

²⁰⁹ *ibidem*

²¹⁰ *OECD. Trends in International Migration. - Paris, SOPEMI, 2000*

²¹¹ *Migration News, 2000, December, vol.7, №12, p.1*

²¹² *Castles S., Miller M. J. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Second ed. - London, UK, Macmillan Press, 1998.*

У каждого типа стран имеются следующие приоритеты миграционной политики.

Шенгенские страны (с Великобританией и Ирландией):

- выработка жестко ограничительной политики доступа мигрантов на рынок труда;
- включение соседних (буферных) стран в режим контроля за миграцией;

Страны Центральной, Восточной и Южной Европы – кандидаты в ЕЭС (буферные страны):

- принятие и приведение в соответствие с требованиями, связанными с возможностью потенциального вступления в ЕЭС, законодательных структур и законодательных основ, регулирующих миграцию.

Миграционная политика всех Шенгенских стран и кандидатов в члены ЕЭС охватывает несколько основных направлений:

- усиление пограничного контроля; национальные и международные меры по усилению контроля за потоками;
- борьба с нелегальной миграцией и занятостью; санкции против работодателей нелегальных мигрантов;
- меры по улучшению кооперации как между принимающими странами, так и буферными;
- усиление визового режима между буферными странами и странами исхода;

Транзитные страны – страны бывшего СССР, Турция и страны Магриба (Северная Африка).

- усиление пограничного контроля и борьбы с нелегальной миграцией;
- кооперация со странами ЕЭС и буферными странами в рамках разработки системы предоставления убежища для беженцев.

Пути влияния западноевропейских стран на страны исхода и транзитные страны следующие:

- оказание им помощи в организации контроля мигрантов;
- развитие торговых инициатив для поддержки экономики этих стран;
- улучшение политической ситуации в странах исхода, для возможности возврата мигрантов;
- обеспечение возможности устойчивого развития;

Организация по Экономическому Сотрудничеству и Развитию (OECD) отметила в своем докладе следующие основные миграционные тренды последних лет:

1. Рост количества беженцев и трудовых мигрантов, стремящихся в процветающие страны, включая страны-кандидаты (Чехию, Венгрию, Польшу).

2. Постепенное превращение стран Центральной и Восточной Европы из транзитных в страны приема²¹³; введение ими пограничного режима с транзитными странами; введение зон свободной торговли (особенно в приграничных территориях, в частном секторе, что способствовало увеличению занятости иностранцев).

3. Смена эмиграции на временную миграцию, увеличение миграционного обмена между странами Центральной Европы. Число желающих поехать на временную работу колеблется от 18% в Польше до 57% в Хорватии, в то время как на постоянное местожительства – от 7% в Болгарии до 26% в бывшей Югославии.²¹⁴

4. Рост нелегальной миграции и борьба с ней²¹⁵. Основным направлением борьбы с нелегальной миграцией является: сотрудничество со странами исхода. Оно предусматривает общий контроль границ (распространение информации между странами о миграционной ситуации); связи с агентствами по рекрутменту трудовых мигрантов; меры по интеграции мигрантов.

²¹³ В Венгрии например, легальные мигранты насчитывают около 100 тыс. чел.; в Польше - 21 тыс.; в Чехии 70 тыс. мигрантов-словаков, 61 тыс. украинцев (200 тыс. - неофициальная цифра). Они работают в основном на транспорте, розничной торговле, обслуживании, ресторанах. (OECD. Trends in International Migration. - Paris, SOPEMI, 2000)

²¹⁴ ЮМ. Migration Potention of Central and Eastern Europe. - Geneva, 1998), p.13

²¹⁵ Поскольку целью нелегальной миграции в большинстве случаев являются возможности заработка, ее логично рассматривать как подвид трудовой миграции, тем более, что ее объемы в несколько раз превышают легальную трудовую миграцию. Масштабы нелегальной миграции растут с каждым годом, влияние велико. Так, по данным за 90-е годы только из России в страны Западной и Восточной Европы с целью проституции выезжало около 500 тыс. женщин, из Восточной Европы около 300 тыс. (Gentleman, A. Russians launch crackdown on 'Sex slave' traffickers. // "The Observer", 2000, november, 12; Cryderman K. Ukrainian emigrants forced into prostitution, women say. // "Ottawa Citizen", 2000, november, 20)

5. Существенные послабления в возможностях трудоустройства в западноевропейских странах²¹⁶ для стран-кандидатов.

По мнению экономистов из OECD использование иностранной рабочей силы не оказывает влияния на безработицу среди коренного населения принимающих стран (табл. 2), так как трудовые мигранты занимают весьма специфические ниши занятости и не конкурируют на рынке труда с местными жителями.

Таблица 2. Уровень безработицы среди граждан и иностранцев (мужчины), 1998 год, %

<i>Страна</i>	<i>Граждане</i>	<i>Иностранцы</i>
Австрия	4.8	10.3
Бельгия	6.5	18.9
Дания	3.8	7.4
Финляндия	12.7	36.0
Франция	9.6	22.0
Германия	8.5	17.3
Ирландия	8.0	12.4
Италия	9.6	5,10
Люксембург	1,50	2,60
Нидерланды	3,10	11.60
Швеция	9.3	23,20
Великобритания	6,80	10.7

Источник: Trends in International Migration – 2000. - OECD, SOPEMI, 2000

О проблеме нелегальной миграции. По оценкам специалистов объемы данного вида миграции в западно-европейских странах составляют

²¹⁶ Так, например, с конца 1990-х годов Германия проводит новую политику трудовой миграции по нескольким каналам: 1. занятость по определенным программам (2 года с сохранением немецкого стандарта оплаты и социальных выплат в конкретных строительных программах); 2. занятость по обменной программе со странами Центральной Европы (на 1 год, как по обмену опытом; в основном в тяжелой индустрии); 3. сезонные работы до 3 месяцев в основном в сельском хозяйстве, сфере обслуживания (отелях, общепите, строительстве -оплата по местным стандартам) (Munz R., Weiner M. *Migration, Refugees, and Foreign Policy. U.S. and German Policies toward Countries of Origin.* – Oxford: Berghn Book, 1997)

10% от легальной. За исключением Германии, занятость на легальном рынке труда в странах Западной Европы граждан Центральной и Восточной Европы в последние годы увеличилась незначительно при резком росте численности нелегальных трудовых мигрантов. Нелегальная миграция трудно регистрируема, так как для многих стран Центральной Европы виза не нужна. Многие мигранты, стремящиеся в Западные страны, прибывают сначала в Чехию, Венгрию и Польшу по легальным документам как туристы, по делам бизнеса или студенческим визам. Основными ареалами исхода иммигрантов все еще остаются страны бывшего СССР (особенно Украина и Белоруссия), а также Румыния, страны бывшей Югославии.

Например, в Венгрии, не вводящей визы с Украиной и Румынией из-за проживающего в этих странах венгерского меньшинства, неучтенная, так называемая «временная» миграция очень велика. Каждый месяц тысячи фактически постоянно работающих украинцев пересекают границу во избежание получения виз. Маятниковые мигранты вообще нигде не учитываются.

Правительствам западноевропейских стран экспертами рекомендовано увеличить легальную трудовую миграцию, поскольку, по их мнению, она выгодна для экономики и рынка труда Европейского Союза. Одной из наиболее важных причин для рекомендации роста трудовой миграции в западноевропейские страны стал кризис пенсионной системы и нехватка рабочей силы здесь.

Итогом миграционной политики стран Евросоюза 80-х – 90-х годов можно считать то, что, начиная с момента подписания Маастрихтского договора, наряду с разработкой собственной политики в отношении приема и поселения иностранцев, все страны в той или иной степени пытаются осуществлять единую интеграционную политику. Однако пока это им слабо удается. В качестве положительного момента следует отметить их единодушную кооперацию в разработке единого положения о предоставлении убежища. По оценкам западных специалистов миграционная политика скорее характеризуется так называемым «избирательным» подходом (предпочтение мигрантов одних стран другим, определенных видов и длительности трудовой миграции, одних специалистов другим), нежели политикой «регулирования».²¹⁷

В конце 90-х годов начинается новый этап миграционной политики западноевропейских стран – *отход от этнической модели государст-*

²¹⁷ Geddes, A. *Immigration and European Integration. Toward fortress Europe?* – Manchester, UK, Manchester University Press, 2000, p.14

венного устройства к эмигрантской модели. Резкое падение рождаемости,²¹⁸ кризис пенсионной системы и нехватка рабочих мест в определенных сферах занятости, высокая доля так называемых «новых меньшинств» (существование которых уже невозможно не заметить), как и рост нелегальной миграции²¹⁹ привели к изменениям в законодательной политике западноевропейских стран в области миграции. Это выразилось в изменении их законодательства в сторону отхода от моноэтнической модели государственного устройства и принятие элементов иммигрантской модели государства, которая включает разработку интеграционных программ вовлечения мигрантов в социальную жизнь общества стран приема.

Начиная с 1998 года, западноевропейские страны постепенно превращаются в страны иммиграции и вынуждены разрабатывать законодательство и политику по интеграции иммигрантов, которая включает:

- разработку и введение в действие новой, более либеральной процедуры получения гражданства;
- меры по интеграции беженцев;
- меры по интеграции через образование детей и тренинг взрослых (школы, тренинг в отпускное время, языковые курсы, помощь в поиске жилья, доступ к системе здравоохранения и т.д.);
- принятие в Италии, Испании, Дании, Греции, Норвегии, Франции, Германии и других западноевропейских странах специальных законодательных актов по искоренению и предотвращению ксенофобии и расизма по отношению к иностранцам, проживающим в этих странах.

Кроме того, страны Западной Европы принимают меры, которые применяют уже давно:

- уменьшение сроков натурализации (с 15 лет для многих стран до 7-8 лет);
- изменение принципа происхождения (*jus sanguinis*) на принцип места рождения и времени проживания (*jus soli*);
- введение системы квот по специальностям или странам исхода (так, нехватка специалистов определенных квалификаций, особенно в области информации и коммуникации, в Европе оценивается в 2 млн.

²¹⁸ В Европейском союзе средняя фертильность составляет 1,45 детей на женщину. (*Migration News, 2001, January, vol.8, №1*)

²¹⁹ Около 500 тыс. нелегальных мигрантов прибыли в Европу в 2000 году, что в 10 раз выше, чем в начале 90-х годов (*Migration News, 2001, January, vol.8, №1*).

чел.; Германия, например, ввела на 20 тыс. мест «green card» на пять лет, облегчен также порядок получение виз)²²⁰;

- легализация нелегальных мигрантов, которые уже работают в европейских странах (до сих пор из-за нелегального проникновения в страну они подвергались штрафам с отсрочкой в подаче заявления на постоянное проживание и натурализацию)²²¹;

- меры по снижению численности беженцев и предоставление убежища²²² (Германия ввела квоту 100.000 человек в год; многие страны, в частности, Нидерланды, дают временное убежище от 6 до 12 месяцев с разрешением работать и после нормализации обстановки в странах исхода обеспечивают билетами, социальным пособием, а также предоставляют возможность посещать страну-убежище в случае согласия на возвращение);

- меры по воссоединению семей (уменьшаются сроки натурализации для жен и мужей граждан западноевропейских стран).

- набор на работу через образовательные каналы (Великобритания и Германия²²³ заявили, что с 2001 года будут выделять специальные квоты для студентов-иностранцев, закончивших ВУЗы в этих странах, если они найдут постоянную работу).

Основные выводы

Анализ миграционных процессов и миграционной политики западноевропейских стран показывает, что до начала 70-х годов политика на-

²²⁰ Германия в середине 2001 г. предполагает одобрить, вероятнее всего, канадский тип балловой системы при отборе мигрантов по квотам, но с фиксированным количеством мигрантов в год. Федеральный офис по миграции и интеграции выбрал эту схему, основанную в Канаде в 1976 году. Аппlicants оцениваются по 9 основным критериям с максимальным набором баллов в 107. Например: знание языка – максимум 15 баллов; уровень образования – 16; специальность – 10; опыт работы – 8; контракт – 10; возраст – 10; и т.д. Минимально проходное количество баллов – 70. (Conservative fuel new debate on immigration» Global News Wire, April, 24, 2001. // Migration News, 2001, february, vol.8, №2, p.16)

²²¹ На 940 тыс. иностранцев в Испании по оценкам приходится 200 тыс. нелегальных мигрантов, в Португалии – 350 тыс. (Migration News, 2001, march, vol.8, №3)

²²² В Европе в 2000 году насчитывалось 2,6 млн. беженцев (UNHCR. The State of the World Refugees: 50 years of Humanitarian Actions. - UNHCR, 2000, p.16).

²²³ 12 тыс. иностранцев-выпускников высших заведений Германии могут остаться в стране в случае успешного нахождения работы. (Migration News, 2001, february, vol.8, №2, p.16)

бора «гостевых рабочих» на временной основе работала успешно. Требования рынка труда и политика в отношении миграции соответствовали друг другу, что способствовало нормальному развитию экономики этих стран.

После нефтяного кризиса 70-х, несмотря на то, что все страны заморозили прием иностранных рабочих, в страны исхода вернулась только половина. Уже вразрез с политикой западноевропейских государств и требованиями экономики росла численность иностранцев за счет воссоединения семей (по данным OECD 50% всех миграций в европейские страны идет по линии семейных обстоятельств; кроме того, численность мигрантов растет и за счет более высоких показателей их фертильности). Страны приема в течение 20 лет упорно старались не замечать возникновения и становления так называемых «новых меньшинств».

В 90-х годах, когда демографические процессы и требования рынка труда вошли в противоречие с запретительной миграционной политикой западноевропейских правительств, последняя стала пересматриваться в сторону более дифференцированного, избирательного подхода к разным категориям стран и видам специальностей. Возросла роль «новых меньшинств»: государства были вынуждены признать, что закрывать глаза на проблемы иностранцев - не значит решить их. Объективный процесс роста доли населения «новых меньшинств» со своей миграционной сетью дает основание думать, что запретительные меры будут мало эффективны. Европа нуждается в рабочей силе, в основном неквалифицированной, сезонной, для специфичных отраслей, и рынок труда диктует свои правила. Поскольку легальная миграция более предпочтительна, чем нелегальная (даже с точки зрения получения налогов), страны Евросоюза в настоящее время находятся в процессе мучительного поиска золотой середины между разрешительными и ограничительными мерами миграционного контроля.

БОРЬБА И ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ И ОПЫТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И ПЕРЕХОДНЫХ СТРАН²²⁴

*Клавдия ЗАВТУР
Республика Молдова, Кишинэу,
Институт политических наук и
международных отношений,
кафедра политических наук и права
доктор, доцент*

*Кристина КОВАЛЬ
Республика Молдова, Кишинэу,
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений,
политических и административных наук,
магистрант*

Терроризм известен человечеству с древних времен. Он превратился в XX столетии в серьезную проблему для всего мирового сообщества. Общее историческое развитие терроризма шло по цепочке: индивидуальный – групповой - локальный – международный. Под международным терроризмом понимают «современный терроризм» или хорошо отлаженную систему взаимосвязей между террористическими организациями всего мира, каждая из которых хорошо структурирована: состоит из руководящего и оперативного звена, подразделений разведки и контрразведки, материально-технического обеспечения, боевых групп и прикрытия, характеризуется жесткой конспирацией и тщательным отбором кадров, наличием агентуры в правоохранительных и государственных органах, обладает разветвленной сетью конспиративных укрытий, учебных баз и полигонов, имеет надежные каналы поступления финансовых средств и оружия и пользуется популярностью у некоторых слоев населения.

Никто сегодня не застрахован от все проникающей опасности терроризма - ни простые граждане, ни самые защищенные из политических и государственных деятелей (примеры тому - убийства ряда президентов США, премьер-министра Италии – А. Моро, Индии - Индиры и Раджива Ганди, Израиля - И.Рабина).

²²⁴ Рецензент – доктор политических наук Чезар Мынэскуртэ

Терроризм представляет собой негативное общественное явление, следовательно, чтобы обезопасить жизнь своих граждан, государства должны бороться с этим явлением. В процессе борьбы возникают объективные сложности. Рассмотрим их на двух уровнях: на мировом и на уровне отдельного государства, на примере Республики Молдова.

Сегодня ООН является одним из основных органов, занимающихся разъяснением и толкованием международного права. Заинтересованность ООН в деле борьбы с международным терроризмом нашла свое международно-правовое закрепление в ряде двухсторонних и многосторонних международных соглашений. Это подписанная 2 февраля 1971 года в рамках организации Американских государств Конвенция о предупреждении и наказании терроризма, Европейская конвенция по упразднению терроризма от 27 января 1977 года, Токийское соглашение о международном терроризме от 5 мая 1986 года. Меры борьбы с терроризмом предусматриваются также в итоговом документе встречи 1989 года представителей государств-членов совета по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)²²⁵.

В последние годы состоялось большое количество международных встреч (например, глав правительств и министров иностранных дел из 27 стран в египетском городе Шарм-эш-Шейхе, руководителей спецслужб и правоохранительных органов в Париже, ряд совещаний в рамках СНГ), а также международных конференций, посвященных проблеме борьбы с терроризмом. На таких встречах были заключены двух- и многосторонние соглашения, в числе которых Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов; Европейская конвенция о борьбе с терроризмом;

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников; Конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом и ряд других²²⁶.

Проблема терроризма стала весьма актуальной и для всех государств СНГ. Так, в рамках Содружества были приняты следующие документы:

- Концепция коллективной безопасности;
- Решение о совместных мерах по борьбе с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств - участников Содружества;
- Договор о сотрудничестве в охране границ государств участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими

²²⁵ Моджорян Л.А. *Терроризм и национально-освободительные движения. // Государство и право, 1998, №3, с.86.*

²²⁶ Петрищев В.Е. *Заметки о терроризме. – Москва: УРСС, 2001, с.19.*

в Содружество, и другие, в которых государства СНГ заявили о своей готовности к тесному сотрудничеству в области противодействия террористическим угрозам²²⁷.

7 октября 2002 года в Кишиневе было подписано Положение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств - участников Содружества Независимых Государств. Положение предусматривает проведение совместных антитеррористических мероприятий в целях пресечения террористической деятельности, в том числе:

- освобождения захваченных террористами заложников;
- обезвреживания взрывных устройств большой мощности или других поражающих устройств сложной конструкции;
- освобождения захваченных террористами объектов повышенной технологической и экологической опасности, атомной промышленности, транспорта, энергетики, химических производств и иных объектов (здания и помещения дипломатических представительств и др.);
- задержания террористов, ликвидации террористических групп и формирований.

Для непосредственного управления специальными антитеррористическими формированиями при проведении совместных антитеррористических мероприятий создается орган управления. Основными задачами органа управления в ходе проведения совместных антитеррористических мероприятий являются:

- сбор сведений об обстановке, оценка, обобщение и анализ информации;
- разработка плана проведения совместного антитеррористического мероприятия;
- организация подготовки и применения привлекаемых сил, специальных средств и материалов обеспечения, принятия мер к предотвращению возможных негативных последствий;
- разработка тактики ведения переговоров и организация их проведения с лицами, являющимися объектами проведения совместного антитеррористического мероприятия;
- осуществления взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления;
- обеспечения проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;
- подведение итогов проведенных мероприятий.²²⁸

²²⁷ Там же . – Москва: УРСС, 2001, с.117.

Политика большинства западных государств базируется на следующих принципах:

- не делать террористам никаких уступок;
- оказывать максимальное давление на страны, поддерживающие терроризм;
- в полной мере использовать имеющиеся в своем распоряжении силы и средства, в том числе и военные для наказания террористов;

Большинство стран давно пришло к выводу, что борьбой с терроризмом должна заниматься специальная организация. Одной из первых по этому пути пошла Великобритания, создав в 1941 году специальную службу (САС) как элитную, высокопрофессиональную антитеррористическую организацию. Сегодня САС делает основной упор на борьбу с террористами Ирландской Республиканской Армии (ИРА) выступающей за воссоединение британской провинции Ольстер с Ирландией²²⁹.

В США к антитеррористической деятельности привлечены различные ведомства, к важнейшим из которых относятся государственный департамент ЦРУ, ФБР и министерство обороны. В настоящее время США проводят жесткую политику по отношению к террористическим организациям и их спонсорам, которую они называют «войной против оси зла». Правовой базой по борьбе с терроризмом в США служит закон 1996 года «О борьбе с терроризмом и эффективности высшей меры наказания», а также «Акт США о патриотизме» (24 октября 2001)²³⁰. В связи с принятием последнего нормативного акта сенатор от штата Висконсин Расс Файнголд, отметил: «Мы должны удвоить бдительность, чтобы гарантировать нашу безопасность и предотвратить акты террора. Но мы также должны удвоить бдительность, чтобы сохранить наши ценности и основные права и свободы, которые делают нас теми, кто мы есть»²³¹.

Во Франции с террористами ведут борьбу подразделения "БРИ" (поиск и уничтожение). В этом элитном отряде насчитывается около 30 бойцов-одиночек, которым президент Франции предоставил исключи-

²²⁸ *Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территории государств-участников Содружества Независимых Государств. // Информационный бюллетень Совета Министров обороны государств-участников СНГ. – Москва: Воениздат, 2003, №10, с.32-43.*

²²⁹ *См. Власов И.С. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. – Москва, 2002, с.41-61.*

²³⁰ *Там же. – Москва, 2002, с.7.*

²³¹ *Там же. – Москва, 2002, с.10*

тельные полномочия уничтожать террористов на месте на стадии покушения. Во Франции, на борьбу с террористическими преступлениями направлен закон «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» от 9 сентября 1986 года²³².

В Германии в 1972 году была создана ГСГ-9 в составе федеральной пограничной полиции. Законодательной базой организации в борьбе с терроризмом служат конституционные поправки, касающиеся личных прав граждан, направленные против соучастия в террористических актах, пропаганды терроризма, его угрозы, оказания террористам материальной и финансовой помощи. В 1986 году в Германии принят целевой закон "О борьбе с терроризмом"²³³.

В Испании как полицейский антитеррористический блок сформирована группа СЕО, в которую включены лучшие специалисты спецслужб страны. Нормативной базой деятельности СЕО служит закон 1987 года "О борьбе с терроризмом"²³⁴.

В Республике Молдова парламент принял «Закон о борьбе с терроризмом» 12 октября 2001 года. Разработана и принята общегосударственная программа мер борьбы с терроризмом (2002) предусматривающая: - правовые меры борьбы с терроризмом, изменение, конкретизацию и принятие новых статей конституции, касающихся борьбы с терроризмом;

- ратификацию международных конвенций по борьбе с терроризмом и организованной преступностью;

- ратификацию договора и создание Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых государств, подписанного президентами стран - участников СНГ 1 декабря 2000 года;

- общепредупредительные меры, в том числе и установление контроля над «рынками» оружия и других средств массового поражения;

- административно-режимные меры, сюда относят и меры по государственному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом;

- специальные (оперативно-розыскные, технические и охранные) меры предупреждения террористических проявлений.

²³² Моджорян Л.А. *Терроризм и национально-освободительные движения*. // *Государство и право*, 1998, №3, с.84.

²³³ Там же, с.92-102.

²³⁴ Там же, с.113-127.

- создание в рамках Службы Информации и Безопасности Молдовы для проведения антитеррористических операций подразделения «А».²³⁵

Многие из предусмотренных программой мероприятий уже выполнены. Например, были ратифицированы: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (18 июля 2002); были внесены изменения в Закон о борьбе с терроризмом (29 мая 2003); были подписаны соглашения между правительством Республики Молдова и правительством Латвийской Республики о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом (27 октября 2003).

Дискуссионным и имеющим практический смысл является вопрос о том, какую позицию должны занимать власти в отношении террористов: выполнять их требования или нет. В мировой практике сформировались два подхода. Первый подход (Израиль) предусматривает уничтожение террористов при всех обстоятельствах, даже если это повлечет за собой гибель заложников. Второй, более взвешенный подход, предполагает выполнение лишь некоторых непринципиальных условий, выдвигаемых террористами, с тем, чтобы минимизировать возможные потери²³⁶.

Конфликтологи из ООН рекомендуют в борьбе с массовым терроризмом руководствоваться следующими принципами:

- никакой капитуляции перед террористами;
- полная решимость победить терроризм в рамках закона и демократического процесса;
- никаких сделок с террористами, никаких уступок, даже перед лицом серьезнейшей угрозы или шантажа;
- должны быть приложены максимальные усилия для того, чтобы дела по обвинению террористов дошли до суда и был вынесен законный приговор;
- должны быть приняты жесткие меры наказания в отношении государств-спонсоров терроризма;
- государство должно решительно пресекать попытки террористов блокировать или подорвать международные дипломатические усилия по разрешению важнейших политических кризисов²³⁷.

²³⁵ См. Завтур К., Коваль К. *Терроризм: понятие, основные тенденции развития и меры противодействия*. // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI*. – Chişinău: USM, 2003, с.117-125.

²³⁶ См. подробно: Нетаньяху Б. *Война с терроризмом*. – Москва: Альпина, 2002, с.37-59.

²³⁷ Гатов В. *Правила обращения с терроризмом: Мировой опыт* // *www.policy.ru*.

Чаще всего государство сталкивается с террористическими проявлениями, не затрагивающими международного правопорядка, в связи с чем вынуждено противодействовать им самостоятельно и создавать систему мер профилактики терроризма.

О важности профилактических усилий заявляет профессор из Университета Дж.Вашингтона (Вашингтон, США) Д.Поуст. По мнению Поуста, к успеху может привести "многосторонняя позитивная энергичная политика, основанная на понимании групповой, организационной и социальной психологии терроризма"²³⁸.

Представители спецслужб стран-членов Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) на совещании, посвященном проблеме борьбы с терроризмом в регионе, отмечали: "Покончить с террористическими движениями чисто карательными мерами невозможно. Для этого нужны в первую очередь политические меры на правительственном уровне, направленные на стабилизацию социально-экономической обстановки в странах региона"²³⁹.

Важность общегосударственного подхода к решению задачи профилактики терроризма, отмечали и авторы специального доклада, подготовленного в Исследовательском институте изучения конфликтов и терроризма (Research institute for the study of conflict and terrorism)²⁴⁰. В документе показана положительная роль, которую сыграли профилактические усилия итальянского правительства в период активизации в этой стране террористических проявлений в конце 60-70-х годов. При этом подавляющим большинством итальянских граждан терроризм отвергался и осуждался как неприемлемый насильственный метод ведения политической борьбы.

Фундаментом общегосударственной системы мер профилактики терроризма должна быть грамотная политика, имеющая целью оптимизацию общественных отношений в стране и исключающая возникновение острых антагонистических противоречий между народом и властью, отдельными слоями и группами населения, политическими движениями и партиями. Общегосударственная система мер профилактики терроризма должна осуществляться через разработку и проведение в жизнь специальных программ направленных на устранение конфликтов социальных и межнациональных, на развитие экономики, а также на борьбу с преступностью, коррупцией и другими террорными явлениями. Эффекти-

²³⁸ *Цит. по: Поуст Д. Мы против них: групповая динамика политического терроризма. – Москва: Институт социологии РАН, 1993, с.43-44.*

²³⁹ *Петрицев В.Е. Заметки о терроризме. – Москва: УРСС, 2001, с.250-251.*

²⁴⁰ *Там же, с.251.*

вность реализации этих мер прямо или опосредованно влияет и на состояние терророгенных факторов. Факторы, воспроизводящие террористические проявления, при низкой эффективности осуществления системы мер профилактики терроризма способны как злокачественная опухоль увеличивать масштабы, наращивать криминогенный потенциал, приобретать таким образом новое качество и переходить в разряд терророгенных детерминант.

Успех в борьбе с терроризмом может быть достигнут лишь совместными усилиями заинтересованных сторон, всего мирового сообщества. Борьба с международным терроризмом должна стать предметом обсуждения на встречах глав государств и правительств. Актуальным должно стать создание совместных структур, совместная подготовка и проведение научных конференций, совещаний специалистов по борьбе с терроризмом, совместных тренировок спецподразделений.

Библиография

- Власов И.С. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. – Москва, 2002.
- Гатов В. Правила обращения с терроризмом: мировой опыт // [www. Polisy.ru](http://www.Polisy.ru).
- Завтур К., Коваль К. Терроризм: понятие, основные тенденции развития и меры противодействия. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chişinău: USM, 2003.
- Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения. // Государство и право, 1998, №3.
- Нетаньяху Б. Война с терроризмом. – Москва: Альпина, 2002.
- Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – Москва: УРСС, 2001.
- Поуст Д. Мы против них: групповая динамика политического терроризма. – Москва: Институт социологии РАН, 1993.
- Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территории государств-участников Содружества Независимых Государств. // Информационный бюллетень Совета Министров обороны государств-участников СНГ. – Москва: Воениздат, 2003, №10.

SUMMARY

MOSNEAGA V., TURCAN V., RUSNAC GH.

The Institutionalization of Politology as a Discipline of Study in Republic of Moldova

The article is dedicated to the complex analyses of the process of institutionalization of politology as a study discipline in the independent Moldova. There are enumerated the basic stages, is given the characteristic of each of it and in the article, are shown the basic aspects of the institutionalization. The article is elaborated on a very reach statistical and fact-base materials. Also, in the article are used archive data on this topic.

SACA V.

Political Science in Republic of Moldova: Topical and Instrumental Dimension

In the article are analyzed the problems of establishment and evolution of political science in Moldova. A special attention is given to the topics, that are caused by the contemporary processes that have place in Moldavian society: migration of the population, political and electoral process, social policy, political interests and political relations, social-political conflict, relations between political and civil society, international relations and external policy, etc. In the paper are analyzed the problems of application of different methodological approaches in studying the contemporary political processes in Moldova.

TABIRTA V.

The Territorial-Administrative Reform in Republic of Moldova: Between Centralism and Decentralization

In the article is annualized the process of implementation of the territorial-administrative reform, from the beginning of the '90 until the present time. There are analyzed the courses and different factors that influenced the formulation and implementation of the reform, moving it to different direction in its evolution from decentralization to the re-centralization of the system of local public administration and returning to the old territorial-administrative structure of Republic of Moldova.

TABIRTA S.

The Role of the State in the Evolution and the Regulation of Social Stratification

The article presents a complex analyses of the role of state in general and specially its role in evolution of the social stratification in transition period. The author characterize the activity of the state, the difficulties than is facing the state in this period, the positive and negative consequences of state activity on social stratification. Beside state, the other factors that influence the evolution of social stratification are analyzed as well. Also, is examined the role of state in formulation and implementation of social policies and the main mechanisms of social stratification regulation.

ANGHEL E.

Identity Representation of the Masses in Transition Period

This article presents a study of ethnic groups' relations in Republic of Moldova. It shows how features associated with different ethnic groups are connected to the mass behaviour. The author also examines the most basic assumptions of the theory of mass beliefs, tests them against the questions raised by the practice, and recasts the theory into a new and coherent whole.

BULOVA M.

The Analyses of Political Dialects as a Possible Approach of the Electoral Space Study

This article represents the structural analysis of the position in the dynamics of the space and time aspect. Such a geochronometrical study program in the Republic of Moldova encourages the reaching of a new level of political practice in Moldova. Furthermore it encourages the research and the using of the contemporary ways and resources as a whole and in particular the political development, of the electoral field of the Republic of Moldova.

MOROZAN A.

International Organizations and the Rights Protection of National Minorities in Republic of Moldova

In spite of many economical, social-political and cultural difficulties inherent to the process of transition from the communist society to the values of European civilization, the problems that face national minorities in Republic of Moldova are the object of a constant concern of the state institutions. The Parliament Declaration from 26 May, 1992 that: "the legislation

alignment to the international standards in the field of human rights, is the only way able to consolidate the democracy and to ensure the person that belongs to the ethnic, linguistic and religious minorities, the rights to defend and develop their identity". Republic of Moldova has adhered to many international documents, that refers to the human rights within UNO, European Council, OSCE, etc. Republic of Moldova tend to adopt the European standards and values, that's why the issue of national minorities rights remains one of the most important problem in these days.

PERU A.

Legitimization, Authority and Charisma - the Elements of the Political Leader Image (comparative study)

Every political image campaign is leaning on a large number of objective and subjective factors. Among the objective factors that have a direct influence on the electoral weight of the political leader is legitimization and authority. Treated as a continuous phenomena, depending of the community demands and time opportunities, there can be distinguished the following types of legitimization/authority of political leader: traditional, legal-rational, charismatic, democratic, dogmatic, technocratic, etc. The Moldavian political environment has generated the democratic model of legitimization with a "pentagonal" characteristic. Thus, on Moldavian political field can be distinguished: the legitimization of surviving neo-communists, the legitimization of "nationalists", the legitimization of elitists, the legitimization of reformed communists.

TURCO T., BOLOTOV A.

Political Risk and the Electoral Campaign (on the Example of the Election of Deputies of State Duma of Russian Federation)

The article is dedicated to the problem of political risk in condition of the elections in State Duma from 2003. There are analyzed the economical, political and social factors that influence the level of political risk. The authors consider that in the new political situation, after the parliamentary elections, the level of political risk didn't change in cardinal way.

CEBOTARI S., SACA V.

The Evolution of Republic of Moldova and European Union's Relations trough the Prism of National Interest.

The strategic and basic objective of the Foreign Policy of the Republic of Moldova is the integration in the European Union. The present article is dedicated to the study of the political relations' evolution between our state

and the Union. The problem of European Integration through the view of national interest in the activity programs of all governments that were at power during almost 10 years has also been examined; certain steps taken to maintain and improve relations between European Union and Moldovan Republic are examined.

ERMOLOVICI A., BURDELINII E.

"Wider Europe – Neighborhood: Different Countries, Common Interests" (the Comparative Analyses of the European Vector of the External Policy of Republic of Belarusia and Republic of Moldova)

In the article there is examined the problem of European integration of two post-soviet countries - Republic of Moldova and Republic of Belorussia - within the new Conception of European Union Enlargement, in the relations with its eastern and southern neighbors "New Europe - neighborhood". There are analyzed the main directions of European external policy of these states. The authors came to the conclusion that for Republic of Moldova, the movement to European integration is possible and necessary, but it depends more and more on some internal factors - stable economical growth, the effective regulation of Transnistrian conflict, and democratization of the society. The Government of Belorussia, in general, supports the conception of collaboration between EU and neighborhood countries, as a conception in accordance with national strategic priorities in the sense of approaching with EU and the creation of Good Neighborhood.

MOLODIKOVA I.

The Basic Stages and Methods of Labor Migration Regulation in the East-European Countries.

In this article are presented the stages and methods of labor migration regulation in East-European countries. The author examines social, economical, political and demographic factors that influenced the process of migration to the Western countries, has produced some modifications in contemporary political policies and to the legislation.

The author's ideas and opinions are well argued and have a factual support.

ZAVTUR C., COVALI C.

The Struggle and Profilaxy against Terrorism: the International Approaches and the Experience of Democratic and Transitional Countries.

In the article the basic issues of struggle against terrorism are examined. The struggle and profilaxy against terrorism is examined at two levels - at the global and national level. In the article are examined the basic legal

documents on struggle against the terrorism, adopted by UNO and some countries.